СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Олег ГОВДА

ВОИН
БАШНЯ ВЕТРА

Мир гоблинам — война оркам!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Защитник деревни в мире, где жадные гоблины и тролли взяли верх над людьми — это работа для героя, но Владу она по плечу. Чтобы освободить людей от разорительной дани и преодолеть силы эльфийского заклятья, он отправляется в Мрачную рощу, где всякий смельчак обречен на погибель. Но ему помогают боги и… дух погибшего боевого товарища, который тоже оказался вместе с ним — здесь. И его миссия еще не закончена.

- Олег Говда
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
  - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8

Олег Говда
БАШНЯ ВЕТРА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ (проходная)

О, наслажденье скользить по краю,
Замрите, ангелы, смотрите, я играю,
Моих грехов разбор оставьте до поры,
Вы оцените красоту игры…

Юлий Ким

Глава первая

Лес я любил с детства. Важный, степенный, неторопливый. Особенно когда заканчивалось всякое цветение и начиналась грибная пора. Шагнешь с яркой солнечной опушки внутрь — и словно в другом мире оказываешься. Величественной стране философов и мудрецов, в которой нет места ни суете, ни поспешности.

Многие мои знакомые почему-то уверены, что чем быстрее носишься по лесу, чем большее расстояние намотаешь, тем гарантированнее успех, тем больше грибов окажется в лукошке. Потому что ноги обязательно вынесут тебя на заветную опушку, где этих самых даров природы окажется несметное количество, видимо-невидимо!.. Хоть в футбол ими играй, хоть косой коси.

Наверное, у этой легенды одни и те же корни с историей, имеющейся в запасе всякого уважающего себя рыбака… У которого хоть раз в жизни да сорвалась с крючка большущая рыбина (габариты упущенного улова ограничены только шириной размаха рук рассказчика). Подобные байки интересно слушать и поддакивать, но после — одни продолжают мечтать, а другие несут домой рыбу. Не фантастических размеров, зато полное ведерко. Или — лукошко, если вернуться к лесу и грибам…

Лесной покров прячет свои сокровища от жадных глаз лучше любого маскхалата. Тут зеленое пятно, там — желтое, рядом коричневое или еще какое-то. Здесь капелька росы или влажный листик блеснул, а там — что-то чернеет в более темном пятне густой тени. Все разноцветно, хаотично и бесформенно. И чтобы пропустить то, что ищешь, даже бежать нет надобности. Всего лишь чересчур резкий поворот головой, взгляд чуть быстрее скользнул, и калейдоскоп уже сменил картинку. Секунду тому назад ты четко видел жирную шляпку подберезовика или боровика, а сейчас вокруг одна только прелая листва.

По лесу надо двигаться осторожно, я бы даже сказал — нежно. Стараясь лишний раз не потревожить. Чтобы он перестал чувствовать в тебе чужака и успокоился.

Шаг левой ногой, а глаза тем временем изучают сектор между двенадцатым и пятым часом. Завершили осмотр, делаем шаг правой и глядим, что у нас под ногами от семи и до полуночи. Причем не надо забегать вперед. Три метра максимум. Да и то зависит от погоды. В солнечный ясный день еще есть смысл, а закроют небо тучи — и двух метров достаточно. Медленно? Да. Ну а куда торопиться? Это ж не марафонский забег. Тут не награждают тех, кто первым рванул финишную

ленту. Зато, если умеешь смотреть, уже ничто не укроется от твоего взгляда. Гарантированно… Как только глаза привыкнут к игре света, настроятся на поиск, даже те грибы, что еще раздумывали: показываться им из-под листвы или погодить, не смогут избежать лукошка.

А шагов через двадцать-тридцать можно и перевести дух. Оглядеться. Выбрать наиболее перспективное направление.

Многие уверены, что в грибной охоте самую важную роль играет случай. Поэтому — одним везет, а другие возвращаются с пустыми руками. И никто не может знать, под какими кустами прячется добыча: слева или справа. Вот и носятся как угорелые, пытаясь успеть везде. Давя и пиная сослепу те грибы, которые физически не в состоянии заметить.

Ничего подобного, тут тоже есть своя хитрость, основанная на опыте, умении наблюдать и делать выводы.

К примеру, если хоть раз повезло найти хорошую грибницу между корней старой березы, то этот эпизод запомнится навсегда. И сколько раз потом ты бы ни пришел в лес — нет-нет, да и свернешь к ближайшей березе. А вдруг там опять сюрприз ждет? Ну а если находка повторится — все, с этого дня каждый твой грибной поход будет пролегать от одной белоствольной красавицы к другой.

Плюс некоторые элементарные знания. Например, о том, что грибы хоть и любят влагу, но не переносят избыточной сырости и быстро гниют в чересчур темных местах. А значит, их лучше не искать ни в болотистых распадках, ни на вершинах холмов.

В общем, как певал в фильме «Первая перчатка» тренер и наставник чемпиона: «Во всем нужна сноровка, закалка, тренировка. Умейте выжидать, умейте нападать…».

Хорошая песенка, я и не заметил, как начал тихонько ее напевать.

— При каждой неудаче давать умейте сдачи. Иначе вам удачи не видать.

Ну что ж. Песенка шутейная, а суровая правда жизни целиком и полностью «на лице и в наличии». Потому что если первый раунд в целом остался за мной, то как сложится рисунок второго — бабка еще даже не ворожила.

Ладно, будем поглядеть. Погони нет, уже хорошо. Значит, Лупоглазым и в самом деле очень важен положительный результат доверенной мне миссии, если гоблины даже такое оскорбление проглотили и позволили уйти безнаказанно.

Кстати, здраво рассуждая, это тот единственный плюс, который можно записать себе в дебет. Потому что все остальное — исключительно минусы.

Первое — если освобождение Мрачной рощи от неизвестного зла так необходимо кланам, то чего же они до сих пор ничего достаточно серьезного не предприняли? Или предприняли, но потерпели такую сокрушительную неудачу, что зареклись соваться в негостеприимные дебри еще раз?

Отсюда вполне закономерно возникает второй вопрос — а не дурак ли я? И если честно, то сейчас как раз тот редкий случай, когда очень хотелось бы получить положительный ответ. Поскольку, как гласит народная мудрость: «Дуракам везет». А еще над ними простирает свою длань наш Всеблагой и Человеколюбец.

«Ау? Граждане-товарищи духи? Какие будут ваши соображения по обозначенному вопросу? Простирает или нет?»

Я выждал пару секунд, непроизвольно прислушиваясь к процессам, протекающим в моей голове, словно к постороннему шуму, но ничего внятного, впрочем, как и какого-либо иного — так и не услышал.

«Угу. А в ответ тишина. Он вчера не вернулся из боя…»

— Большущее вам человеческое спасибо. Нет, я конечно в курсе, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих, а вы просто приятно проводите время, но хоть какую-то информацию можете подогнать? Хоть намекнуть, куда тропинка меня завела и во что я вляпался? Есть ли у меня шансы на победу или лучше искать обходные пути, пока гоблины дожидаются результата. Долго они не выдержат — это и ежу понятно, но пару деньков уж потерпят. А если не страдать героизмом, то за имеющееся время можно много важных и где-то добрых дел совершить.

«Шанс есть».

— И на том спасибо.

Сеанс ментальной связи был слишком коротким, чтоб я успел засечь автора послания, но для собственного успокоения и поднятия духа стану считать, что это отозвался Эммануил. Все же он более солидный источник. Так сказать, из кругов приближенных.

— Ладно, тогда вперед. Будем надеяться, что убежать я всегда успею. А пока поглядим, какая гадость так испортила настроение этой мрачной роще.

* * *

Лес постепенно менялся. Та часть, которая оставалась у меня за спиной, больше напоминала ветрозаградительную лесополосу

рядом с машинно-тракторным станом какого-нибудь колхоза. Причем еще тех времен, когда механизаторов кормили обильными обедами, а руководство не жалело денег на подписные издания и прочую агитационную продукцию. Хорошо, что хоть лень была присуща гоблинам в той же мере, что и нечистоплотность. И уже всего лишь в каких-то ста шагах от стойбища моих нанимателей и благодетелей лес стал гораздо чище. Как и воздух.

Зато возникли другие ощущения, не столь радикального свойства, как вонь испражнений, но и не менее неприятные. По идее, я углублялся в лес, и соответственно с каждым моим шагом он должен был становиться более запущенным и густым, изъявляя природное стремление превратиться в непролазные дебри. А вместо этого пресловутая Мрачная роща все больше походила на причесанный парк в заповеднике, только асфальтированные дорожки и таблички «Private!» пока не попадались.

И еще мне все время казалось, будто оттуда, из-за ухоженных и прореженных по плану кустов и деревьев, на меня с прищуром глядят десятки настороженных глаз. Неторопливо совмещая при этом мушку с прорезью в прицельной планке. А ты, связанный присягой и приказом, идешь туда — и всей кожей чувствуешь, что вот-вот в «зеленке» сверкнет вспышка, которую, быть может, и не увидишь.

Глупость, конечно. Откуда здесь огнестрельное оружие? Максимум стрела прилетит. Впрочем, это уточнение в корне ситуацию не меняет. Какая разница, чем в тебе дырку сделают, ты же не окно в женской бане?

Ну очень мне не хотелось идти дальше. Вот прямо здесь бы и прилег на пару часиков. А там, глядишь, и отпустит.

— Дельная мысль, кстати, — пробормотал вслух. — Куда я тороплюсь? Поезд отлетает, что ли? Кто-то возражает? Говорите громче!.. Нет возражений? Вот и ладушки. Принято единогласно, в первом чтении.

Похоже, своевременно озвученное решение отдохнуть пришлось по вкусу не только мне. Потому что как только я стал высматривать более или менее подходящее место для привала, ощущение чужого взгляда тут же пропало. А вместе с ним и тяжесть, осязаемо давившая на плечи и сжимающая виски. Даже небо над головой возникло, пусть и фрагментарно, но яркими голубыми пятнами. Вот ведь как странно человек устроен: еще секунду назад, чувствуя опасность, я глядел только под ноги и по сторонам, а едва отпустило — тут же нос вверх и глаза в потолок. В смысле в небо…

— Не подадут, и не надейся… — Это я сам себе объяснил вслух. — Лучше на землю смотри, а то мало ли… Вдруг среди Лупоглазых нашелся менее ленивый гоблин? Запаришься потом сапоги чистить.

Черт! Как в воду глядел! Нашелся. И даже не один!

Нет, я ни во что не вступил и ничего не раздавил, но следы пребывания гоблинов обнаружил — очень неприятные и наводящие на размышления. Проще говоря, прямо передо мною было открытое кладбище. Достаточно старое, чтобы окончательно выветрились запахи разложения и тлена, но тем не менее ничего приятного в такой находке не имелось.

Судя по более густой и отличающейся темно-зеленым цветом траве, кладбище занимало площадь примерно шагов сто в длину и десять-пятнадцать в ширину. Рота, не меньше. От чего же они здесь погибли и почему никто не озаботился захоронением останков? Ладно, второй вопрос замнем для ясности, я же не знаток гоблинских обрядов. Может, у них именно так принято обращаться с погибшими. Но почему никто не обобрал мертвецов? Что, совсем никому не нужны ни оружие, ни доспехи? Пускай не самые дорогие, но все же.

Я нагнулся и поднял лежащее поверх легкого щита копье. Сплетенный из ивовых веток щит при этом распался на части, все же влага свое дело сделала, зато копье выглядело как новое. Крепкое, отполированное до блеска древко и, длиной в две пяди, насаженный на него металлический листообразный наконечник.

Скорее все же рогатина, чем копье.

Вообще-то я не слишком силен в классификации старинного оружия, так только, нахватался там и сям, но что рогатина обычно короче и массивнее копья — слышал. И вот это оружие, которое я сейчас сжимал в руке, буквально покоряло своей простотой, надежностью и мощью. Даже странно, что оно оказалось у гоблинов. Впрочем, что же тут непонятного, если вспомнить, сколько лет люди и нелюди воюют друг с другом. Понятно, что и лучшие образцы оружия время от времени меняют хозяев, переходя от мертвых воинов к победителям. Или вот так, как в моем случае…

Я перехватил рогатину крепче и, пользуясь как палкой, стал ворошить остатки еще не истлевших доспехов.

Странности обнаружились сразу и во множестве. Ни один из побеспокоенных мною шлемов, щитов, нагрудников или иных средств индивидуальной защиты не носил следов, так сказать, смертельного повреждения. Они не были ни смяты, ни разрублены в местах, прикрывающих жизненно важные органы!

Понятное дело, убить можно и не повреждая доспех. Но ведь

не всех до единого бойца. Если только врагами этого отряда не были пресловутые таежные охотники, бьющие белку в глаз, чтобы шкурку не испортить. Или — были? Гоблинов вполне мог укатрупить засадный полк эльфов. Длинноухие, согласно всем легендам, а также устным и письменным преданиям — настоящие снайперы и мастера стрелы и лука.

Очень разумное и логичное предположение, если бы не один нюанс. Единственный, но при этом напрочь зачеркивающий все мои умозаключения. Я не увидел стрел!

Даже если предположить, что они истлели со временем, то не все же одновременно и подчистую. Хоть парочка фрагментов, типа наконечников, должна уцелеть. Ладно, зайдем с другой стороны.

Помня о судьбе Вещего Олега, я осторожно поворошил рогатиной несколько недовольно скалящих клыки и зубы черепов. Внимательно прислушался, но никаких посторонних шумов в былых вместилищах разума не услышал. Пусто. А ведь кремниевым или металлическим наконечникам, если смерть прилетела в глаз на эльфийской стреле, некуда больше деться.

Угу, отрицательный результат тоже результат. Или, как сказал один киногерой и кандидат в депутаты, решая кроссворд: «Значит „Му-Му“ написал не Тургенев».

Что же в таком случае я имею в сухом остатке? Некий боевой и воинственно настроенный отряд гоблинов, к тому же, сравнивая с тем, что мне совсем недавно довелось видеть в бою у деревни, очень неплохо, я бы даже сказал, хорошо вооруженный, — пришел на это место и… дружно умер. Без какой-либо видимой причины.

С чего бы это? Устали так, что жить расхотелось?

Гм, а ведь очень на это похоже. И я тоже еще буквально минуту назад собирался устроить себе небольшой привал. Так-так-так… Горячее. Как бы мне самому не обжечься.

На всякий случай я торопливо сдал обратно шагов на пятнадцать, пока чаща напротив опять не начала всматриваться в меня с прежним недобрым прищуром.

* * *

Так-так, значит, там у вас «Добро пожаловать»… — пробормотал я себе под нос, задумчиво оглядывая местность теперь уже более внимательным взглядом. — А тут типа: «Посторонним вход воспрещен». Спасибо, мы пока пешком постоим… Понять бы еще — это уже происки злобной магии или

всего лишь случайная природная аномалия?

Я не шучу, приходилось слышать о таких местах, где из-под земли выделяются всякие газы. Которые без запаха, но смертельные для живого существа. Метан, закись углерода и тому подобное. Пока на ногах стоишь, ничего не ощущаешь, а стоит присесть и тем более прилечь — все, кирдык. Сам не заметишь, как потеряешь сознание и больше не найдешь…

Как мрачно шутили медики, глядя на знак квадратного корня: «Вдох, выдох, вынесли».

Но во-первых — такое обычно происходит в болотистой местности или на торфяниках, а во-вторых — чтобы ядовитый газ мог накапливаться до смертельной концентрации, даже над самой поверхностью, нужна хоть какая-то впадина. Тогда как передо мной, сколько позволяли разглядеть деревья, была ровная горизонталь… как на футбольном поле.

И это значит, что у природы железное алиби, и спрашивать, где она была вечером, во время массового истребления гоблинов, не потребуется. Ну а если вместе с ней амнистировать еще и эльфийских лучников, то на место преступника выдвигается не что иное, как магия. Злая и беспощадная. Но, думаю, это важно и обязательно стоит уточнить: магия какая-то вялая, безынициативная. Пассивная то есть.

Вляпается случайный прохожий в ловушку — запишем в активы. Сообразит или просто пройдет мимо — бог в помощь, подождем следующего. Одним больше, одним меньше… Такая вот пофигистская особенность…

«И что она нам дает, если отставить шутки в стороны?»

— А ничего хорошего. — С внутренним голосом лучше общаться вслух, а то и не заметишь, где его мнение, а где твое собственное. — Предупреждение это. Для тех, кто поумнее и может быть опасен. Мол, я тебя не трогаю, но и ты, будь добр, дальше не суйся. Занято, короче… Не тупик, но очень недвусмысленный «кирпич», он же — «Сквозной проезд запрещен».

«Валим?»

— А договор?

«Мертвым деревни не нужны».

— Согласен. Но ведь я еще живой.

«Это ненадолго, если и дальше будешь тупить. Говорю тебе, валим отсюда, пока не поздно».

— Валим да валим… Чего пристал к человеку. Неужто самому не интересно? Знаешь, чего-то я тебя не узнаю. А ну признавайся, на кого работаешь? Может, тебя специально внедрили, чтоб меня с панталыку сбить?

«Сам дурак…»

Внутренний голос обиделся и утих. Ничего, не впервой, потом помиримся. Зато буду уверен, что ко мне и в самом деле лазутчика не подослали, с заданием деморализовать командование.

Итак, подведя итоги совещания, поскольку возвращаться несолоно хлебавши я не намерен, а стоять на месте по меньшей мере глупо, будем продвигаться вперед.

Логически рассуждая, если первая полоса заграждения пассивная, то и вторая не должна быть чересчур агрессивной. В том смысле, что не нападет внезапно. Зарычит или огнем пыхнет — вопрос другой, но атаковать без предупреждения никак не должна. А иначе зачем вообще огород городить? Положили бы меня здесь сразу и не парились. Значит, назидательная россыпь трупов не самоцель, а всего лишь нежелание контактировать с соседями.

Кстати, если вспомнить, кто входит в эту категорию, то еще неизвестно, как бы я сам стал ограждать свои владения от гоблинов, имея подобные возможности. Так что нечего, не разобравшись, всех огульно в изверги записывать.

Считая, что раскрыл принцип действия ловушки, я все же не стал ломиться сквозь нее напрямую, а как всякий нормальный герой пошел в обход. Цыкнув при этом на мелькнувшую было мыслишку: чуток прибарахлиться… Ведь, судя по найденной рогатине, на могильнике вполне могли оказаться еще какие-то вполне приличные вещи.

Не то чтоб меня воротило от мародерства, в конце концов, мертвым имущество без надобности, но и тревожить бренные останки без острой нужды не хотелось.

Конечно, если бы я оказался в ситуации, когда выживание напрямую зависело от акта вандализма, то никакие моральные барьеры меня бы не остановили, а так, ради интереса — нет, с этим вопросом в следующий кабинет.

Шлем и кольчуга у меня самые лучшие, какие только возможны в этом мире. Конечно, если воины высших каст не щеголяют в мифриловых доспехах или панцирях из крылышек жука-носорога. То есть буду надеяться, что компьютерные игры не так широко простирают руки свои в дела народные. И, несмотря на существование в них гоблинов, троллей и орков, идеи разработчиков сюда еще не добрались.

Меч — тоже не из рядовых. Это еще староста подметил. Мне, правда, почти что и не пришлось им толком попользоваться — мечом, я имею в виду, а не Титычем. Но клинок и в самом деле, как бы это точнее сказать… моего размера, что ли. Когда берешь

в руку, то не ощущаешь дискомфорта. Он не мешает, а наоборот. В общем, разнашивать и привыкать не нужно. Как говаривали в одном рекламном слогане, правда, по поводу туфель: «Надел и забыл». Хотя тут я еще до конца не разобрался. А потому вполне возможно, что за это слияние с оружием мне надо благодарить покойного тезку.

Ну и рогатина. Не выбрасывать же, коль она сама так удачно подвернулась под руку. Зато теперь не придется искать палку, без которой в лесу почти как без глаз…

Лес, между прочим, по-прежнему буравил меня недобрым взглядом, но никаких агрессивных действий не предпринимал. Напротив, природа вокруг, если отвлечься от паранойи, была «тиха и наивна». Словно кто-то переместил сюда рощу из моих грез о жизни после пенсии. Именно так в самые напряженные, унылые и депрессивные моменты собственной биографии я и представлял идеальное место, где хотел бы доживать остатки дней.

Уважающие себя, величественные, в полтора-два обхвата буки, гладкие, словно мраморные колоны, взметнулись кронами в такую высь, что самые первые ветки начинаются не ниже третьего этажа. И не толпятся, не налезают друг на дружку, а разбрелись в стороны, будто и в самом деле удерживают на своих ветвях небесную кровлю. Между ними, еще реже, раскинули просторный полог морщинистые, кряжистые дубы. Эти не так стройны и высоки, зато места возле каждого — хоть свадьбу играй. Ну а собравшиеся в небольшие группки белоствольные березки и желтоватые осины придают и без того светлой роще дополнительную чистоту и безмятежность. Благостно и покойно… Самый настоящий санаторий для смятенного духа, а не лес.

Следуя моим заветным мечтам, вон там, у корней лесного исполина должен пробиваться на поверхность небольшой ручей, а к нему с северной стороны протоптана удобная тропинка. Почему с севера? Чтобы дом, который я построю, располагался окнами на юг. А тропинка от ручья, естественно, ведет именно к нему. Ведь тут никого, кроме меня, больше нет и быть не может.

Смешно, я только сейчас вдруг понял, что не было в моих мечтаниях особей противоположного пола!

Буковый лес — символ душевного равновесия и спокойствия, дом — он же моя крепость и уют представлялись четко, как реально существующее место, до которого нужно только суметь добраться. А юная или какого иного возраста красавица или умница — тут не проходили. Странно, не правда ли? Тем более для парня моих лет…

С ходу отметая всякое разночтение, мужчин или какой иной живности в обозримом пространстве тоже не было. Даже пса, которому положено охранять частную территорию.

Так вот, возвращаясь к девушкам. Нравились мне… и многие. Причем не обязательно с ногами от коренных зубов и грудью фантастического размера. Главное — чтоб не полная дурында и не таскала на себе десяток лишних килограммов целлюлита. Но настолько, чтобы получить допуск в мое будущее, пока не зацепила ни одна. Ну это дело поправимое, какие наши годы? Встретим еще и мы свою Василису Прекрасномудрую…

— Блин! — Рефлексы сработали четко и своевременно, и я так и замер с поднятой ногой. — Мечтатель хренов! А под ноги кто вместо тебя смотреть будет? Пушкин?..

Глава вторая

Не могу объяснить, что именно насторожило меня в этой невинной паутинке, безмятежно протянутой между двумя буками и поблескивающей в пробивающихся сквозь листву лучах нанизанными, словно бисер, капельками росы. Может, то, что была она чуть толще, чем положено, паучьей нити, а может, то, что время утренней росы давно миновало, а предвечерней — еще не наступило. Да и сами капельки казались подозрительно желтоватыми, с эдаким жирным отливом.

Понятное дело, все перечисленные подробности я разглядел позже, а вот что именно вызвало первую тревогу и заставило меня остановиться? Наверное, нарочитая неправильность. Спрашивается: зачем здесь нужна сигнальная нить, если вокруг ни одной паутины? И еще меня удивило: почему она так странно расположена, точно на уровне бедер? Ни переступить, ни подсесть…

Я постоял еще немного, глядя на паутинку, как хрестоматийный баран на новые ворота, потом отступил на пару шагов и аккуратно тронул ее кончиком рогатины.

Реакция последовала незамедлительно. Раздался звук, напоминающий щелчок кнута, и в воздухе, примерно в том месте, где должна находиться голова человека, мелькнула какая-то тень. Да так быстро, что я и понять ничего не успел. Ни откуда выпрыгнуло, ни куда улетело…

Самострел?

С настойчивостью первооткрывателя я повторил эксперимент.

Щелкнуло, свистнуло, мигнуло… и тишина.

Но и я не ловил ворон. Примерно зная чего ожидать, успел заметить, что это была не стрела, а скорее всего — стремительно атакующее жало. В общем, нечто такое, чья конструкция предусматривает возвращение оружия на боевой взвод…

Умно, надо заметить! Обычный самострел, проведя один, ну пусть пару выстрелов, исчерпает боезапас и станет бесполезен, пока его снова не перезарядят и не приведут в готовность. Тогда как данное устройство по своей сути вечно. А если присовокупить к этому идеальную маскировку, то данный тип оружия иначе как «хамелеон» и не назовешь. В общем, еще одна ловушка, но опять-таки пассивного типа. Что значит, я по-прежнему брожу по периферии.

— Забавно тут у вас, ребята… — пробормотал я. — Весело живете. Вот только с сигнальной нитью непонятно. Самовзвод ядовитого жала прост, как бутерброд, а кто возобновляет

паутинку, неизбежно повреждаемую нарушителем? Тут у вас явная недоработка. Или все же техник-смотритель где-то рядом ошивается?

Я осторожно обошел тот ствол, на котором пряталось оружие, и заглянул за дерево с противоположной стороны. Поводил в воздухе в разных направлениях рогатиной, но эти действия никого не заинтересовали. Эту сторону самострел не контролировал. Проход чист. Хорошо… Но двигаться дальше, оставляя за спиной активированную ловушку, глупо. Никогда не известно, как придется выбираться.

На всякий случай отойдя на максимально возможное расстояние, я кончиком рогатины с силой ударил по паутинке.

Сперва, как и положено, мелькнуло жало, сигнальная нить прогнулась до самой земли и только потом разорвалась. Произведя звук, похожий на звон бьющейся о камень стеклянной тары.

И?

Отступив еще на шаг, я напряженно ожидал результата эксперимента. Поначалу не происходило ровным счетом ничего. Но я не мог ошибаться. Какой прок от долгоиграющей системы, если срок ее службы зависит от паутинки? И дождался…

Прямо по курсу, примерно в десятке шагов, в воздухе возникло небольшое, но быстро увеличивающееся облачко. Буквально на глазах оно выросло от футбольного мяча примерно до хула-хупа, после чего уплотнилось и превратилось в здоровенного, с матерого ротвейлера, паука. С очень красивым и символическим крестом на спине.

Паук негромко шипел, как брызнувшая на раскаленные камни вода, потрескивал жвалами и неспокойно перебирал всеми лапами, словно пританцовывал. В общем, вел себя как любая живая тварь, оказавшаяся в незнакомом месте. То есть изучал обстановку при помощи имеющегося у него арсенала датчиков. И, за исключением величины, совершенно не впечатлял.

Ну не боюсь я пауков. Вот если бы вместо него появилась оса, шмель или шершень, да еще таких монструозных размеров, тут я бы наверняка запаниковал…

Паук тем временем, похоже, не только сориентировался на местности, но и определился с выбором первоочередной задачи.

Приподняв вверх переднюю пару конечностей, словно радовался неожиданной встрече с давним приятелем, он бодренько засеменил ко мне. При этом все так же, совершенно неагрессивно, не меняя интонации, деловито шипя и пощелкивая. В общем и целом производя впечатление забавной и добродушной зверушки. Немного странной на вид, но не опаснее

большой черепахи.

И когда я окончательно расслабился, всерьез обдумывая вопрос: где у паука могут располагаться уши, за которыми его можно почесать, он вдруг припал к земле всем корпусом и… прыгнул!

Я упал на колено и пригнул голову раньше, чем успел сообразить, что происходит. Зато мое тело, в отличие от ума, знало, что надо делать. Потому что за приседанием последовал кувырок вперед, необходимый для того, чтоб увеличить дистанцию и разворот.

Паук, похоже, удивился не меньше, когда промахнулся. Он потрещал, поскрипел, возмущенно размахивая сяжками, и повторил атаку. Но теперь, зная чего от него ожидать, я принял паука на острие рогатины, очень рассчитывая, что на этом его карьера и завершится. Зря… Хитиновое покрытие — это не мягкая грудь человека или зверя. Да и веса в таком крупном теле, казалось, не так и много. Наткнувшись на рогатину, паук не напоролся на нее, а со скрежетом, будто металлом по бетону чиркнуло, откатился в сторону. Миг — и он снова стоял на всех восьмерых лапах. Целый, невредимый, раздосадованный второй неудачей и готовый к бою.

Серьезный противник. Недооценил я тварь. Что, впрочем, только подтверждает мои опасения по поводу летучих насекомых.

Но и паук что-то для себя понял и третий раз прыгать не стал. Он как-то странно приподнял брюшко и, словно краб, бочком стал обходить меня по кругу. Не понимая его затеи, я тоже стал поворачиваться на месте, настороженно выцеливая врага острием рогатины.

Паук завершил круг. Дернул брюшком вверх-вниз и опять стал обходить меня.

Ничего не понятно. Что это еще за «брачные» танцы? В чем их сакральный или практический смысл? Надеется, что у меня голова закружится? Так это зря, в десант с плохим вестибулярным аппаратом не берут…

Смысл затеянной пауком каверзы до меня допер только на четвертом круге. Когда с земли поднялись и, подталкивая друг дружку, поплыли вверх серебристые круги. Один в один напоминающие сигнальную нить самострела «хамелеона». С единственным и очень важным различием — та нить была тогда только передо мной, а теперь я был в центре этих кругов. Подлый арахнид, наверно, для надежности оббежав вокруг еще и пятый раз, довольно уселся в сторонке, выжидающе уставившись на меня.

В общем, не требовалось обладать воображением лауреата

премии «Хьюго» или «Небьюла» по фантастике, чтобы понять, какая участь мне уготована.

Перепрыгнуть — не смогу, слишком высоко. Проползать под ними на виду у готового к атаке паука — чистое самоубийство. Как и пытаться разрубить все кольца одновременно, помня о прочности нити. К тому же, не закрепленные, они от любого удара подадутся и, натянувшись спереди, на такое же расстояние сдвинутся позади и прилипнут к моей спине. В общем, мне была уготована участь мухи, которая тем больше запутывается в паутине, чем активнее пытается из нее выбраться.

А для полноты удовольствия окружающие меня нити, то ли высыхая, то ли подчиняясь силе внутреннего натяжения, стали заметно утолщаться, одновременно сокращая диаметр свободного пространства.

Ловушка захлопнулась…

* * *

Кольца неторопливо сжимались, паук ждал, потирая передние лапки, а я думал. В смысле размышлял. Ну что еще остается человеку, кроме созерцания и философии, если бежать некуда, а руками лучше ничего не трогать, а то только хуже будет? Или не будет? Я имею в виду, если все же набраться смелости и потрогать? Потому что позиция непротивления судьбе неизбежно приведет к летальному исходу, а куда уж хуже? М-да, датскому принцу подогнать бы мои проблемы, а то второй век подряд грузит всех своим «быть или не быть»?

— А не дурак ли ты, ваше благородие?!

Как обычно, нужная мысль пришла совершенно неожиданно и без какой-либо привязки к действительности.

Ну вот кто скажет, с чего я решил, будто бы паутину нельзя разрубить? Только потому что она плохо поддалась в первый раз? Так, может, дело не в паутине, а в оружии? Рогатина, при всех ее достоинствах, все-таки принадлежит к колющим видам, а не рубяще-режущим. Да и перо наконечника давненько никто не острил, если вспомнить, где я ее приобрел. А у меня на поясе висит без дела шикарный меч…

В общем, до конца додумывать идею я не стал. Время поджимало, причем буквально. Серебристые кольца уже колыхались передо мной на расстоянии вытянутой руки. Я вынул меч из ножен, перехватил его поудобнее двумя руками, занес над головой и со всей дури рубанул, метя в верхнее кольцо…

Рассчитывал я на всякое. Вплоть до того, что этот

молодецкий удар станет последним осознанным движением в моей жизни, но никак не ожидал, что зловредная паутина поддастся, словно сотканная из тумана… А потому едва удержал клинок, который, пройдя все пять колец, как мираж, по инерции устремился к земле. Разрубленные нити тонко, жалобно зазвенели и исчезли…

Похоже, такого исхода дела не ожидал и паук.

Как только паутинки растворились в воздухе, он припал к земле, издал звук, отдаленно напоминающий возмущенное хрюканье, — мол, «мы так не договаривались…» — подобрался и прыгнул.

Я еще только восстанавливал утраченное равновесие, поэтому не успевал ни присесть, ни уклониться. Да и вообще предпринять хоть что-либо осмысленное. Времени оставалось только на то, чтоб направить меч острием в сторону атакующего врага. А уже в следующее мгновение мощные жвала царапнули рукава кольчуги, а в меня, как дуло огромной двустволки, впились полыхающие неутолимым голодом глаза монстра…

Всего лишь на миг меня обдало леденящим холодом, какой-то запредельной ненавистью… но уже в следующее мгновение взгляд паука потух, словно его глаза закрыли тяжелые ставни.

Я еще удерживал его на весу, но уже понимал, что паук мертв. Как и в случае с паутиной, меч легко пробил хитиновый покров его груди и вошел в тело на всю длину клинка.

— Недолго мучилась старушка в высоковольтных проводах…

Идиотский стишок сам всплыл из подсознания. Зато паук словно ждал этой реплики, потому что уже в следующую секунду на месте мертвой тушки возникло то самое облачко, с которого и начался его визит. Оно медленно сжалось до размеров мяча и стало сползать к острию меча с явным намерением освободиться. Вот только убраться восвояси ему не удалось.

По лезвию клинка пробежала крохотная искра, и темное облачко, бывшее пауком, сперва сгустилось еще больше, до совершенно непроглядной тьмы, а потом — как чернила в авторучку, втянулось в острие меча. Все, без остатка…

Мой клинок после таких процедур заметно потемнел, зато травленная по долу надпись: «Clair nait dans tenebres!»[1] стала гораздо ярче, словно ее только что обновили. М-да, не знаю как насчет рождения света, а что тьма умирает в нем — мне было продемонстрировано самым наглядным способом.

— Ну спасибо тебе… — Я осторожно провел кончиками пальцев по блестящей, как живое серебро, надписи. На ощупь она была значительно теплее всего клинка. — Такие, значит, пироги с котятами. Не простой меч мне достался, а настоящий кладенец.

Кто-то сильно напрягся, снаряжая меня в этот поход. Не подскажешь, кто именно?

Меч, как и положено всякому солидному и уважающему себя оружию, молчал, совершенно не собираясь облегчать мне жизнь. Ну и правильно, не его это дело — размышлять да байки на привале травить. Он все, что мог и умел, в бою сказал. А ты, в смысле я — разумей как знаешь.

— Развели секретность, блин… Пойди туда, не знаю куда. Кто же так новые девайсы втюхивает? Ни тебе инструкции по эксплуатации, ни руководства для «чайников»…

Я еще немного повертел меч в руках, но ничего необычного больше не увидел. Ни потайных кнопок в навершии, ни сдвигающихся пластин в гарде. Все цельное, прочное, надежное и незамысловатое. С виду самый обыкновенный одноручный меч, коих тысячи, если не считать лозунга и только что проявленных свойств.

— Ладно, разберемся. Но по-любому еще раз спасибо, меч верный, и тебе поклон — друг таинственный… — Я подмигнул своему слегка затуманенному дымкой, но вполне различимому отражению в плоскости клинка.

Подождал немного, настороженно посматривая вокруг и прислушиваясь, но ничего экстраординарного не происходило. Лес постепенно возвращался к нормальной жизни, отзываясь на тишину шуршанием веток и листвы. Вот только птиц я, как и прежде, не слышал. Не было их тут и все…

Странно, неприятно, но пока не смертельно.

Дольше оставаться на месте не имело смысла. Не ночевать же здесь.

Я еще раз осмотрел место схватки на предмет наличия остатков паучьей нити, но их не оказалось даже у самострела. Более того, и он сам перестал реагировать на мое присутствие. Даже после того, как я несколько раз потыкал кончиком меча ствол бука в предполагаемом месте расположения «хамелеона».

— Сломался… Ну ничто не вечно под луной.

Я дурашливо отсалютовал несуществующим трибунам и вложил оружие в ножны. Потом подобрал рогатину и двинулся дальше. В смысле лицом в неизвестность, оставляя за спиной пройденный путь.

Похоже, это и была вторая линия оборонительных сооружений. Та, которая уже не только пассивна, но предпринимает и атакующие действия в адрес наиболее упорных нарушителей. Самострел — это типа последнее предупреждение, а более непонятливых или наглых интервентов — встречает паук. Решает вопрос, восстанавливает боевые функции «хамелеона» и…

Насчет «и» имеются предположения, но нет фактов. Возможно, «крестоносец» развоплощается до следующей тревоги, а может, как истинный воевода, «обходит дозором». Теперь уж не узнать, поелику спросить не с кого. Отчетливо ясно только одно: впереди по-настоящему сложный участок пути, прежде чем на меня обратит внимание тот, кто весь этот огород городил.

Я не знаю, что это будет — ловушка, засада, страж или какое иное смертельно опасное западло — но в этот раз обойдется без предупредительных свистков и окриков: «Стой! Кто идет?». Враг нападет внезапно, стремительно и мощно, с учетом того, что я смог пройти прежние уровни защиты.

И если я сейчас не поверну обратно, может статься, всего лишь через пару шагов у меня такого шанса больше не окажется. Так что думай, добрый молодец, и решай: что важнее, «грудь в крестах или голова в кустах»? Потому как мертвые, конечно же, «срама не имут», но и исправить ничего не в силах…

* * *

Выплеснувшегося в кровь адреналина хватило ненадолго. Вернее, шагов на пятьдесят. Как раз до того дуба, между корней которого в моих мечтах размещался родник. В общем, когда он именно там и обнаружился, я не удивился.

На дне небольшого приямка, усланного мельчайшим песком, на поверхность пробивалось несколько совсем крохотных ключей. Их общих усилий едва хватало, чтобы наполнить ведровую промоину и выплеснуться из нее ленточкой ленивого ручейка в пядь шириной. Тот неторопливо пробегал между травами и жухлой опавшей листвой всего каких-то пару метров и стеснительно исчезал под большим замшелым валуном, словно и выглянул совершенно случайно.

В общем, водоем еще тот. Как говорили в старину: «Даже коня не напоить». Зато вода в ключе оказалась прозрачнее стекла, — каждый камешек, каждую песчинку видать. Вон как они играют в крохотных фонтанчиках.

Жажда не то чтоб донимала меня, но пить хотелось. Конечно, можно было, как предписывают хорошие манеры цивилизованным и где-то культурным людям, сперва умыться от трудов праведных, но если никто не видит, к чему разводить лишние церемонии? Я только снял и отложил в сторону шлем и перевязь с мечом, а потом принял упор лежа и сунулся в воду прямо… — а вот не надо ерничать, лицом сунулся. Не, ну в самом деле — не копытце, авось козленочком не стану. И очереди нет.

Отчего ж не насладиться вволю.

Глотнул и… чуть не захлебнулся.

Очуметь! Вода в ручье оказалась ледяной.

Да что я сравниваю, лед по сравнению с ней теплый, как парное молоко. Все тридцать два моих несчастных зуба словно ударом тока пронзило, а дыхание в груди мгновенно замерзло и застряло на выдохе.

Минуту или больше я пялился в таращившиеся на меня из ручья выпученные глаза, пока смог продышаться и сглотнуть.

— Мама дорогая… — прошлепал ожившими губами и, пока оттаивали мои органы осязания, понял, что ничего более вкусного я в своей жизни еще не пробовал. — Это что же такое тут налито?

Но весь мой организм буквально взвыл, требуя добавки, а не рассуждений. Казалось, что каждая клетка по отдельности сейчас ринется в ручей, если я немедленно не начну пить.

Второй глоток я сделал уже такой крохотный, что и воробью не напиться, но ощущение легкости и пьянящей радости оказались от этого только сильнее. Меня буквально захлестнула волна счастья и веселья. В общем-то, я совсем не монах и удовольствия не чураюсь, так что знаком с этим ощущением не понаслышке. Но никакое опьянение — алкогольное, от травки или любовное даже рядом не лежало. Кайф, захлестнувший меня, был таким пронзительным, что казалось: вот-вот, еще секунда, еще мгновение — и все тело скрутит яростной и беспощадной болью. Возможно даже смертельной! Но это такой пустяк в сравнении с тем блаженством, которое я ощущал сейчас, в сию минуту.

«Вот так и садятся на иглу… — Задумчивый голос возник где-то на периферии сознания. — Вставай, наркоша! Если тебе твоя жизнь по барабану, то мне она еще не надоела!..»

«Отвали…» — Можно было и не обращать внимания, но это зудение отвлекало, мешало окончательно раствориться в неге.

«Вот я сейчас вправлю кому-то мозги на место, тогда и отвалю… Алле, гараж! С тобой разговариваю!»

Нет, вступать в пререкания бессмысленно. Такие скандальные типы только и ждут ответа, чтобы прицепиться еще плотнее. Им неважно, что ты скажешь, главное, чтоб не молчал. Надо набраться терпения, и тогда он сам отстанет.

«Ну ты чего, уснул? Козел безрогий?»

«А вот за козла ты ответишь. Не хочешь по-хорошему, ну так мы по-всякому можем. Соответственно полученной заявке».

Я собрался с силами и вскочил на ноги, сжимая кулаки, прищуренными глазами выискивая вконец оборзевшего хама.

Странно, его нигде не было.

— Эй, ты куда спрятался?.. Покажись.

Лес настороженно молчал, трезво рассудив, что с полоумным человеком лучше не связываться. Не зря же он в цари природы пролез, устилая дорогу к подножию трона черепами и костями всех несогласных…

Еще какое-то время я недоуменно оглядывался по сторонам, пытаясь понять, где нахожусь и почему — но ничего такого, что могло бы дать ответ, не увидел. Пока не наткнулся взглядом на ручей.

— Забавно… — В голове что-то щелкнуло, и сознание чуток прояснилось. — Вроде не пил ничего, а самочувствие, как после длительного загула. Или — пил?

Я еще раз посмотрел на ручей, и фрагменты последних событий собрались в целостную картинку.

— Так вот ты какой, северный олень… — Я нагнулся, поднял перевязь и подпоясался.

С мечом на боку сразу почувствовал себя увереннее, а когда положил ладонь на оголовок, то и не таким разбитым.

— Интересно девки пляшут. По четыре штуки в ряд… Вода, которую нельзя прекратить пить? Почти по Козьме… Прямо хоть ставь разливочную линию и, знай себе, деньги загребай. От потребителя отбоя не будет, зуб даю. Прикольно… Но мы пойдем другим путем… — Я решительно нахлобучил шлем. — Надо же, как все простенько и беспроигрышно устроено. Безобидный ручеек, усталый воин… После самострела и сражения с пауком даже в голову не придет, что ловушка многоступенчатая. На контрастах работает, подлец. Хитер бобер! Ну ничего, и на тебя что-то подберем. С винтом…

Меч слегка толкнул меня в ладонь, словно попросился на свободу.

— Думаешь?.. Ну давай попробуем… Чем черт не шутит, пока бог спит.

Я вынул оружие и осторожно окунул самый кончик клинка в ручей.

Миг — и прозрачная тихая вода со стоном и всхлипом взбурлила, словно крутой кипяток, выплескиваясь грязевым фонтаном, мстительно метя мне в лицо. Но в этот раз я уже был начеку.

— Обойдешься, только бледнолицый дважды наступает на одни и те же грабли.

Прощальный плевок коварной ловушки пролетел мимо, упал на землю где-то позади и пропал. А опустевший приямок между корнями дуба, совершенно игнорируя мой меч, стала неспешно

заполнять вода из настоящего родника.

Глава третья

Нет, ну что ты будешь делать? Второй раз намерился передохнуть после ненормированного рабочего дня длиною больше суток — и опять не в цвет. Какой болван обозвал эту рощу Мрачной? Каверзная она и злокозненная… А еще проще, тут западло на западле едет и западлом погоняет. Пинают меня из угла в угол, как мяч в игре. Тут не присядь, там не приляг. Достали! Хватит! Никуда я больше не пойду, с места не сдвинусь, пока не отдохну нормально.

Кстати, я не шучу. Сейчас здесь самое надежное место во всей округе. Снаряд в одну и ту же воронку, может, и попадает, а обезвреженная мина не рванет никогда. А еще в народе говорят, что темнее всего под лампой.

Не мне, естественно. Тому, кто правит бал. Служба оповещения у него наверняка тоже на должном уровне, и надо быть очень наивным, чтобы думать, что меня сейчас не ищут по всем направлениям и не готовят очередную торжественную встречу.

Забавно, я совсем недавно сообразил, откуда взялась эта маловразумительная поговорка. Любой, встав под лампочкой, может убедиться, что никакой тени там и в помине нет. Наоборот, все освещено наилучшим образом. Так почему же эта фраза оказалась поднятой до ранга народной мудрости?

А фишка в том, что возникла она в те древние времена, когда помещения освещали керосинки. Из-за особенностей их конструкции. Точнее, из-за емкости для керосина, которая размещалась в основании лампы. Поэтому подвешенная к потолку лампа, освещая все вокруг, создавала конус тени. Тот самый, внутри которого темнее всего…

Вот пусть и поищут меня в округе, а я пока отдохну. Тем более что и меч не возражает. Во всяком случае, после укрощения ложного ручья он больше никак себя не проявлял. Жаль только костер развести нельзя. Это все равно, что орать во весь голос: «Я здесь!»

Ну да ладно. Не впервой всухомятку питаться. Посмотрим, чего там Листица в дорогу снарядила.

Угу. Если проявить немного смекалки, то раньше это были хлеб, сыр, ветчина и, кажется, сушеные сливы. Причем все с истинно женской аккуратностью завернуто по отдельности в капустные листья, чтобы продукты дольше не черствели. Зато теперь, моими непредумышленными усилиями и другими превратностями путешествия, все перечисленные ингредиенты,

включая капусту, сперва образовали некий салат, а после сбились в плотный ком. Эдакий колобок.

Зрелище, прямо скажем, не слишком аппетитное, но, что для меня сейчас более важно, вкусовых качеств не утратившее. Молодец Листица, сообразила сложить снедь в отдельный полотняный мешочек, а то кто знает, сколько еще лишних «специй» могло прибавиться к моему блюду…

Я отхватил кинжалом от колобка добрую краюху и, закрыв глаза (от удовольствия) принялся неспешно жевать, время от времени запивая водой из ручья, которую зачерпнул шлемом. В общем, та еще трапеза… Но мне она казалась вкуснее любой амброзии и нектаров. Да и вообще, вариант «Лукулл пирует у Лукулла» всегда предпочтительнее «Пира у Валтасара».

— Черт! Это еще что за приколы?

Нет, что язык мой враг я знаю, но чтоб уже и за мысли наказывали!.. И тем не менее вокруг происходило что-то непонятное и… неприятное. Воздух сгустился, став тяжелым, сырым и липким, как в преддверии шторма. Потемнело, словно и не полдень на дворе, а самый поздний вечер — вот-вот звезды покажутся. А усталость нахлынула такая, что не продохнуть.

Да, я реально вымотался. Ведь ни минуты покоя не было, начиная от сражения за Выселки. Сперва поход сквозь болото, потом — акция устрашения для гоблинов, ну и та обязательная культурная программа, что приготовила мне Мрачная роща.

Но все это, даже вместе взятое, не шло ни в какое сравнение с изнеможением, которое я сейчас ощущал. Оно парализовало не только натруженные мышцы, а навалилось так, что сердце отказывалось биться, а легкие — дышать.

Широко раскрытыми глазами я смотрел прямо перед собой, но даже не понимал, что именно вижу. Тьма наползала уверенно, нагло, и уже ничто не могло остановить ее. Еще один миг, еще один удар сердца — и я умру. Умру сидя, потому что у меня не оставалось сил даже на то, чтобы лечь.

И все-таки я завалился на бок, да так удачно, что распростерся поверх меча.

Должно быть, тот, кто перебросил меня в этот мир, хорошо знал свое дело и соответственно подготовился. Иначе я уже пару раз со стопроцентной гарантией сыграл бы в ящик.

Почти незаметное сияние, которое исходило от лозунга на клинке, окутало меня, словно тончайший кокон. Оно было невесомее самой легчайшей дымки, но даже этого хватило, чтоб мое сердце снова забилось, а грудь наполнилась воздухом.

Подчиняясь инстинкту, я набросил перевязь на шею и, опираясь на рогатину, как на посох, с трудом встал на ноги. Меня

шатало, как хлипкое суденышко в самый беспощадный шторм, но я понимал, что оставаться на месте нельзя. Первый шаг был как в детской игре в «лилипутики», крохотный-крохотный. Второй — не многим больше…

«Так и коньки отбросить можно… — мелькнула первая осознанная мысль, после того, как я сподобился шагнуть и в третий раз. — Лежал бы у ручья, постепенно превращаясь в прах, как те гоблины. Если бы зверье не растащило по косточкам…»

При слове «прах» мое подсознание сделало стойку, как хороший охотничий пес, учуяв дичь.

«Прах… — повторил я мысленно. — Прах… Прах меня побери! Ну конечно же „Прах“! Ведь именно об этом заклятии упоминал Свист, когда рассказывал историю гибели своего отряда».

От такого открытия я едва не остановился. К счастью, хватило ума понять, что делать этого нельзя, надо двигаться дальше. Хоть ползком, но выбираться из этой тьмы. Причем только вперед. Потому что второй раз заставить себя пройти все эти испытания у меня может не хватить духу. Как у самоубийцы, которого в последний миг вытащили из петли, очень редко возникает желание «попытать счастья» вторично.

Значит, теперь по мне шарахнули еще, и из тяжелой артиллерии. Сработало самонаводящееся заклятие — и если бы не волшебный меч… Дальше можно не продолжать. Но есть во всех этих перипетиях и позитивный момент, сладкая сторона пилюли!.. Если узурпатор этой зоны не конченый параноик, то я только что прошел третий рубеж защиты и вырвался на оперативный простор.

Так что можно чуток и расслабиться. Главное сослепу не наскочить на какой-нибудь разъезд или секрет.

Из последних сил я сделал еще десяток шагов, и как только понял, что тьма осталась позади, как подкошенный рухнул на землю. В самом буквальном смысле грохнулся, даже шлем с головы слетел.

И что ни говорите, потерять сознание иной раз бывает даже приятно…

* * *

Он сидел возле старого сруба, прямо на не остывшей еще после жаркого лета земле. Сидел, закрыв глаза и опираясь спиной на объект «И-4» — так огражденный родник обозначался на набросанной мне впопыхах схеме — почти сливаясь с

очарованием осени. При этом явно желая быть замеченным. Но привычка — пуще неволи. Навыки, вколоченные в подсознание вражескими снайперами, не только не пропьешь, но и никакими щелоками не вытравишь. Он и не пропил. В последнем нашем рейде прапорщик Шведир погиб совершенно трезвый. Из-за чужой оплошности. Впрочем, ту растяжку и он бы не заметил.

Если б у бабки выросли… усы, стала бы бабка дедом. Чего теперь уж?.. Это только в моих похождениях для жизни появилось сослагательное наклонение, а в прежнем мире все случалось без вариантов. Растяжку мы не заметили, Швед мертв, я — условно живой. Пока. А то, что сейчас он сидит передо мной и по обыкновению жует травинку, так это ж здорово! Жизнь полна неожиданностей, и наплевать, что так не бывает! Я сам подтверждение совершенно противоположного. Если я здесь, а не в реанимации или морге после аварии, то почему Шведиру нельзя?

Или это опять проявились мои бонусные возможности? Так сказать, промежуточная награда за прохождение уровня.

— Чего завис? — жизнерадостно улыбнулся рекомый покойник, делая приглашающий жест. — Подходи ближе, не боись. Я не заразный…

— И тебе не кашлять, — пробормотал я не слишком внятно, но хоть с шага не сбился. А то уж совсем неудобно получилось бы.

— Думаешь, я твой глюк? — еще шире улыбнулся «Швед».

Не выдержав столь оживленной артикуляции, травинка выпала у него изо рта, тем самым разорвав кокон наваждения.

Плевать, я не прокурор, чтоб выяснять, что, откуда и почему. Не помню, кто сказал: если что-то выглядит, пахнет и на вкус не отличается от колбасы — значит, это и есть колбаса. Сравнение далеко не этичное и ни разу не политкорректное, но именно в эту минуту мне вспомнилось то самое кольцо домашней колбасы, которую Мыколе Шведиру к большим религиозным праздникам присылали из родной деревни. Сырокопченая, начиненная крупнорублеными кусками свинины, почти без специй, но с запредельным количеством чеснока, о своем присутствии в посылке она заблаговременно оповещала весь личный состав, находящийся в подветренном секторе, с расстояния в пару километров.

— Думать положено тому, кто звездочки на плечах рисует, а наше дело строевым шагать.

— Ага, — хохотнул Николай. — Ты мне еще напой: «Выше ногу, папуасы, Кордашу нужны лампасы, а Хоме три звезды, остальное до…». — Потом пружинно вскочил и… протянул открытую ладонь.

— Здоров будь, Рак.

— Да пошел ты… — проворчал я в ответ, шагнул навстречу и со всей силы сжал товарища в объятиях. Аж хрустнуло. На ветку наступил, наверно… — Живой, чертушка…

— Как тебе сказать… — Швед не отстранился, но и значительных усилий в процессе обнимания не приложил. — Помнишь, куда меня? — Он демонстративно задрал подбородок.

Да, ничего не скажешь. Распоротое осколком горло чисто теоретически можно зашить. Но чтоб даже шрама не осталось? Так не бывает.

«Бывает, бывает!..»

— Ну и каков твой приговор?

Швед перетек чуть назад. Собственно, я и не удерживал уже, сосредоточившись на чистой, даже без царапин от бритья, шее товарища.

— Знаешь, Мыкола, — я был искренен, как на исповеди, — а мне это совершенно по бейцам. Главное, что ты здесь, рядом… Эх, жаль выпить нечего.

— Кто сказал? — усмехнулся Швед, не глядя протянул руку за спину и вытащил из прислоненного к срубу вещмешка обычную армейскую баклагу. — Забыл, с кем едешь? Дернем за встречу?

— Легко…

— Ну тогда чтоб наша доля нас не чуралась… Я первый, чтоб не подумал чего непотребного.

Швед ловко отвинтил крышечку и с наслаждением направил струю прямо в глотку. Только забулькало…

— Ух, хорош напиток!.. — довольно отер губы и передал фляжку мне.

— Чтоб лучше в мире жилось… — закончил я любимый тост прапорщика и уверенно допил то, что еще оставалось на дне литровой емкости.

Ну вот где он умудрился даже здесь первач достать?

Я чуток посидел с закрытыми глазами, переводя дыхание, и только минуту спустя вернулся к более прозаической, но по степени важности далеко не последней теме разговора.

— Слушай, Швед, а тебя ничего не удивляет?

— Вообще или конкретно? Потому как после воскрешения все остальное — мелочи. Согласен?

— Наверное…

И в самом деле, глупо говорить о кольчуге, мече или гоблинах, когда мы со Шведиром отмочили такое, что до нас только одному человеку удалось. Да и тот потом оказался Божьим Сыном.

— Ладно, проехали. Спрошу иначе. Ты тут именно меня дожидаешься или мы случайно на одной тропинке оказались?

— Не умничай, Влад. Меня же убили в прошлой жизни, а не контузили… — Швед нагнулся и сорвал очередную травинку. — Скажешь тоже, случайно… Это тебе, городскому, все зеленое — зелено. А я половины из здешних трав у нас дома не видел. Так что вывод прост: мы в другом мире. И если мы даже здесь оказались вместе, то вряд ли случайно.

— Вот только не надо, Мыкола, из себя смесь Лиденброка с Паганелем изображать. Я и так знаю, что хитрее хохла зверя нет. Колись по-доброму: кто и с какой целью тебя в засаду поставил? Или будешь петь, что у меня паранойя?

— Чуть что, так сразу хохол… — ухмыльнулся прапорщик. — А евреи на что? Где-то слышал умную фразу: «Если у тебя паранойя — это не значит, что за тобой не следят». Го-го-го!.. но ты прав, Влад. Я здесь, чтоб держать и не пущать. А также возвращать обратно заблудших…

«Бабушка, ты сюда не ходи, ты туда ходи… — насмешливо подсуетилась память. — А то снег — башка попадет, совсем мертвый будешь…»

— Интересно девки пляшут. Это что же у них там такое важное заныкано, что они, — я неопределенно покрутил головой, — сволочи, так подсуетились. Тебя из мертвых подняли и в охранение выставили?

— А что такое? — засопел Швед. — Тебя, значит, можно и после смерти эксплуатировать, а я — типа рылом не вышел? И потом, Влад, разве кто-то другой тебя, шального, остановит?

— Наверное, ты прав, — кивнул я. — Но на этот раз остановить меня и тебе не удастся.

— Уверен?

— Как в неизбежности рассвета. Слишком многие концы там завязаны… Жизни и судьбы человеческие. Так что извини, брат. В американских фильмах обычно прибавляют: «ничего личного», но тут другой расклад. Я очень даже заинтересован. Лично.

— Влад, — прапорщик понизил голос, — я не пугаю, но Устав караульной службы ты не хуже меня знаешь.

— Первый в голову, второй в воздух? — Я посмотрел в лицо Николаю и увидел там не только досаду и обиду, но и решимость. — А из чего стрелять будешь?

— Вот еще придумал… — Швед демонстративно засучил рукава. — Но задержание я проведу.

«Бить буду сильно, но аккуратно».

— Очнись, Мыкола. — Я отступил на шаг, разрывая дистанцию. — Это ж когда ты у меня хоть один спарринг

выигрывал?

— А заодно проверим… — проворчал Швед, не позволяя мне уйти в отрыв, подшагиваясь следом, — ты это или кто другой в твоем обличье по миру шастает?.. — и тут же показал, что бросится мне в ноги. А потом продолжил движение…

Меч в рукопашной схватке явно лишняя деталь гардероба. Знал бы, что так обернется — отложил бы его в сторону.

Ножны всего чуть-чуть сковали движение, но именно этой доли секунды мне не хватило для сустепа,[2] зато оказалось вполне достаточно, чтоб пальцы прапорщика дотянулись до моих штанин. Те самые пальцы, которыми не слишком проворный Мыкола без особых усилий плющил автоматные гильзы. И борьба перешла в партер…

* * *

Минут через пять усердной возни в мой разум закралось подозрение, которое продолжало крепнуть с каждым новым приемом, проводимым Шведом. Он совершенно ничего не делал для получения преимущества, тратя силы исключительно для сохранения статус-кво.

— Этак мы и до скончания веков обжиматься будем… — пробормотал я, высвобождая голову из очередного неплотного, но вязкого захвата. — Ты, Мыкола, часом ориентацию не сменил?

— И не мечтай… — прохрипел тот, отжимая мой локоть.

— Так, может, поговорим?

— Почему нет?

Мы отползли друг от друга примерно на полметра и разлеглись, глядя в небо.

— Кто первый начнет?

— «Хочете соби сыдть, а я нэ пойиду, хоч посыджу я за вас, а вы йидьте диду», — процитировал кого-то из украинских писателей Николай. — Лично я никуда не тороплюсь. Мне вменялось твое задержание на данном рубеже. А борьбой, стрельбой или разговорами — без разницы. Так что сам решай, кому первому. Заодно определись: исповедоваться будем или дезу гнать?

— Да, не зря говорят, что когда появились на земле хохлы, отец хитрости Люцифер с горя запил. Ну хорошо, пусть будет по-твоему. Только прежде чем начать рассказ, хочу знать: насколько легитимно твое присутствие. Не исчезнешь ли ты в процессе беседы? — а сам подумал: «Врать точно не имеет смысла, но и душу выворачивать на трезвую голову проблематично. Один

глоток не в счет…»

— Вроде не должен, — отозвался Швед. — Я же на посту. И пока никто меня с него не снимал.

— А ставил кто?

— Интересный вопрос… Ладно, слушай. Короче, после взрыва той растяжки очнулся я посреди степи. На горизонте что-то вроде кремля белеет. Но мне только общие очертания стен и башен видны. Зато ворота… как в лупу. Все в перспективе, а сами ворота скачкообразно увеличены. Степь тоже странная, куда ни кинь взгляд — испещрена дорогами, которые к этим воротам ведут. А по дорогам — бесконечные вереницы людей тянутся. И я, кстати, тоже в одной из них, и тоже к воротам тем чудным неторопливо продвигаюсь.

— Жуть…

— Не, — мечтательно возразил Николай, — тихо вокруг, благостно… Как послеобеденный сон в праздник. Жаворонки опять-таки настроение поднимают. И тут подходит ко мне некий господин в сопровождении девицы. Прямо скажем — нерядовая девочка. Я как на пазуху ее уставился, так ничего больше и не зафиксировал. Вот сейчас пытаюсь вспомнить облик того господина, а все время только эти белоснежные полушария и встают перед глазами. Типа Анечка Семенович в молодости и своей лучшей форме…

— Не напрягайся… — Я вспомнил красавицу цыганку на автовокзале. — Мне есть с чем сравнить. Рассказывай дальше.

— Дальше? — переспросил Швед, которому, судя по интонации, опять явилось мимолетное виденье. — Ах да. Так вот, этот самый господин и спрашивает: «Не скучно тебе здесь, воин?» — «А что, есть варианты?» — отвечаю.

«Ну да, — усмехнулся я. — Нашел того, кто на вопросы отвечает с ходу. Швед любого одесского еврея за пояс заткнет по части общения. Если понадобится, час молоть языком будет, а так и не скажет ничего вразумительного».

— Господин засмеялся и говорит: «Есть… Можешь здесь остаться, а можешь — в нормальном мире на посту постоять и с другом пообщаться. Многого обещать не стану, но пока очередь на рассмотр твоего дела не подойдет, можно». — «Так на посту или — пообщаться?» — уточняю. А он опять смеется: «Сам разберешься. Главное, чтобы твой товарищ дальше тебя не прошел. Ну так что, согласен?». Я и кивнул. А чего? Все какое-то разнообразие напоследок.

— Интересная история. Покруче моей автобусной поездки будет. Ну а зачем и для чего ты должен меня «держать и не пущать», тебе не объяснили?

— Веришь, Влад, объяснил и очень внятно, но я это… запамятовал.

— Анечка Семенович виновата?

— Она, — вздохнул прапорщик. — Справна дивчина… Жаль, при жизни такая не попадалась.

— Ну и ладно… — сменил я тему, поскольку и сам был не против знакомства с такой реальностью. — В таком случае, как говаривал Ильич: мы пойдем другим путем.

«Влад, — отозвался что-то давно притихший Эммануил. — Если ты хочешь, то мы можем задержать твоего друга здесь подольше».

«Конечно хочу! Ты еще спрашиваешь?! Единственный по-настоящему близкий мне человек в этом мире! Но как?»

«Подселим к нему Владислава Твердилыча. И тот, кто отправил сюда тело с одним сознанием, не сможет выдернуть его обратно, пока не изгонит второе. Только для этого нужно согласие Николая».

«Решим. Эх, жаль водка закончилась. Нам бы со Шведом сейчас по глоточку. Многое куда проще стало бы».

«А оно и так достаточно упростилось, — усмехнулся мысленно VIP-дух. — Погляди там, сзади за колодезным срубом».

«Ты же говорил, что прямое вмешательство не…»

«Я и дальше утверждаю. Но… товарища твоего иные силы сюда направили — им и отвечать. Так что не волнуйся, а займись подготовкой своего друга к подселению. Очередь к райским вратам хоть и длинная, но все ж не бесконечная… Нам надо раньше успеть, чем душу Шведира Привратник окликнет».

Глава четвертая

— Интересная история, — кивнул я сосредоточенно. — Думаю, что моя эпопея тебе тоже понравится. Только ответь сначала на один вопрос.

— Да хоть на десять, — пожал плечами прапорщик. — Если буду знать ответ, конечно.

— Видишь ли, Коля. Я только что узнал, что если ты не станешь возражать против некоторого вмешательства в свою личность, то имеется шанс задержать тебя здесь дольше, чем на это рассчитывали те, кто твою личность сюда отправил.

Швед молчал.

Минуту, вторую…

— Ну что скажешь? Ответь что-нибудь. Не молчи, — не выдержал я затянувшейся паузы.

— А ты шо — уже спросил? — захлопал глазами Мыкола. — Извини, Влад. Я, наверно, задумался и не расслышал. Не обижайся, спроси еще раз.

Икнув, сдерживая неуместный смех, я изложил тему предельно просто.

— Если впустишь в свою голову на время постороннее, но дружеское сознание, то будешь жить еще очень долго. Пока не надоест. Согласен?

— Еще одного? — поскреб лоб Николай. — Да пусть себе. Что мне, места жалко? Мы с братьями, бывало, втроем на одной кровати и под одной периной спали. А он не буйный? — уточнил слегка озабоченно.

— Вроде нет, — усмехнулся я. — Меня не беспокоил.

— А не еврей?

— Ничего себе заявочка, — присвистнул я. — Коля, ты случайно не антисемит?

«Терпеть не могу расистов и негров», — не преминул съехидничать внутренний голос. Один из троицы… Наверняка мой собственный. Эммануил для таких шуточек слишком интеллигентен, а Владислав Твердилыч хотя и вполне подписался бы под расовую теорию, но живого негра точно ни разу не видел. Впрочем, и мертвого тоже…

— Не-а, — отмахнулся тот. — Просто бабушка сказывала, что они сильно неряшливые. А я, ты же знаешь, терпеть ненавижу бардак. Особенно в голове.

Интересно, был ли в нашей части хоть кто-то, кто об этом не знал. Я не о голове прапорщика, а о его нетерпимости к любому виду разгильдяйства.

— Не думаю, — успокоил я прапорщика. — Он сам из легионеров, так что с дисциплиной знаком не понаслышке. Споетесь.

— Тогда согласен. Пусть в тесноте, лишь бы не в обиде…

— Вот и славно. Заодно узнаешь все об этом мире, да и мою историю…

Я решил, что пришла пора ставить точку в подготовительной беседе, и поднялся. Проверить, на месте ли обещанный Эммануилом катализатор.

— Ты куда? — бдительно напрягся Швед, все еще находясь в сторожевом режиме. Ну правильно. Разводящего не было, а значит, прапорщик по-прежнему в карауле.

— Да тут рядом, буквально за углом, — кивнул я на сруб.

— Я с тобой, — начал движение Швед.

— Донести поможешь или только подержать? — Я ухмыльнулся, умышленно облекая вопрос в скабрезную двузначность.

Швед шлепнулся обратно.

— Ты только без глупостей, Влад… — попросил не слишком уверенно.

— Да не боись ты, Мыкола, — отмахнулся я. — Свалить в разгар такой задушевной беседы хуже, чем извиниться и слезть с кровати на пике удовольствия. За такое не только бьют подсвечниками, но и сапогами пинают. По морде лица… Что я поц какой?.. — И тут же не удержался от удивленного возгласа: — Ну ни фига ж себе фига!

— Гриб нашел? Или растяжку? — проявил понимание и заинтересованность прапорщик. — То не я…

— Амфору!

— Кого? — мгновенно вскочил на ноги тот.

Похоже, Швед не прикалывался. Я не стал переспрашивать, с чем столь неприязненным у хлопца из Краснодарского края ассоциируется это вполне безобидное слово, а просто нагнулся, ухватился за ручки и с некоторым усилием выставил на сруб историческую посудину. По весу и на глаз — явно больше двух ведер.

— Вот…

— Ух ты! — захлопал глазами Мыкола. — Никогда таких здоровенных глечиков[3] не видел… Красивый. — Но врожденная хозяйственность и тут взяла верх над эстетическим воспитанием. — Полный?

— Судя по весу, под пробку.

— А чего в нем?

— Я тебе что, рентген? — возмутился я, продолжая играть

взятую на себя роль. — Иди сюда, поможешь дотащить до нашего достархана. Там и исследуем: чего в него набухали?.. Очень надеюсь, что не оливковое масло.

— Почему? — не въехал прапорщик. — Оно ж страшенно дорогущее?

— Да? И кому ты его здесь продавать собрался? Гоблинам?

— Тьфу, — сплюнул Швед. — Совсем запамятовал. Никак не могу привыкнуть, что я уже… того…

— Не знаю, при чем здесь японский адмирал,[4] — притворно возмущенно повысил я голос, — но если ты, япона мать, не соизволишь переставлять свои ходули шибче, то я могу и уронить находку. Амфора тяжелая, а бревно округлое и скользкое.

Такого безобразия прапорщик допустить не мог.

Вовремя. Уж не знаю, кто там наверху решил в очередной раз подшутить, но мои ноги вдруг поехали вперед, словно я стоял не на лесной почве, а на зимнем катке или в луже масла на бетоне. И если бы не проворство Николая, то, вполне возможно, хлебать вино нам пришлось бы прямиком из сруба. Утешало, что колодец был неглубокий и пересох давно. Но, хвала спецназу в лице его достойных представителей, обошлось легким испугом и громким матом.

Эммануил не поскупился. Чтобы понять это, достаточно было всего лишь сколупнуть печать. Никакого намека на дрожжи, а только густой запах винограда и… знойного лета.

— Вино? — оживился Николай. — Или духи?

Второй вариант он предложил менее воодушевленно, но и не так чтоб сильно опечаленно. Заморский парфюм, конечно, не «Шипр» и не «Тройной», ну так и мы — не Ален Делоны. Плавали, знаем. Однажды после суток, проведенных под проливным дождем в одном хлопчатобумажном обмундировании, личный состав отделения только благодаря бритвенным принадлежностям избежал воспаления легких. Вовремя прогрев организм изнутри «Огуречным» лосьоном.

Так что нас голыми руками не возьмешь и отсутствием мелкой посуды не смутишь. Душа меру знает. Даже если определенно имеется некий излишек этих самых душ в одном отдельно взятом индивидууме. Ну так зато и вина много.

— Если душевно ранен,
Если с тобой беда.
Ты ведь пойдешь не в баню,
Ты же придешь сюда…

— Ой, чий-то кинь стойить? Що била грывонька…

— Где? — Я попытался тоже узреть упомянутого Николаем коня, но в обозримом пространстве, кроме нас двоих и лежащей на боку амфоры, не было никаких посторонних объектов. — Ты чего, Мыкола? Откуда здесь лошадям взяться? В этой Мрачной роще? В лесу заколдованном?..

— В заповедном лесу, где трепещут осины… — сменил тему Швед.

— Где с дубов-колдунов опадает листва, — согласился я с товарищем. — Зайцы в полночь траву на поляне косили…

— Щэ нэ йдэ… — наставительно покивал пальцем Николай и прилег рядом с амфорой, присосавшись к горлышку, как к титьке.

Какое-то время я добродушно глядел на него, но потом гены, унаследованные от деда, активного борца против индивидуализма на отдельно взятом подворье, возмутились, и со словами: «Э-э! Хорош! Оставь и мне глоточек» — я провел насильственную рокировку и сам занял место у горлышка.

Процесс подготовки объекта к нужной кондиции, необходимой и достаточной для переселения сознания, переходил в завершающую фазу.

* * *

— Хорошо, что мы отключились раньше, чем успели все вылакать… — вернул меня к реальности исполненный радостного оптимизма голос Шведа.

Вообще-то мог и подождать. Призванная в мой сон его воспоминаниями Анечка Семенович как раз согласилась исполнить скромный стриптиз с вполне возможным продолжением. Тем более утро после попойки совсем не то событие, приход которого хочется ускорить. Хотя, если отбросить эмоции и вычленить суть, не все так плохо в Датском королевстве…

Я открыл глаза и, стараясь не делать резких движений, сел.

— А вы, батенька, оказывается, перестраховщик у нас… — засмеялся Швед, который как раз исследовал содержимое амфоры на предмет наличия переходящего остатка.

— Да, выдержанное вино — это не бакалейная бормотуха.

Кроме вполне понятного и ожидаемого сушняка, никаких отрицательных ощущений в организме не наблюдалось. Голова казалась легкой и вполне вменяемой.

— Но там же почти тридцать литров было. Скажи, тебе приходилось когда-нибудь присаживаться к столу, имея три ведра вина на двоих?

Швед призадумался.

— Не-а. С ведром самогона — было однажды. С канистрой пива — тоже, а вот вина больше трехлитровой банки никогда не набиралось. У нас в селе его тоже неплохо делают, да бабы от мужиков прячут.

Можно было продолжить эту занимательную тему, но поскольку в большой семье клювом не щелкают, а Николай Шведир именно в такой и вырос, — значит, мне следовало поторопиться.

— Я понимаю, что инстинкт прапора могуч, но заповедь «делиться с ближним своим» гораздо древнее.

Не отрываясь от амфоры, Швед что-то невнятно пробормотал. А потому мне, как и вчера, пришлось применить силу. Кстати, а вчера ли? Что-то я потерялся во времени. Да уж, неплохой довесок к пространственному переносу.

Какая только чушь не лезет в похмельную голову. И совершенно правы были древние, утверждавшие «In vino veritas». Ну вот — еще пара глотков и можно будет вслед за киношным Гамлетом вскричать: «На кой нам ляд сосуд, коль нет вина в сосуде?».

— Слышь, Николай, а ты вообще себя как чувствуешь? — вспомнил я причину, по которой, собственно, и затевалась вся эта пьянка.

— А что?

— Дружище, я понимаю, что прямо ответить на поставленный вопрос как бы ниже собственного достоинства. Но очень тебя прошу, не виляй.

— Да шо ты ко мне прицепился? — возмутился прапорщик. — Кто здесь со звездочками на погонах? Может, мне еще смирно стать и по всей форме доложить?

«Горбатого и могила не исправит. Тем более что „концы поэтов отодвинулись на время“».

— Хорошо. Я напомню, если у кого-то ранний склероз или иное умственное недомогание. Прежде чем начать пить, мы договаривались, что ты впустишь к себе чужое сознание. Не забыл?

— Так это когда было, — отмахнулся Швед. — Я думал, ты о чем-то другом спрашиваешь. А с Владом Твердилычем у нас полное взаимопонимание. Он хлопец правильный и субординацию чувствует. Не то что некоторые… Кстати, а если нас теперь двое, то чтобы коллективный разум задурманить, сколько выпить придется? Тоже в два раза больше?

— Сейчас, размечтался… — пыхнул я в отместку за субординацию. — В лучшем случае полуторная норма. Это если я

в своем тезке не ошибся и у него мозги не того же, положенного по штатному расписанию прапорщикам, облегченного полевого образца.

И пока Швед переваривал информацию, поспешил отвлечь его обходным маневром.

— А что у тебя из снаряжения имеется?

— В общем-то ничего. Видимо, с оружием в рай не пускают. Сам думал у тебя разжиться…

Но я упрямо продолжал смотреть ему чуть выше правой брови. Самый раздражающий взгляд. Ты как бы и в лицо человеку смотришь, но глазами не встречаешься. Вроде подозреваешь его в чем-то…

Швед тотчас заерзал на срубе, а потом хлопнул себя по лбу.

— Только одна динамитная шашка в вещмешке была припрятана. Думал, рыбки глушануть.

Я ждал.

— Е-мое. Не, ну ты точно как моя матушка. Та пока с отца всю заначку не вытащит, нипочем не отстанет. Есть еще две «синеглазки»[5] во внутреннем кармашке. Они там уже с полгода лежат, я их и не выкладывал ни разу.

— Да, весь мир стоит на пути разоружения и за отказ от химического оружия, а прапорщик Шведир конвенцию не подписывал, — хохотнул я и запел: — Медленно ракеты уплывают вдаль, встречи с ними ты уже не жди. И хотя Америку немного жаль, у Китая это впереди…

— Скатертью, скатертью хлорциан стелется, — подхватил Николай. — И забирается под противогаз.

— Каждому, каждому в лучшее верится. Медленно падает ядерный фугас.

«Влад, что это за ужасная песня?» — совершенно неожиданно возник в моем сознании голос Эммануила. Обычно молчаливый и скромный, сейчас он явно был не на шутку взволнован.

«Да так, обычная шуточная обработка детского стишка. А что?»

«Но ведь там погибнут многие миллионы. Как же можно шутить такой жутью? Неужели подобное возможно на самом деле? Это же ужасно».

«Видишь ли, — я попытался собраться с мыслями и объяснить максимально доступно, — те, от кого зависит, начать ядерную войну или нет, прекрасно защищены и уверены, что уж они-то уцелеют при любых раскладах. А остальные люди, от которых как раз ничего не зависит и именно им суждено погибнуть в первую очередь, чтоб не сойти с ума от ужаса, стали смеяться».

«Но почему смех. Разве молитва хуже?»

«Как тебе сказать, VIP-дух ты мой, чтобы не обидеть. За две тысячи лет победившего христианства только в религиозных войнах погибло более ста миллионов. И далеко не все они были грешниками… Вот и разочаровались внуки и правнуки тех, кому повезло уцелеть в последней всемирной бойне, в силе молитвы. Даже пословицу придумали: „На Бога надейся, а сам не плошай“».

«Но ведь это… это…»

«Ты-то чего разволновался? Мы же сейчас здесь, а не там. И этому миру до ядерного синтеза еще тысяча верст и все лесом. А уж мы со Шведом, будь надежен, о реакции полураспада забудем напрочь. Обещаю…»

И постарался подумать как можно убедительнее, что оказалось довольно сложно проделать на фоне распевшегося прапорщика.

— Над Берлином взрыва гриб качается,
Под ногами плавится бетон.
А все, что после Запада останется,
Мы погрузим в голубой вагон…
Скатертью, скатертью…

* * *

Часы — главнейшее изобретение человечества. Только научившись тыкать пальцем в циферблат и елозить им же по листкам календаря, люди стали пытаться хоть как-то планировать будущее. Но, как я теперь все отчетливее понимаю, единственно с целью развеселить богов.

Швед все-таки потребовал озвучить мою историю и, выслушав ее, призадумался. А думать он умел. Это только тем, кто не знал товарища прапорщика достаточно близко, маска расчетливого и прижимистого куркуля, с удовольствием носимая кадровым военным, могла показаться истинным лицом Николая Шведира.

— Занятно, — пробормотал он чуть погодя. — Значит, ты теперича у нас настоящий помещик. Вот здорово!.. Всегда мечтал иметь много земли. Это ж как развернуться можно, какие урожаи выращивать. И все натуральное, экологически чистое. Без ГМО! Да что там ГМО, они тут, поди, даже о колорадском жуке еще не слышали!

— И о картошке тоже, кстати…

— А вот это плохо… — Швед загрустил. — Как же можно без картошки-то? Без вареников? Без дерунов…

— Увы, — развел я руками. — Не сподобились тута еще Колумба в Америку отправить, вот и нету картошки.

— Не понял? — Николай посмотрел на меня как на ненормального. — При чем тут Америка? Я о картошке говорю, а не о бананах.

— Я тоже… Погоди, Мыкола. Ты что, не знаешь, откуда к нам картофель завезли?

— Ниоткуда, — уверенно ответил тот. — Он всегда тут был.

— Понятно… — Разубеждать друга в его фанатической вере, что родина корнеплодов — Украина, в крайнем случае — Беларусь, мне не захотелось. Разве это так важно?

— О, у меня идея! — воскликнул Швед. — Как заработать и людей осчастливить.

— И?

— Как только выполним твое задание, попросим нанимателя, чтобы в награду сюда пару мешков картошки подбросили. Если они тебя со всем снаряжением переправить сумели, то и с этим справятся. Нет, ты прикинь, Влад! — оживился прапорщик. — Монополия на картошку во всем мире! Да мы с тобой на золоте спать и есть будем! Все, я в доле!.. Какая у нас вводная?

— Ты сейчас о чем?

— О ближайших задачах и целях. Или ты хочешь сказать, что тебя изъяли из нашего мира и перебросили сюда шутки ради? А меня подогнали для компании. Типа, чтоб не скучал…

— И рад бы дать внятное объяснение, но увы… — развел я руками. — Никто со мной на связь не выходил и пароль не спрашивал.

— Странно… Зачем же тогда весь этот спектакль? Во всем и всегда есть какой-то смысл. Пусть и неочевидный…

— Мыкола, а ты какую книжку в последнее время читал?

— Коричневую, — ухмыльнулся прапорщик. — Не передергивай. О законе сохранения энергии знаешь?

— Это в том смысле, что уходя, гасите свет? — сделал я еще одну попытку уйти от серьезного разговора. Инстинктивно. Очень уж нехорошая мыслишка высунула голову в конце туннеля.

— Можно и так, — не поддержал шутки Швед. — Лампочка, светящаяся в пустой комнате, отличный пример бессмыслия вообще и пустой траты энергии в частности.

— Философ, блин… — Мыслишка вылезла на означенный свет полностью, и призрачная дымка подозрения стала принимать достаточно понятные очертания. — Ты хочешь сказать, что если нет смысла в моем пребывании здесь, то он может быть — в моем небытии там?

— Вот уж действительно, заставь дурня Богу молиться. Это ж

надо, до чего додумался!

— Нет, нет, все сходится… — Вцепившись в новую идею, я стал раскручивать ее до упора. — Скажи, какой походный ордер нашей группы?

— Это что, тест? — удивился Швед, но ответил: — Мишка-сапер, потом ты, потом Князев, потом радист, потом я, потом…

— Вот! А теперь скажи, кому досталось бы все удовольствие, если бы в тот день ты вдруг вперед меня не полез? Ну что? Теперь понимаешь, на кого ловушка была поставлена?

— Да, — вынужденно согласился Николай. — В целом твое предположение сходится. Но и ты мне ответь. Какой будет твой фамилий? Ась? Не на «П» случайно? А сам ты, Влад, на самом деле не «слав», а «мир». Так что не пыжься, мелковат калибр для всемирного заговора. Отсюда и диагноз: паранойя плюс мания величия, но к строевой службе пригоден без исключения.

— Я серьезно.

— И я. — Швед не отступился и тон не сменил. — Извини, Влад, но что такое в масштабах нашего мира ты, я, да хоть весь наш разведбат? И потом — даже если на минуточку согласиться, что ты прав — грохнуть куда проще и экономнее, чем такой цирк устраивать.

— Так ведь не получилось… грохнуть, — резонно заметил я.

— Случайность, без которой никак. Или не тому ликвидацию поручили… — отмахнулся Николай. — Президентов бьют, как уток, а тут сержант какой-то, да еще в горячей точке. Вали — не хочу. Удивляться следует другому: почему ты еще жив с таким счастьем?

— Тогда, — мне упорно не хотелось распроститься с мыслью о своей значимости, пусть и с риском для жизни, — может, потому меня сюда и выдернули?

— Те же яйца, только в профиль, — хмыкнул Швед. — Паранойя, батенька, паранойя. И — мания величия… Хорош бронзоветь. Все равно бюст в полный рост на малой родине героя тебе не светит. Ни при жизни, ни после…

— Ты сказал: при жизни? — Слово зацепилось за слово и потащило наружу очередное подозрение. — А ведь ты прав, Мыкола.

— Да, — согласился Николай. — Обычно я всегда прав. А в чем именно, не уточнишь?

— Насчет жизни. Вот мы и проконсультируемся сейчас…

— Я не понял?

— Ничего сложного. Ты ведь погиб?

— Вне сомнений. Если только все эти видения у меня были не от наркоза. Но нет, — мотнул головой Швед. — Шрамов ведь

не осталось.

— Вот-вот, — продолжил я. — А меня, если припомнить подробно, при аварии сквозь лобовое стекло выбросило. Случай, вообще-то, не факт даже, что смертельный. Но чем черт не шутит? Или кто там у них всем этим дерьмом заправляет? Может, меня на Родине и похоронили давно, вот только в очереди в рай постоять не дали. Сразу сюда замели…

«Эй, господин Эммануил, вопрос мой вам адресован вообще-то!»

«Да я понял, Влад, — отозвался дух. — Ответ неоднозначен. Ведь в мире и в самом деле все относительно. Где-то живешь, где-то уже нет, а в иных местах и не родился вовсе пока…»

«Ну обо всем мироздании помолчим. Меня конкретный ответ на совершенно конкретный вопрос интересует. И не делай вид, что ты не понял!»

«Ладно, не горячись. Если хочешь конкретики, то ее и в самом деле пока еще нет. А умрешь ты окончательно и везде или продолжишь свое существование как-то иначе, от многого и разного зависит. В частности и от того, как здесь себя проявишь. Чего добиться сможешь… Понятно излагаю?»

«Не слишком».

«Почему? Кажется, я уже упоминал о неоднородности времени. Нет? Ну хорошо, могу напомнить…»

«Не надо. Это твое „бить или не бить“ вопрос будущего, а я о настоящем говорю… Сейчас сформулирую четче. Значит ли это, что в своем мире я все еще падаю?»

«Ты же момент удара помнишь? А все то, что уже произошло, отмотать обратно нельзя. Но сообщат ли об аварии вовремя и поспеет ли скорая помощь на место — тут возможны варианты. Так что, Влад Твердилыч, не рекомендую рассиживаться, время не стоит на месте, даже если идет очень медленно. И чем больше успеешь сделать до момента, когда судьба войдет в точку невозвращения, тем реальнее шанс выжить в любой действительности».

Глава пятая

— Ну ты как, братишка, готов к движению?

Швед многозначительно хмыкнул, с сожалением поглядел на окончательно и бесповоротно опустевшую амфору, глоток из которой мог отодвинуть неприятный миг принятия решения, а потом проворчал:

— Оно, конечно, надо бы идти, но я вот еще что хотел спросить, Влад. Не с перепуга, а для понимания ситуации… — Бывший прапорщик покосился на небо. Кстати, похоже, собирался дождь, отчего в лесу заметно потемнело. — Меня не вернут обратно как не оправдавшего высокое доверие? Все же наши с тобою задачи, мягко говоря, не совсем совпадают.

— Если верить Эммануилу, то не должны. Для этого дух моего тезки к тебе и перебрался.

Сомнения Николая были мне вполне понятны. Не очень приятно, когда тебя выдергивают в разгар вечеринки. Тем более насовсем… Я-то уже свыкся немного с тем, что существую, мягко говоря, не совсем правильно. Вернее — попросту об этом не думаю, принимая реальность такой, какая она есть. «Думаю — значит существую». А Шведу с непривычки, должно быть, ой как муторно на душе.

— А верить им можно?

— Нужно, Мыкола… — Я придал голосу столько уверенности, сколько смог втиснуть не переигрывая. — Иначе вообще все дерьмом покажется. А жить в… — Я не закончил мысль, пусть сам додумает. Глубже проймет.

— Как я понял из объяснений Эммануила, твое перемещение — волюнтаризм чистой воды каких-то залетных авантюристов не сильно высокого пошиба и в божественной иерархии занимающих самое посредственное место. Лишнего внимания к своим делишкам они привлекать не захотят, а с подселенным в тебя вторым сознанием переиграть ситуацию втихую не смогут. Да и Эммануил начеку. А он им не по зубам. Не могу знать точно, но судя по замашкам — он либо сам очень крут, либо папенька у него с такими лампасами, что ты себе и представить не можешь. Кстати, а что Твердилыч по этому вопросу говорит? Уж он-то больше нас в курсе должен быть?

— Спрашивал, — вздохнул Швед. — Но при одном только упоминании об Эммануиле дух покойного легионера пытается вытянуться во фрунт и грымнуть сжатым кулаком по кирасе. Как я слышал, такие почести отдавались только императору.

— Или ближайшим родственникам… М-да, как говаривала

некая сумасшедшая девочка Алиса: «Все страньше и страньше…». Ох, непрост мой постоялец. Совсем непрост. Ладно, Швед, не будем ханжами, не нашего ума дело… У каждого свои заморочки, а мы просто воспользуемся блатом.

— А почему мы у него напрямую не спросим?

— Ну ты даешь, Коля. — Я даже засмеялся. — А то он нас не слышит, да? Типа пошел на базу, вернусь после обеда?.. Раз не комментирует беседу, значит, не хочет.

— Скромный?

— Может и так. А может, просто не любит давать интервью. Чтоб не читать потом в газетах того, о чем и близко речи не было.

— Ладно. — Шведир задумчиво потер подбородок; видимо, вспомнил не столь давнюю историю с излишне бойкой репортершей. — Кто не рискует, тот не пьет шампанское.

Потом нагнулся и поднял с земли свой вещмешок.

— Копье-то выпишешь? А то я себя как голый чувствую. Несолидно.

— Конечно. — Я протянул Шведу оружие. — Держи. Как знал, что пригодится. Только это не копье, а рогатина.

— Один черт. Палка с насаженным на нее штык-ножом. Коли-руби, а не попал — бросай врагу под ноги и беги. Ладно, Влад, если больше не наливают… — Николай еще раз неодобрительно покосился на пустую амфору. — Кстати, а на довольствие меня поставят? Я требую нормального трехразового питания…

— Ничего не могу сказать насчет пропитания, но нормальное фехтование обещаю, — переиначил я чуток ответ киношного героя, с труднопроизносимой гасконской фамилией. Уж больно схожей была ситуация. — Причем в самом буквальном смысле. У тебя какое отношение к колюще-рубящему оружию?

— Да так, начальные курсы русобоя для младшего комсостава.

— Ну ничего, был бы фундамент. Когда от этого зависит жизнь, человек склонен к ускоренному усвоению любых наук. А кроме того, память Влада Твердилыча даст тебе такой объем умений, что его навыки только чуток шлифануть и усе — гвардейцы кардинала разбегутся в ужасе.

— Погоди, — не понял шутки Николай. — У нас тут мрачное Средневековье или уже просвещенное барокко?

— Гм. — Я и сам завис на секунду, больше всего радуясь произнесенному слову «нас». Николай явно начинал адаптироваться. — Я тут пока в столицах не бывал. Все по провинциям мотаюсь. Но на Средневековье, причем раннее, жизнь тутошняя больше похожа. Если не брать во внимание наличие гоблинов, троллей и прочих персонажей из заморских сказок…

— Разберемся…

Николай взвесил в руке рогатину и, судя по огоньку, мелькнувшему в его глазах, остался доволен новым оружием.

— Ну вперед, за орденами. Эх, путь-дорожка фронтовая, не страшна нам бомбежка любая…

— А помирать нам рановато, есть у нас еще дома дела.

* * *

Поскольку острый меч при марше сквозь не так чтобы слишком густой, но и невырубленный подлесок более практичен, чем копье, Николай замыкал группу, ну а мне, естественно, выпала честь первопроходимца. К счастью, по уже упомянутой причине, не слишком обременительная. Настолько, что моя паранойя снова проснулась и беспокойно заворочалась. Слишком уж свободно мы продвигались этой пресловутой Мрачной рощей. Даже не запыхались, не вспотели. Неужели вся ее непроходимая суровость сосредоточена только в относительно узкой полосе препятствий на самой границе и грамотно организованной рекламной кампании?..

— Мыкола, мне это мерещится или…

— А что не так?

— Не знаю точно, но такое ощущение, что лес нас боится и сам дорогу уступает.

Я демонстративно потянулся мечом к ближайшей толстой ветке, свисающей на уровне лица поперек прохода между двумя узловатыми стволами старых, словно скрюченных подагрой, грабов. И ветка тут же качнулась вверх.

— Клево, — резюмировал Швед. — Как ты это делаешь? Научишь?..

— Чего? — Я повернулся к товарищу. — Мыкола, я тебе что — волшебник Изумрудного города?

— А, ну да… Ты как тот, из «Чародеев». Помнишь — Гость с юга. Фарада его играл. Деловой человек, который в детстве даже сказок не читал.

— Погоди-ка. — Я назидательно поднял указующий перст. — Мыкола, ты прям ходячий кладезь ума.

— Кто б сомневался… — приосанился Шведир. — Меня еще в школе всем в пример ставили и всегда назначали капитаном сборной. Наша команда ни одного соревнования не проиграла.

— В КВН?

— Нет… — мотнул головой Швед и улыбнулся. — Мы больше перетягиванием каната увлекались.

— А-а, ну это меняет дело, — засмеялся и я. — Держи меч.

— Зачем?

— А вон, видишь кустарник колючий? Надо его остричь чуток. Справишься?

— А ты чего? — не торопился Швед принимать оружие.

— Отолью…

— Понял.

Николай взял меч и шагнул к терновому кусту. Тот, как я и ожидал, тут же поджал все торчащие ветки.

— Ух ты! — восхитился Николай, беря меч в обе руки и внимательно рассматривая. — Здорово! Ценная вещица. О, а тут чего-то нацарапано…

— Свет рождается во мраке.

— И что?

— А то, что никакая сила не может задержать свет, стремящийся во мрак…

Эти слова произнес стоящий почти перед нами столетний ясень. Во всяком случае, именно так мне показалось. Мы резво обернулись на голос, и Швед ненароком даже мечом в ту сторону ткнул. Хорошо не достал. Сливаясь с древесным стволом, там стоял уже знакомый мне псеглавец Симаргл.

— О, а это еще что за чудо-юдо рыба кит?

Николай был сама непосредственность.

— Неужели псеглавец?! Здорово! А я думал, что все это только бабушкины сказки.

— Вся жизнь человеческая не что иное, как бабушкины сказки, — непонятно, но, очевидно, с глубоко заложенным философским смыслом ответил Симаргл. — Здравствуй, Воин.

— И тебе не хворать…

На всякий случай я отобрал у товарища меч. А то со всеми этими богами, титанами, трикстерами и прочими полуфабрикатами и не поймешь — когда помощи ждать, а когда и подлянки.

— Ты откуда здесь нарисовался?

— Мы ведь не договорили в прошлый раз, помнишь? А кольцо призыва ты почему-то использовать не захотел, — пожал плечами Симаргл. — Пришлось самому поторопиться… Пока ты лишних дров не наломал.

— А, так вы знакомы, — констатировал Шведир. — Тогда ладно. Одним богом меньше, одним — больше. Сгодится до компании. Кажи сразу: шо еще сделать надо и чего нам за это будет?

— Хороший вопрос, — хмыкнул Симаргл. — Особенно в устах людей, добровольно идущих прямиком в Инферно.

«Спроси у трикстера его второе имя!»

Эммануил вроде посоветовал, но как-то уж чересчур требовательно.

— Добро, но прежде чем продолжим наш разговор, Симаргл, я бы хотел узнать твое второе имя.

— Вот пример чистого, незамутненного разума, способного принимать мир таким, как он есть, не утруждаясь эмоциональной подоплекой. — Псеглавец указал на Шведира, словно не расслышал моего вопроса.

— Да, Николай такой, — подтвердил я. — Он, кроме Устава, ничего не читал.

— Почему не читал, — возразил Швед. — Алексея Толстого. «Восемнадцатый год»…

— «Хождение по мукам»? — уточнил я чуть удивленно. — Прямо скажем, Мыкола, не ожидал. Это как же тебя угораздило?

— Не, я только «Восемнадцатый». От первого тома, когда меня на точку забросили, уже только последняя страница оставалась. Кстати, я эту строчку до сих пор помню. — Швед прикрыл глаза и процитировал: — «Это был особняк знаменитой балерины, где сейчас находился главный штаб большевиков…». А до третьей книги я не дошел. Через полгода командировка закончилась.

— Занимательная и весьма поучительная история, — кивнул я впечатленно. — Но тем не менее ответа на заданный вопрос не отменяет. Итак, Симаргл, я жду. Иначе разговора не получится.

— Переплутом меня еще называют, Влад, — не слишком охотно представился псеглавец. — Или — Хитрецом… Ну и что это меняет?

— Как знать? — пожал я плечами. — Может, совершенно ничего. А возможно — все!.. Это ж не фамилия, которую человек может унаследовать черт знает в каком колене. Верно? И если тебе такое звучное прозвище дали, то ведь не за то, что ты в карты мухлевал? Или — и за карты тоже?

На собачьей морде не отразилось никаких эмоций, а только во взгляде умных очей плеснулась вечная скорбь всего иудейского племени. Так что я невольно почувствовал себя хамом, отбирающим у дитяти конфетку, расистом, антисемитом и вообще — гонителем сексуальных и прочих меньшинств.

— Ладно, проехали… — проворчал я примирительно. — Прости, если что не так. Обидеть не хотел. Излагай дело.

— Да, — поддержал меня Швед. — Влад завсегда так. Сначала брякнет чего-нибудь умное, а потом извиняется.

— «Горе от ума».

Кому принадлежала последняя реплика, я не уловил.

* * *

— Как бы это доступнее изложить… — призадумался псеглавец. От усердия он даже язык из пасти высунул. Не раздвоенный, обычный — собачий. — Суть в том, что я по должности бог Врат. Тех, которые между мирами. Но не в смысле КПП, а… — Трикстер опять задумался. — Нет, прежде чем продолжить, я должен объяснить вам одну аксиому: «Мир только один!». Если вы это поймете, все станет гораздо проще.

— А чего ж тут непонятного? — пожал плечами Шведир. — Один и один…

— И даже спорить не станете? — удивился Симаргл. — Не будете себя самих в пример приводить. Мол, как же так? Мы же из другого мира!..

— Наивняк, — хмыкнул Швед. — Сразу видно, что тебе в общаге жить не доводилось. Там у каждого свой мир, в пределах восьми квадратов. Вот только кухня и прочие удобства почему-то об этом не знают…

Симаргл призадумался, адаптируя информацию. Потом кивнул.

— Вполне подходящее сравнение… Комнат много, а здание одно. Так вот, я отвечаю не за пропускной режим: кто когда входит и когда выходит, — а за потоки силы. Изъясняясь в стиле вашего примера: чтоб в каждом блоке были воздух, свет, вода и канализация не забивалась…

— Нужный человек, — уважительно посмотрел на трикстера прапорщик. — Я в этом деле разумение имею. Давай дружить. И если что — обращайся.

— А я что делаю? — хмыкнул псеглавец. — Только мои проблемы сложнее будут, чем «жучок» в счетчик вместо перегоревшей пробки закрутить.

— Ничего, ничего… глазам страшно, а руки делают, — окончательно перетащил на себя разговор хозяйственный Мыкола.

Ну еще бы! Разве он мог упустить такой случай ближе познакомиться, а возможно и подружиться с «комендантом и техником-смотрителем всемирного общежития»?.. Так что я не стал вмешиваться, добровольно отведя себе роль наблюдателя и посредника.

— Мы понятливые. Главное — объяснить правильно. В том смысле, что теорию Дарвина можно опустить, а сразу перейти непосредственно к инструкции: какую кнопку нажимать, а которую пимпочку лучше не трогать.

— Совсем без теории не получится, — почесал за ухом

Симаргл. И мне показалось, что он куда ловчее проделал бы это задней лапой, в смысле — ногой. Даже находясь в теперешнем, человеческом теле. — Иначе как я объясню, почему одни каналы силы могут и должны работать постоянно, а другие — требуется выявлять и перекрывать?

— Тоже проблема, — пожал плечами Шведир. — Незаконная врезка или подключение мимо счетчика. Обычное дело. Голь на выдумки хитра… Или у какого-то умельца руки чешутся. А самый паскудный вариант — сделать так, чтоб пользовался ты, а платил сосед.

— Что, и у вас так делают? — хмыкнул Симаргл. — Вот не думал… Тогда и в самом деле все гораздо проще.

— А я о чем толкую, — кивнул Швед. — Излагай, комендант. Не занудствуй…

— Хорошо. В общем, место, именуемое Мрачной рощей, а точнее зона, куда вы направляетесь, не что иное, как незаконное проникновение сил Инферно в мир Порядка. У них в этом районе нет рабочего канала. Вот они и пробили его тайно. И такого тут эманацией всеобщей ненависти к живому наворотили, что пока я заметил и понял, откуда дует, — здешние обитатели друг друга чуть не истребили. Совсем немного до поголовной резни оставалось… Еле успел локализовать точку. Но закрыть прорыв окончательно пока не получается. Слишком устойчивый канал. Большие мощности подключены. Собственными силами никак не справиться, а докладную наверх слать вроде рановато. Если каждый Самого по всяким пустякам тревожить станет, Ему некогда главными делами заниматься будет…

— А мы с Владом типа группы МЧС? — понятливо кивнул Николай, пропуская мимо лишнюю информацию.

«Чип и Дейл спешат на помощь! — хихикнуло мое подсознание. — Ликвидаторы прибыли на место аварии вовремя. В результате слаженных действий группы устранена утечка газа и ликвидирован начальник ЖЭКа…»

Видимо, что-то такое особенное отобразилось у меня на лице, потому как Симаргл неодобрительно покосился в мою сторону и щелкнул пастью.

— Да.

— А почему раньше не сказал? — Я решил, что пришла пора расставлять все точки над «ё». — Ведь мы могли поговорить еще в Одноглазой пещере, а не устраивать глупую корриду. Да и потом, сколько случаев предоставлялось?

— Ну, во-первых, Влад, ты здесь не по моей воле очутился, а потому — прежде чем решить, привлекать тебя к разрешению проблемы или не привлекать, надо было присмотреться. Понять,

кто таков, что собой представляешь и вообще… проанализировать. А то иная помощь дороже самой проблемы встать может.

— Ага, теперь, значит, оценил и взвесил?

— Многое для меня по-прежнему странно и непонятно, — вынужденно признал Симаргл, пряча глаза. Хотя, возможно, это сработал звериный инстинкт. Ведь это только у людей прямой взгляд как бы свидетельство искренности, а в природе — вызов на поединок. — Но что вреда не будет, ясно. Осознанно или нет, но ты сторонник Порядка и к Хаосу не переметнешься. Эвентуально, как и твой товарищ, кстати… Ну и потом, я же вас не нанимал. Ты наемник гоблинов, что законами этого мира не возбраняется. А значит, и вмешательством не считается. Пойми, Влад, я хоть и слежу за исправностью системы, но не строил ее и не хозяин тут. Да и вообще, о чем мы спорим? Вот скажи честно, тебе пара лишних деревень карман тянут?

— Нет.

— Ну так и пусть все идет своим чередом. Тем более что пока я размышлял, как направить тебя к месту прорыва сил Инферно, ты уже и сам подписал контракт с гоблинами.

— Вообще-то они считают, что виной всему злобная эльфийская магия.

— Знаю. Точно так же эльфы уверены, что это шаманы гоблинов изуродовали лес и Мрачная роща возникла после применения гоблинами какого-то ужасного заклятия. Собственно, с чего и началась смертельная вражда…

Плавную речь Симаргла прервали характерный звук отпущенной тетивы и шелест оперенной стрелы…

Я, когда разомнусь хорошенько и войду в боевой режим, тоже не тормоз, но чтобы человек мог двигаться с такой скоростью, видеть не приходилось ни разу. Хотя о скорости я неверно упомянул. Не было никаких размытых в воздухе фигур, неуловимых взглядом движений. А просто Швед протянул руку и взял прямо из-под моего носа стрелу. Словно она на полочке лежала, а не летела в цель со скоростью, превышающей несколько десятков метров в секунду. Не знаю, как эльфийское оружие, а тисовые луки саксов за полусотню вытягивали легко и поражали врага с трехсот шагов. Вряд ли у длинноухих детей леса луки хуже, чем у островитян. А до ближайшего подходящего дерева доплюнуть можно.

— Что это было? — задал я изумительно умный вопрос.

— Стреляли… — Ответ Николая был на порядок удачнее.

Подтверждением тому стала вторая стрела, тупо стукнувшая Шведира в грудь и, без вредных последствий для организма

прапорщика, упавшая к его ногам.

— О, — удивился тот. — А почему я эту не увидел? Которая в тебя летела, как на картинке была, а эта — нет…

Я хотел было объяснить про угол зрения и перспективу, но меня опередил Симаргл.

— Ну вы тут развлекайтесь, а у меня дел, как вы говорите, выше крыши. Увидимся…

— Э-э! Какое «увидимся»? Делать нам что? Чем протечку конопатить?

— А то вы сами не знаете, — скороговоркой пробормотал тающий в воздухе силуэт, что словно сливался с деревом. — Око за око, зуб за зуб. Перекрыть путь злу можно только злом… Преграду из добра оно сметет мгновенно.

— Каким еще злом? — машинально уточнил я, еще толком и не осознав, куда свернул разговор.

— Я откуда знаю?.. Любимую предать, друга убить… — Голос стал едва слышен, словно доносилось издали эхо. — Не маленькие, сами разберетесь…

Глава шестая

Минута сменяла другую, а мы с Николаем, как два тополя на Плющихе, усиленно изображали дуэтом немую сцену из «Ревизора». Эльфы, кстати, тоже стрельбу прекратили, давая нам время прийти в себя, а заодно и опомниться… Спасибо им, конечно, за проявленную чуткость, вот только оба эти действия давались нам с великим трудом.

— Шо он там тявкнул напоследок? — первым вышел из ступора Швед.

— Что мы не маленькие.

— Не-а, раньше…

— Убить кого-то надо…

Что-то мне не хотелось вдаваться в подробности предстоящей операции.

— Ветер, листва шумит, не расслышал. Но, в общем, понятное дело, такой объект без охраны не оставят. Ай, не бери в голову. Духи — они и в Африке «духи». Мне больше интересно, почему эльфы обстрел прекратили?

Николай повертел пойманную стрелу, потом поднял с земли отскочившую от бронежилета и сосредоточенно поинтересовался:

— Анекдот хочешь?

Чтоб отвлечься самому, да и Шведира увести от ненужных мыслей, я хотел все. Надо же такую глупость несусветную сморозить: убить товарища! Да за подобное предложение… В общем, вовремя Симаргл слинял. Обошлось без лишних слов, высказанных в горячке и о которых впоследствии часто жалеешь. Но вонючий и горький осадок в душе возник и остался. Не только сплюнуть, блевать охота…

— Трави…

— Два индейца заблудились в лесу. Один и говорит: «Что делать будем, кричать или стрелять?» Второй отвечает: «Давай стрелять!». Выстрелили раз, второй, третий… Первый и говорит: «Давай кричать, однако. Стрелы заканчиваются».

— Смешно. Считаешь, эльфы тоже боеприпасы экономят?

— Экономят. Или — решили, что мы бронированные… А еще такой вариант: кто тебе сказал, что это именно эльфы? Надо бы баллистикам на экспертизу отдать… — Бывший прапорщик по-прежнему вертел в руках обе стрелы, а потом почти жалобно произнес: — Влад, я что-то совсем смысл происходящего потерял. Может, обсудим? Как раньше?..

Была в нашей группе такая традиция, заведенная Лешей Синицей, нашим взводным. Если что-то шло не так или

обстановка слишком резко менялась, а время позволяло, мы начинали разматывать цепь событий почти пошагово. Так сказать, от печки. Собственно, а почему нет? Коль нам с Мыколой предстоит изображать из себя прожектор перестройки в темном царстве, то прежде чем пройти точку невозвращения, можно и прикинуть кое-чего к собственному носу. А то оказалось, что в глубине Мрачной рощи не только толстые партизаны водятся. И вполне возможен вариант развития событий, при котором потом времени на раздумья и рефлексию может не хватить.

— Лады. Давай пожурчим. Только лучше сам спрашивай, чего тебе непонятно. А то я даже и не знаю, с которого места начинать.

— Предпочитаешь дружеской и непринужденной беседе допрос с пристрастием? — хмыкнул Николай.

— Опрос, Коля… — уточнил я. — Для устранения пробела в твоем образовании и коротания времени. Кстати, если стрельцы не станут возражать, разговаривать можно и продолжая движение. А то мы тут скоро почву до гранитного основания протопчем. Год трава расти не будет.

— И то верно, — кивнул Николай. — Тогда шагай вперед, Сусанин, коль для тебя тут — везде… И перескажи мне для начала еще раз, как ты сюда попал.

«Шел, упал, очнулся — гипс, закрытый перелом».

— Я же говорил. Из автобуса вылетел, затылком приложился, кажется, еще в нашем мире, а очнулся уже здесь.

— Не, я не о том…

Шведир шагал сзади, и, естественно, я не мог видеть его жестов, но, похоже, прапорщик раздраженно махнул рукой.

— Собакоголовый шустрик упомянул, что сразу захотел припахать тебя для ремонта вселенской общаги, но я так понял, к твоему появлению в этом мире он непричастен. Иначе зачем бы стал приглядываться да принюхиваться? Тогда вопрос: кто это проделал и с какой целью?

Шагать с мечом, самостоятельно устраняющим с пути все преграды, настолько удобно, что можно и подумать. Закрывать глаза, как рекомендуется поступать для более глубокого погружения в воспоминания, я не стал, обойдутся — лба жалко. С ветками и кустарниками мой «шворд» управляется достаточно ловко, но что он также ловко и своевременно отодвинет с моего пути столетнее дерево — очень сомнительно. Даже проверять не стану. Мало ли, вдруг сможет, но батарейку посадит? А то и вообще обмотка от напряжения потечет?

— Ну если по порядку, то началось все, как я теперь понимаю, Николай, с… той самой растяжки на тропе. Кто-то ловко тебя на мое место подставил. Но тут мы вряд ли крайних

найдем. Слишком много людей замешано. Да и вообще, тебе лучше знать: с какого рожна ты вперед всех поперся?

— Это я вспомню, — проворчал Николай. — Будь спок… Но сейчас о тебе разговор. Колись дальше.

— Да? Ну тогда перескочим госпиталь и дорогу домой, а двинемся сразу на автостанцию. Очень уж цыганка, которая отвлекла мое внимание при посадке в автобус, похожа на ту диву, что сопровождала твоего нанимателя.

— Ту самую?

— Да… Изумительно выдающаяся девушка, причем — в самом прямом смысле и всеми частями тела. Можно сказать, одушевленная мечта Ивана Ефремова, подробно описанная автором в «Лезвии бритвы». И пока я пялился на ее достижения в сфере дизайна и развития человеческих возможностей в плане бодибилдинга, тот самый злополучный автобус и подкатил. Не могу сказать, что меня в него силой впихнули, решение съездить на недельку в деревню я еще раньше принял, — но как-то все очень поспешно и нарочито вышло. И стаккато. Почти как у Блока… Грудь, распахнутая дверь, кивок шофера, сел, поехал…

— Согласен… — Шведир привычно вычленил из моего словоблудия рациональное зерно. — Девичий дубль, или совпадение, настораживает. Но не сходится. Меня нанимали, чтобы тебя в лес не пускать. А тебя, как я понимаю, — наоборот. Ну и зачем вообще комбинацию надо было затевать? Отправить сюда, чтобы потом думать, как помешать? Глупо… Проще предположить, что там… — Николай стопроцентно покосился на небо, — мода такая и других моделей в эскорте просто не держат.

«Девушки — типаж весна — лето третьего тысячелетия? Гм, а не так глупо, как на первый взгляд кажется. Была ж эпоха рубенсовских женщин, потом — мода на барышень бальзаковского возраста. Или наоборот? Неважно… И еще эти… вешалки длинноногие, при одном только взгляде на мощи которых у всякого нормального мужика рука так и тянулась… подать сиротке на пропитание».

— Да, логики в подобных действиях маловато… Тогда этот эпизод тоже опустим. Дальше был автобус со странными пассажирами. И мужик, который пригласил меня вступить в армию Света.

— Что, прям так и сказал?!

— Процитировать дословно я не могу. Стерлось… Но смысл был именно такой. Типа: присоединяйся, воин, а то нам — белым и пушистым тут реальные кранты.

— Забавно, — хмыкнул Швед. — Он хоть представился?

— Не помню. Я тогда больше на цыпочек, что с ним ехали,

поглядывал. Некоторые из них очень даже нерядовые были, — буркнул я и остановился, потому что едва не ткнулся лбом в кору. Дубу, что возник на пути, намедни явно за третью сотню перевалило. Не дерево, а стена. Фиг обойдешь…

— О, я вспомнил!..

Николай сегодня одна неожиданность. Не в плане внезапности, как понос, а — разносторонности.

— Что именно?

— Откуда мне знакомо имя Эммануил.

— Который Гидеонович? Так это из кинокомедии… «День радио» или «День выборов». Там сын Виторгана снимается, вот отца и вспоминает. Кстати, классный артист… Я о старшем.

— Эммануил — это детское имя Христа. Иисусом он стал после крещения…

— Ну да?

— Да ну… Точно тебе говорю. Теперь понял, кто у тебя в башке живет?

— Охренеть!..

— А я о чем?! И лучше не выражайся… Мало ли?

Тут я вспомнил все нюансы общения с духами и непроизвольно схватился за голову.

«Это правда? Ты — Он?»

«Владислав, вы только не волнуйтесь. Ну какая разница?.. Мы с вами уже который день вместе, и что? Я хоть раз помешал вам или встревал куда без разрешения и спросу?»

«Нет, но…»

«Я понимаю. Изъясняясь вашими аналогиями: присутствие командования на учениях напрягает. Факт, но о том, что Господь вездесущ и всеведущ, вам и родители рассказывали, когда запрещали таскать тайком конфеты и варенье. Так что же изменилось из-за того, что вы в конце концов убедились в их правоте? Живите как жили и ни о чем не беспокойтесь. В вашей душе и голове многое намешано, но — хороших мыслей там все-таки больше. И они вас правильным путем ведут. Я же и впредь обещаю вам не мешать. А захотите посоветоваться — милости прошу, заходите запросто, без церемоний. Только и вы не забывайте пословицу: „На Бога надейся, а сам не плошай“. Договорились?»

— А есть варианты? — пробормотал я вслух.

— Ты о чем? — Швед недоуменно уставился на меня. — Типа в армии без мата сложнее, чем без автомата?

Я нетерпеливо отмахнулся, прислушиваясь к голосу, звучащему в голове.

«Есть… Вы в любой момент можете потребовать, чтобы я

ушел. Но мне бы не хотелось…»

«Ага, это ж каким надо быть идиотом, чтобы сказать самому Богу: „Пошел вон!“ — подумал я параллельно. — Ой! Вы же слышите все мои мысли! Вот засада!»

«Влад. Очень вас прошу, успокойтесь и не вибрируйте. Не надо уподобляться сороконожке из басни. Сосредоточьтесь на делах насущных, и неприятное ощущение скоро забудется и пройдет. И, кстати, ваши мысли Он и раньше слышал. Это теперь я их заглушаю немного, чтоб не отвлекаться. И вообще, очнитесь! Товарищ ваш вон волнуется уже. Нельзя так из реальности выпадать».

— Влад! На тебя шо, столбняк напал? — ощутимо ткнул меня в бок Швед. — Эй, боец! Очнись!

* * *

— Хорош трясти, я же не груша.

— А ты не зависай на полуслове. Блин горелый! Тут и так все стремно до упора, еще и ты замер, как истукан. И в глазах пустота, будто на кладбище в полночь… Зову, зову, а он ни ухом, ни рылом…

— Извини, Коля. Это я с Эммануилом потолковать решил. Так сказать, не откладывая до официального созыва.

— И чего он?

— В отказ не пошел и от божественного происхождения не открещивается…

Я потер указательным пальцем кончик носа. Слышал где-то, что у человека там много нервных окончаний, массаж которых способствует усиленному мышлению. Может, байка, а может, и нет. Иначе откуда бы взялась такая распространенная привычка? Вторая после чесания затылка.

— Но причастность свою к происходящим событиям отрицает. Типа, парни, зуб даю, я тут ни при чем, просто проходил мимо и остановился поглядеть. Беспредела не допущу, но и по мелочам прошу не беспокоить. В общем, посоветовал решать свои проблемы без оглядки на силы вышестоящие…

— Хороший совет. А то если наши рассказы вместе сложить, то между высшими сущностями и не протолкнуться.

И тут меня осенило. Наверно, массирование носа помогло.

— А ведь он мне кое-какую мыслишку все же подкинул.

— Засвети?

— Это — полигон…

— Не понял.

— Эммануил сказал, что начальство на учениях всегда напрягает. Вот я и подумал: «А что если и тут так?». Соображаешь?

— Не очень.

— Мы с тобой оказались не в обычном мире, а на полигоне. Идут какие-то всемирные учения, вот и понаехали лампасники со штабами.

— Полигон — это интересная мысль. — Теперь и Швед почесал нос. — Знать бы только, что или кого тут испытывают?

— Да какая разница? Обычный расклад — темные силы против светлых, бело-синие против оранжевых. Во всяком случае, точно не блок НАТО. — Я даже усмехнулся такому предположению. — Но смысл игры прежний и неизменный: кто первый флаг захватит, тот и молодец.

— Хорошо бы. А то знаешь, как еще бывает?

— Ну?

— Баранки гну… — Прапорщик насупился. — Кто-то ядрен батон испытывает, а другие живую силу изображают. На предмет вычисления уверенной зоны поражения. Как тебе такой сценарий? Или считаешь, что статистов командование гуманно предупредило об опасности?

— Умеешь ты ободрить товарища. Увы, в такой махровый демократизм даже либералы не поверят. Один парад восемьдесят шестого года на Первомайские праздники в Киеве достаточно вспомнить. Когда радиоактивное облако, мать городов русских, как раз накрыло… Эх, глотнуть бы сейчас чего-нибудь. Тонизирующего…

— Чаю хочешь?

— Чаю?! — Я чуть лезгинку не станцевал. — У тебя есть чай?

— Ну да… Полная баклажка. А что, разве я о ней не упоминал, когда снарягу пересчитывал?

— Да какая разница… — заторопил я Шведа, почти вырывая у него из рук армейскую фляжку. — Вода, молоко, квас, мед и пиво — это здорово. Все натурпродукт и без ГМО. Но если бы ты знал, как по утрам хочется кофе. Ну или хотя бы «Чайковского» хлебнуть.

Я свинтил крышечку и с удовольствием, взахлеб стал глотать вожделенную жидкость, которая только в этих экстремальных условиях и могла сойти за чай. А так — классический одесский настой кипяченой дождевой воды на прелой индийской соломе.

— Ностальгия замучила, — с пониманием оценил мои действия Николай. — Чтобы эту бурду вот так же душевно употребляли, я только раз видел… Когда источник простреливался. А солнышко никого не щадило.

— Да, — оторвался я от баклажки и потряс ее возле уха, на предмет определения полноты. — Я ту засаду помню… Но тогда нас всего лишь жажда мучила, а сейчас — будто привет из дома получил. Жаль, надолго не сохранить, прокиснет.

— А помнишь, как ты наблюдателем за самолетами был? — поддался воспоминаниям Николай.

— Еще бы.

Николай вспомнил случай, произошедший на учениях. Я тогда подбивал клинья к одной вольнонаемной молодой бабенке из кухонной обслуги. То ли разведенке, то ли попросту — морально неудовлетворенной жизнью. Собственно, да какая разница парню в девятнадцать лет? А она с целью подогреть солдатские чувства и для нейтрализации воздействия бром-компота регулярно снабжала меня самогоном. Раз в три-четыре дня передавая за ужином полную баклагу. Нам тогда, ввиду эпидемии дизентерии в округе, запретили пить сырую воду, а только «соломенный» чай. Поэтому баклага у пояса никого не напрягала.

Учебную тревогу объявили сразу после ужина. В общем, все как всегда. Получили оружие, попрыгали, построились, погрузились, выехали, выгрузились, пробежались… Рутина. И вспомнить нечего, если б на привале ко мне не подошел комбат и не попросил хлебнуть чайку.

Я попытался съехать, объясняя, что чай вчерашний. Типа не поменял, хотел с утра свеженького. Но майор заднюю не врубил. Пришлось подать ему баклажку.

После первого глотка комбат замер, глядя на меня поверх емкости, как в прицел… Я аж вспотел. Секунды в минуты вытянулись. Потом майор хмыкнул и так присосался, что только забулькало. Думал, до донышка вылакает. Нет, оставил… И не только оставил, но и мне предложил глотнуть. А потом назначил наблюдателем за самолетами. Это когда все роты ползают и носятся в ОЗК и противогазах по пересеченной местности, а ты сидишь под деревом и примерно каждые пятнадцать минут орешь на весь полигон: «Воздух!». Главное не заснуть…

А утром, когда посылали машину в часть за завтраком, комбат отправил меня с кашеварами, шепнув, что если сегодня, да и завтра тоже, чай будет не хуже, то самолеты условного противника станут моей личной заботой до конца учений.

Такая вот история…

«Ну-ну… Сегодня на Патриарших прудах тоже будет интересная история…» — хихикнуло мое подсознание, намеренно приводя, не так чтоб очень к месту, но и не просто так, одну из самых опасных цитат всей современной литературы.

* * *

— Дохлятиной воняет, или мне кажется? — спустя пяток-другой минут неторопливого передвижения по прежнему азимуту спросил Швед.

— Да, что-то в лесу сдохло, это точно, — подтвердил я. — Аромат еще тот.

— Что-то… Аромат… — проворчал Николай. — Умеешь ты слова выбирать. Да тут целое стадо слонов… — Он неожиданно замолчал и какое-то время шел молча. Потом хмыкнул: — Вот засада…

— Где? — Я развернулся, готовясь к бою, быстрее, чем осознал, что тон не тот. И Швед, шагая сзади, не может заметить опасность раньше меня.

— Ты чего, Влад? Померещилось что-то?

— Не понял? Сам же сказал: «засада»! — возмутился я.

— А-а, не, это я о слонах…

— Каких еще слонах? — Непонятка возрастала.

— Влад, очнись… — помахал ладонью у меня перед лицом Николай. — Мы о чем только что говорили?

— И о чем же?

— О слонах, е-мое!.. — возмутился Шведир. — Я как раз хотел сказать, но не знал как… Понимаешь?

— Ни фига не понимаю! Что сказать? Объясни толком!

— Да как же я объясню, если не знаю, как сказать? Ведь о слонах не говорят: склеил ласты или отбросил копыта.

— Вот ты о чем. — До меня наконец-то дошел смысл проблемы Николая. — В этом случае слон втыкает бивни.

— Это как?

— Умирая, он падает на колени, опускает голову, и под ее тяжестью бивни втыкаются в почву. Так он и стоит, как памятник самому себе, пока трупоеды не подсуетятся.

— Красиво… — оценил мою байку Швед. — Хорошо иметь образованных родителей. Иной раз и сам за умного сойдешь. В лесу воняет так, словно тут целое стадо слонов свои бивни провтыкало.

— Повтыкало…

— Да какая разница. Воняет одинаково. Хотя мне кажется или стало еще острее? Даже в глазах щиплет.

Тошнотворный запах и в самом деле заметно усилился. Ощущение самое мерзопакостное. Кто имел дело с разлагающимися остатками плоти, те знают. А тем, кто только читал или слышал о подобном по телеку, и объяснять нет смысла — все равно не поймут. Деревья и те скрутили листву в трубочки,

словно в них завелись гусеницы листовертки, уменьшая площадь поглощения трупного смрада.

— Ну значит, мы на верном пути, и цель близка. Штамп, конечно, но как, по-твоему, должно пахнуть преддверие в Инферно? Шашлыками, водкой и сиренью? Сероводород, батенька. Зато понятно, почему эльфы за нами не увязались. У этих аристократов обоняние наверняка гораздо чувствительнее. Как и то, почему у них такая неприязнь к гоблинам. Вот что бы ты, к примеру, сделал с соседом, который выгрузил бы тебе машину навоза прямо на цветник перед крыльцом дома?

— Сначала морду набил, — не задумываясь, ответил Николай. — А потом… магарыч поставил. Навоз нынче в цене. Люди скотину держать не хотят, хлопотно. А без навоза на грядках ничего, кроме ГМО, не растет.

— О второй части твоего взаимодействия с хулиганом промолчим, хозяйственный ты наш, а первая — явно имеет хождение и здесь. Посчитав, что это именно гоблины в их любимом лесу нас… нагадили, эльфы и начали войну. И пока с подачи длинноухих все вокруг мутузили друг друга до полной и окончательной победы одного строя над другими струями, Инферно укрепляло свои позиции. Ну а нам с тобой, Швед, предстоит оказать братским народам гуманную помощь в ликвидации очага заражения.

— Медаль дадут?

— О чем ты, брат? Я от них и так уже пару деревень авансом получил! Запамятовал, что ли? Так что не бедствуем… Деревенька на прокорм — это понадежнее любого пенсиона будет.

— А чего ждем? — оживился от столь приятного напоминания о неотвратимости вознаграждения бывший прапорщик. — Особого приглашения? Противогазов все равно нет, подкрепления, как я понимаю, тоже не будет. О еде сейчас и подумать страшно… Вперед, Влад, за деревнями…

— «Ага, счас…», как ответил Кутузов Наполеону, когда француз кричал: «Выходи, подлый трус!». Осторожность, она хоть и не красит мужчину, зато позволяет сохранить популяцию…

— Нервничаешь?

Кто-кто, а Швед хорошо знал мои привычки. В частности, нервное словоблудие.

— Есть маленько… Кстати, ты обратил внимание, что чем ближе мы к объекту, так усиливается не только вонища, но и влажность?

— Если б она так не чавкала под ногами, может, и не заметил бы. Танки грязи не боятся. «Где бронепоезд не пройдет, не

пролетит стальная птица, солдат на пузе проползет и…» А что?

— Не нравится мне это…

Швед остановился и повернулся ко мне лицом. К этому времени лес ощутимо поредел. Видимо, деревьям тоже не слишком нравилась болотистая почва, местами на пару пальцев покрытая водой, а кустарникам и подавно. Поэтому теперь прапорщик шел впереди, сменив меня в должности первопроходца. Мотивируя свое пожелание тем, что сапер дважды не ошибается, а он лимит уже исчерпал.

— И чего? Опять привал? Командир думу думать будет?

— Нет, но все же странно!

— Что именно?

«Неправильный у тебя бутерброд, дядя Федор… — проснулось подсознание. — Потому что колбасой вверх».

— Видишь ли, Коля: Инферно — это по-нашему ад. А в аду положено грешникам в огне гореть да на сковородах жариться или — в крайнем случае — от ледяной стужи околевать.

— Влад, — проворчал Швед. — Я конечно не гаишник, мне медленно и два раза повторять не надо, но все же. Не выделывайся, а?

— Да я не выделываюсь, просто размышляю вслух. Другой тут температурный режим, неправильный. Вот что меня смущает… Понимаешь?

— Не очень.

— Ладно, пойдем другим путем.

«Пойдем вместе…»

— Ты на сталелитейном заводе был хоть раз?

— Не-а… У нас в деревне…

— Я понял. Но примерно как считаешь, что ты увидишь и услышишь, если попадешь туда. Хоть в разливочный, хоть в прокатный?

Николай думал недолго.

— Так я ж об этом и хотел сказать. На заводе не был, но в кузнице работал. Душно там от металла разогретого и грохот станков. Окалиной воняет, наверно…

— В точку. А что бы ты подумал, если бы тебя на входе встретила прохлада и тишина? Удивился бы?

— Тому, что производство остановлено? — сходу врубился в намек Швед. — Это вряд ли. Кризис, мать его…

— О причинах пока промолчим, но суть ты верно ухватил. Поэтому усложним задачу. В цеху веет сыростью и пахнет свежей известкой?

— К первому мая готовятся?

— Или дню рождения хозяина… — продолжил я логическую

цепочку размышлений. — Но в любом случае не работают или, что тоже вполне возможно, производство перепрофилируется. Вот и сейчас меня это настораживает. С какого бодуна в аду развели такую сырость?

— Это еще не…

— Ладно, в предбаннике…

— Санитарная зона?

— Что-что? — Я только что не присвистнул от восторга. Вот так, Коля-Николай, сиди дома, не гуляй. Деревня… Молоток. Действительно, такой вариант многие, если вообще не все странности объяснял влет. — Думаешь, тут санпропускник? Помывка, прачечная?.. Типа осмотр новоприбывшего контингента грешников на предмет проноса заразы и вредных насекомых? Здорово! Никогда бы не сообразил. Вот что значит — хозяйственный подход к службе.

— А для нас с тобой это что-то меняет? — опять проявил рациональное мышление Швед.

— Еще как… Вот ты с кем предпочел бы встретиться: с ротой охраны ада или их банно-прачечным отрядом?

— Да я и тех, и других предпочел бы еще лет сто не видеть, — сплюнул и перекрестился Николай.

— А по существу вопроса?

— Думаешь, у них там все как у нас?

— Как сказал классик, друг Мыкола: ничто человеческое нигде и никому не чуждо. Тем более в аду. Вряд ли там служаки да передовики производства парятся. А с кем поведешься… ну дальше ты сам знаешь. И это значит: наши шансы выполнить задание и уцелеть — стремительно пошли вверх. Как цены на золото. Эх, веселится и ликует весь народ!

— Это неплохо, — кивнул Николай. — Только у меня дома говорят: не кажи гоп, пока не перескочил. А как перескочишь — погляди, во что вскочил…

Глава седьмая

— Слышишь, Влад. — Шведа посетила очередная мысль. — Если там банно-прачечный отряд, то ведь и девушки должны быть. А?

— Вполне… — согласился я со столь очевидным предположением. — Но только связываться с ними — чревато для целостности организма.

— Это как?

— Ну я с адскими девицами знаком только понаслышке, но судя по описаниям, тамошние дьяволицы, именуемые суккубами, вытягивают жизненную силу не хуже вампиров. А еще можно возлечь с такой красоткой — мужчиной, а покинуть ложе, если выживешь, евнухом.

— И опять я не понял.

— Ну они только с виду такие классные, а на самом деле имеют зубы даже в самых труднодоступных местах.

— Жуть… — Николай опять перекрестился. Похоже, бывший прапорщик стремительно переходил в разряд верующих. Что и не удивительно в процессе приближения к адским вратам…

Какое-то время мы продвигались дальше в полной тишине. Только грязь хлюпала все зловеще и громче. Лес уже остался позади, вчистую проиграв болоту битву за территорию.

— Влад! — Похоже, и Швед заразился недержанием речи. — Как ты думаешь, а та красотка тоже из зубастых?

— Которая с «ведущим» передком?

— Да.

Перед глазами, как по заказу, возникла шикарная панорама белоснежных холмов, и чтоб не ломать кайф ни себе, ни Коле, я пошел на сделку с совестью.

— Сомневаюсь. Все-таки рядом с раем абы кто шастать не будет. Патрульно-постовая служба там должна быть на уровне. Видел в церкви рисунок? Мужик только подумал о срамном, а ему ангел обе руки мечом и вжикнул… Кисти так и отлетели.

— Видел. — Аргумент явно убедил. — Это хорошо. Жаль, если такая дивчина… — Он вздохнул. — Вот ты скажи мне, Влад, чего они все так на деньги падки?

— Анекдот знаешь? Мужик стоит перед зеркалом и себя рассматривает. Маленький, пузатый, кривоногий, прыщавый, обрюзглый. Главный орган вообще едва виден. Оборачивается, а на кровати дремлет роскошная блондинка. Он недоуменно пожимает плечами и говорит: «Это ж надо так деньги любить».

— Вот-вот… — еще раз вздохнул тот. — Совсем сдурели

женщины.

— А тут ты не прав, Мыкола. С женщинами все нормально, сдурели — телки… Ну так им самой природой ума не дадено. Только и могут, что хвостом крутить… Стой!

Тысячи раз всем военнослужащим повторялось, что каждая буква боевого устава писана кровью солдат, а все равно его умышленно или ненароком нарушают везде и поголовно. Вот и мы заговорились. За что немедленно были наказаны…

За спиной у Шведа мой кругозор был довольно ограничен, а Коля чересчур замечтался. Купился на кажущееся безмятежным болото, которое еще и просматривалось во все стороны. Поэтому, не опасаясь засады, Николай шагнул прямиком в книгу Гиннесса. Открывая там страницу саперов, которые умудрились ошибиться дважды. Не знаю, что он задел или на что наступил, хотя — могли и сработать другие датчики охраняемого периметра, но тишина и спокойствие закончились мгновенно. Как тумблером щелкнули.

Водоворот видел каждый. Если не на море-океане, то в ванной или умывальнике уж точно. А нам с Мыколой «посчастливилось» узреть его на болоте. Причем воронка кружилась только в центре ровной и гладкой, как лед на катке, поверхности. А вслед за ней по нам ударила волна невыносимого животного ужаса, которая становилась все сильнее по мере того, как убыстрялось вращение «болото-ворота». Я буквально физически ощутил, как мои дрожащие колени начинают сгибаться в противоположном направлении, чтобы как можно быстрее убежать отсюда, не теряя драгоценные мгновения на разворачивание корпуса.

Судя по вытаращенным глазам и раззявленному рту, исторгавшему хрип, отчасти напоминающий обрывки мата, Шведир переживал не менее приятные ощущения.

«Вот и пришел пушистый северный трендец», — подумалось отвлеченно, когда вокруг адской воронки начало подниматься нечто.

Я даже не уверен, что подумал лично. Ибо наблюдал за явлением народу этого самого Трендеца с большой буквы с какой-то вялой отстраненностью. Видимо, ужас тоже имеет свой предел. Вернее, его максимум, пик — после которого возможна только остановка сердца или снижение напряжения.

«Держись, Воин, еще немного — и я вам помогу…»

«Это ты, Эммануил?» — поинтересовался я вяло. Одновременно прикидывая примерный вес и конечный облик Чудовища из бездны. В целом получалось нечто запредельное. Кашалот и прочие китообразные рядом пескарями покажутся.

«Да».

«А чего ждешь? Уже все собрались?»

«Похоже, Воин, ты и на смертном одре шутить будешь?»

«Привычка — вторая натура. Зачем себе в пустяках отказывать? И потом — чем это болото не тот самый одр? Как по мне, то все уже готово к приему бренных останков. Мы, конечно, еще покувыркаемся, но, судя по всему, под нашими со Шведом котлами в аду уже разжигают огонь. Но ты, по обыкновению, на заданный вопрос так и не ответил…»

«Нельзя сразу. Воин должен сам семью шесть ударов сердца противостоять врагу…»

«Глупые правила. Явно написанные тысячелетия тому взад. В современном общевойсковом бою сорок две секунды не всякий танк продержится».

«Так и ты теперь в другом мире, — а потому не суди сгоряча. Еще совсем чуть-чуть осталось. Считай до десяти…»

«Десять, девять…» — начал я послушно обратный отсчет, с долей разочарования глядя на монстра, к тому времени уже окончательно выбравшегося на поверхность.

Вполне возможно, что всякого нормального героя, жившего в доголливудскую эпоху, от вида этой жути хватил бы Кондратий, но после американских блокбастеров и разных компьютерных игр на фэнтезийную тематику этот привратник ада совсем не впечатлял. М-да, видимо, тамошний комитет по финансам сильно урезал режиссеру-постановщику бюджет картины…

И тут меня отпустило. Наверное, сработала защита Эммануила. Ужас не то чтобы ушел, но стал вполне терпимым. Как мандраж перед боем. Причем страх покинул нас обоих.

— Что это было, Влад? — отер ладонью взопревшее лицо Швед.

— А я доктор? Инфразвук, наверно…

— Жуть… Чуть сердце не лопнуло. Надеюсь, это не повторится?

— Не должно. Эммануил щит поставил.

— Угу… — Николай принял мое уведомление как должное. — А с этим выползнем что делать будем?

Кстати, родственник кракена не предпринимал никаких агрессивных действий. Колыхался эдакой желеобразной массой на уровне крыши двухэтажного дома, шевелил бахромой коротких отростков примерно там, где ребенок нарисовал бы ему рот, а в нашу сторону направил всего лишь четыре щупальца-разведчика. Они со скоростью бредущего попасом стада то исчезали в болотной жиже, то возникали опять, уже чуть ближе, в момент своего появления сильно напоминая наполовину

вкопанные вокруг тренировочной площадки автомобильные шины. Только не выбеленные известкой, а по-прежнему угольно-черные, как с конвейера.

— Может, все-таки делаем ноги? С его-то скоростью передвижения. Отойдем на безопасное расстояние и еще разок подумаем: с которого боку к этому пудингу подступиться?

Откатом от схлынувшего ужаса стала легкая эйфория. Судя по манере изложения мыслей, хорошенько торкнувшая и Николая.

— Не факт, что оно не может двигаться быстрее, — возразил я. — Просто не торопится никуда. Наверняка привыкло, что его жертвы в бессознательном состоянии валяются.

— Или так скручены ужасом, что ничего не соображают, — кивнул Швед. — Вполне. Значит, пока мы не двигаемся, оно тоже атаковать не будет. А если медленно? Нам бы хоть какое укрытие. Можно было бы попробовать пугнуть его гранатой. Я бросаю далеко, ты знаешь, но всякое случается. Возьмет и отобьет гостинец к нам обратно, как теннисный мячик. Или ты призовешь еще кого-то на помощь?

«Призовешь… Бросаю…»

Я зажмурился и попытался сосредоточиться, чувствуя, что в этих двух словах скрыт более важный смысл.

«Призовешь… бросишь…»

Я вертел их, словно два последние фрагмента пазла, которые никак не удается совместить с общей картинкой. Но именно они смогут придать ей завершенность и смысл.

— Эх, огнемет бы сюда… — с ностальгической ноткой пробормотал Швед. — Мигом бы отбили охоту щупальца тянуть куда не следует.

«Огнемет? Ну конечно же, огнемет!»

Картинка не складывалась, потому что ей не хватало трех фрагментов! Зато теперь мне все стало предельно ясно. Операция предстояла не из разряда «взять с полки пирожок», но вполне осуществимая. И даже результативная.

* * *

Я еще раз осмотрел поле предстоящего сражения. Так сказать, борни и рати.

«Сдавайтесь, русские, нас орда!» — «А нас — рать!»

Ну «на» или не «на» — это еще поглядеть, но что лапки вверх поднимать не собираемся, это точно.

— Швед, ты сможешь добросить отсюда гранату? На глазок

до туши метров сорок будет. А мне надо не только добросить, но и попасть. В самое рыло…

— Попасть-то я попаду. Даже не сомневайся, — уверенно ответил Николай. — Как я понял, к моим умениям и возможностям еще часть силы Твердилыча прибавилась. А он, судя по воспоминаниям, паренек крепкий был. И меткий… Так что — и доброшу, и попаду. Но толку с этого? Я же и сам сразу предложил. Ранить мы его больно сможем, но убить?..

— Смотря что в корзину забросить… — ухмыльнулся я, вытаскивая из пояса перстень Симаргла. — Знаешь, что это?

Швед только хмыкнул. В принципе глупый вопрос, если по форме.

— Это кольцо призыва… — И видя, что выражение лица Николая не изменилось, продолжил объяснять, упуская исторические ссылки: — Короче, я надеваю его на палец, и оно активируется. То есть призывает огненного пса. Одно из обличий знакомого тебе Симаргла.

— Он такой крутой? Судя по тому, как этот комендант всемирной общаги свалил, когда эльфы стрелять начали, я бы на это не стал спорить.

— Дослушай, — прервал я нетерпеливо его болтовню. Хоть щупальцам оставалось ползти еще изрядно, но все равно счет уже шел на минуты. — Как только я активирую кольцо, мы примотаем его к гранате, и ты вбросишь этот подарок монстру в глотку. Как считаешь, каракатице сильно понравится, если внутри нее материализуется огненное создание?

— Думаю, что не очень… Ты уверен, что…

— Николай, я не страховая компания. Может, не сработает, а может — ты не добросишь? У тебя есть идея лучше? Излагай…

— А граната зачем? Для надежности? Или чтоб место внутри сделать?

— Для весу. Одно колечко ты так точно и далеко не метнешь… А камней, как ты видишь сам, вокруг нет. Или ты парочку булыжников при себе носишь?

— Угу, — кивнул Швед. — Не, булыжников не ношу, зато имеется кое-что другое.

Он пошарил в вещмешке и вытащил оттуда небольшую пластмассовую коробочку, в каких продавали зубной порошок.

Порой мне казалось, что вещмешок Шведира имеет свойство волшебной котомки — бездонный и невесомый.

— Что это?

— Канифоль, припой…

— И зачем он тебе?

— Так в том и вся суть, что теперь уже незачем. Думаю, в

ближайшее время паяльник я вряд ли найду куда включить. Зато весит коробочка — грамм триста. Не граната, но и не колечко. Доброшу. А главное — вся процедура активизации с нею проще и быстрее. Я открываю коробочку, ты включаешь перстень, кладешь его сюда. Я закрываю и бросаю. Секундное дело.

— Отлично!

Если честно, то больше всего я опасался, что Симаргл заявится раньше, чем мы примотаем кольцо к гранате. А его самого нам добросить никак не удастся. Даже если б рекомый Переплут вдруг согласился на это… Впрочем, раздумывать времени все равно больше не оставалось — щупальца готовились преодолеть последние метры.

Утверждают, что Бог приглядывает за дураками и пьяницами. Не знаю, кто из нас, а может, и оба сразу соответствовали этим критериям — но Николай попал. Точнехонько в ротовое отверстие осьминожке-переросткy. А потом мы дружно развернулись и кинулись наутек. Как раз вовремя. Потому что уже в следующий миг хоть и болотистая, но вполне устойчивая почва стала походить на взбесившийся батут.

С десяток шагов мне еще как-то удавалось сохранять равновесие, но потом амплитуды не совпали, и я улетел вперед, подброшенный, как резиновый мячик. Прямо в объятия не совсем вовремя возникшего на моем пути дерева. Хотя если выбирать между шишкой на лбу и купанием в болотной жиже, то еще неизвестно, что лучше. Помнится, у Пирса Энтони был роман «Заклятие хамелеона», где главному герою судьба помогала избегать больших проблем, создавая в виде помех проблемы не столь катастрофические. К примеру, чтоб его не убил свалившийся на голову кирпич при выходе из дома, судьба делала так, что бедняга ломал ногу в прихожей, из дома, естественно, уже не выходил — и кирпич пролетал мимо…

Чуток опомнившись от взаимодействия коры ствола и моего лба, я разомкнул объятия, позволив закону гравитации стащить меня вниз. Рядом, с кряхтеньем, сопением и прочими звуками, присущими несвоевременно разбуженному медведю, вылезал из кустов Николай. Отличаясь от хозяина тайги только неизменным вещмешком, ну и еще — обширным изложением непечатных мыслей по поводу размножения кракена. Видимо, в горячке Швед позабыл, что тот никак не может проделать всех предложенных ему прапорщиком манипуляций в силу того, что не принадлежит к млекопитающим, а зачислен учеными в разряд головоногих моллюсков…

Пардон, был зачислен. На всем обозримом пространстве ничего, напоминающего адское чудище, не наблюдалось. То есть

— совсем ничего. Даже болото успело испариться. Превратившись в ровную поляну, укрытую растрескавшимся илом, словно мозаикой из тротуарной плитки.

— Получилось?

Давно подмечено, что люди в экстремальных условиях часто говорят раньше, чем начинают думать. А вроде бы считается, что скорость звука гораздо ниже скорости мысли? Ну и получают в ответ не менее продуманный и столь же интеллектуальный текст.

— Что?

* * *

Вопрос-то и в самом деле очень сурьезный!.. Никто же не знает, что именно произошло и каких последствий следует ожидать. К примеру, как воспримет Симаргл наше, прямо скажем, совершенно хамское использование перстня призыва буквально? То есть вместе с ним самим. А ведь он, хоть и не самый важный, но все-таки бог. Вернее, трикстер… Ну да нам этот хрен на редьку не менять. Если захочет отомстить, не отбрешемся…

— Сам как считаешь?

— Ну, — Шведир задумался, — если по церковным канонам, то полагается осквернённое место окропить свяченой водой и обойти по периметру с хоругвями и молитвами.

— Ну это мы и обсуждать не будем. Из всех жидкостей у нас с тобой только чай… — Я поднял палец. — Кстати, дай хлебнуть. А о второй даже упоминать не буду, чтоб не кощунствовать.

— Это да, — протянул мне флягу Николай. — Хотя как раз в этом случае мы можем легко пометить некоторую территорию. Лично меня после столь неприятного знакомства с представителями враждебных потусторонних миров и без чаевничания поджимает.

— Солидарен. Я бы даже сказал: поддерживаю, в том числе и по большому счету… Но, кроме шуток, над завершением процедуры изгнания каким-то маловнятным ритуалом — надо подумать.

— Зачем?

— Да потому что шум мы подняли серьезный. И скоро тут будет кому на нас поглядеть. И не только из праздного любопытства. Чувствуешь, как воздух посвежел?

— Ожидаешь эльфов?

— А почему нет? — пожал я плечами. — Самое милое дело устранить киллера после работы. С гоблинами я подсуетился, не рыпнутся. А длинноухим что мешает прибрать нас и сказать, шо

так и было? Тихонько вернув себе обратно бесхозные земли. Так что хоть мы с тобой и самозванцы, но обставить надо все настолько впечатляюще, чтобы ни одна сволочь и вякнуть не посмела супротив двух колдунов столь немыслимой крутизны. Доступно?

— А то… — кивнул Швед. — У тебя есть план?

— У нас есть план, мистер Фикс? — усмехнулся я невольно, вспомнив мультик. — Да, у нас их есть. Аж две, и обе с голубыми глазами.

— Сейчас не очень… — свел брови Швед. — Какими еще глазами?

— Это я старый анекдотец вспомнил. Спорят мужики, у кого жена толще. Один говорит: «Моя супруга даже на двух стульях не усядется». Второй: «Мы две кровати сдвигаем, и то мне прилечь негде». «А у моей жены голубые глаза», — заявляет третий. «И при чем тут глаза?» — удивляются товарищи. «Потому что все остальное — задница…».

— Смешно, — хохотнул Швед. — На ценителя… Только связи с нами не увидел. Которая из наших достаточно широкая, чтоб прикрыть остальных?

— Объясняю тем, кто в танке. Будет нам с тобой именно все остальное, если не применим для убедительности зрителей спецэффекты. В простонародье именуемые «синеглазками». Чтоб у эльфов от восхищенного изумления собственные глаза на лоб полезли…

— Сурово, — полез в вещмешок Николай. — Но мне нравится. Жаль что ни «черемухи», ни «сирени» нет. Это их впечатлило бы куда больше… — И душевно замурлыкал: — Еще косою острою в лугах трава не скошена, еще не вся черемуха к тебе в окошко брошена. Встречай меня, хорошая, встречай меня, красивая. Заря моя вечерняя, любовь неугасимая…

Потом Швед вздохнул. Видимо, песенка напомнила не только о спецсредствах.

— На, садист доморощенный. ОМОН по тебе сохнет. Держи… — протянул мне две шашки.

— Ты же говорил.

— Ну звыняйтэ,[6] куме, сбился при пересчете… С кем не бывает, — развел руками Швед, держа в каждом кулаке еще по картонному цилиндру, отдаленно напоминающему солидную хлопушку. — Принести «жалобную» книгу?

— М-да, наверно, я не слишком удивлюсь, если в следующий раз ты «шмеля» оттуда вытащишь. Жаль, что пришлось так с Симарглом обойтись. Уж коль он между мирами шастает, мог и прихватить нам из вещей чего важного. Из нашего времени…

Мешок кофейных зерен хотя бы, если окажется, что контрабандой оружия ему вера заниматься запрещает…

— Мы же не нарочно… — начал было Швед, но тут же поправился: — Вернее, нарочно, но других вариантов все равно не было. Я тебя прошу, Влад, не парься. Придет время — извинимся со всем уважением. Нарочно или нет — а псеглавец нам жизнь спас реально. Так что магарыч по-любому придется ставить. Я так думаю… А дальше — будем поглядеть. Когда шаманить начнем? А то у меня что-то уже зуд между лопаток возник. Примета верная…

— Тогда запевай и двигай по периметру. Шашки зажигай примерно по сторонам света. Первую положи вон там, где у нас как бы юг. Вторую — на западе. Я свои две заброшу на восток и на север.

— А петь-то чего?

— Да без разницы. Главное громко и жизнеутверждающе…

— Понял, — кивнул Николай и грянул мне в спину на всю силу легких: — Я люблю тебя, жизнь, что само по себе и не ново. Я люблю тебя, жизнь, я люблю тебя снова и снова…

«Интересно, а что он запоет на другое ключевое слово?»

Поскольку мне нужен был более бодрый темп, дуга досталась длиннее — я заорал другой текст:

— Помнишь мезозойскую культуру? У костра сидели мы с тобой. И ты мою разодранную шкуру, дорогая, зашивала каменной иглой!..

— Первая! — доложил Швед. — Газы!

Да хоть «Шанель», все равно ни противогазов, ни ОЗК у нас нет. Вся надежда только на безветрие и эффект притяжения. Эмпирическим путем установлено, что если воздух неподвижен, дым всегда тянется к чему-то громоздкому. В нашем случае это был лес с затаившимися в нем как минимум наблюдателями. О максимуме думать не хотелось, аппетит пропадал…

— Вторая! — крикнул в ответ, зажигая свою шашку. И как только она зашипела, аккуратно бросил ее к кромке бывшего болота, а сам потрусил дальше.

— Помнишь питекантропа-соседа? Как тебя он от меня сманил тем, что ежедневно для обеда кости динозавра приносил.

— Вторая! Что дальше, Влад?

— Давай в центр площадки.

— Не накроет?

— Бог не выдаст, свинья не съест.

— Обнадеживает… — не так чтобы громко, но достаточно, чтоб я разобрал, проворчал Николай и тут же продолжил: — Надежда — мой компас земной, а удача — награда за смелость. А

песни довольно одной, чтоб только о доме в ней пелось.

— А чего, вот и попробуй. Встань в середке, накрой голову ладонью и скажи: «Чур, я в домике». Вторая…

Сизая пелена неторопливо отрезала нас от внешнего мира, очень медленно, но все-таки сужая кольцо. Даже в носу засвербело. Самовнушение конечно, но кто хоть раз нюхнул этого букета, яркость ощущений запомнит надолго.

— Ну и?

— Не знаю, Коля… Пострелять разве для эффекта? Веришь, совсем ничего в голову не приходит. Не привык без техпомощи обходиться. Шумнуть бы, да нечем? Кричать — без толку. Дуэт не хор.

— А СХТ годится?

— Сигнальная ракета? — Я даже онемел на какое-то время, мысленно обещая: как только спадет напряжение, произвести самый тщательный досмотр личных вещей Шведа. На предмет раскулачивания и национализации заныканного имущества.

— Ну если нет светозвуковой гранаты, — как бы с оттенком разочарования протянул я, — тогда запускай. Сколько у тебя их? Две, три? Или, может, «заря» тоже за шов закатилась?

— Не, «зари» нема… СХТ, и то только одна… — извинительно произнес Швед, запуская руку в свой баул. — Я же не знал. Думал…

Что он думал, я не дослушал, потому как визжание взмывающей сигнальной ракеты химической тревоги резануло по ушам со всей присущей ей безжалостностью. Чтобы до каждого дошло и проняло: шутки закончились, рядом смертельный враг. Невидимый и беспощадный! И кто не заховался…

— Глянь, Николай, у нас еще и совесть чиста перед историей. Хоть на полиграф сажай. Мы всех предупредили о химической опасности, а кто не внял, тому и водить.

— Ага, — кивнул тот и продолжил акапельно: — Пришел туман, постучал в дома, шалью синею обнял сад. Так уж было раз в предрассветный час, было несколько лет назад…

Судя по звукам, донесшимся к нам из-за тумана, причем со всех сторон, устроенные нашими усилиями объятия эльфам, или кто там притаился, совсем не понравились. Я бы даже сказал, совершенно не пришлись по вкусу. А что вы хотите — хлорпикрин, однако. Как говорится в загадке о луке? «Кто меня раздевает, тот слезы проливает». Самые искренние и горючие. А заодно чихает, сморкается, кашляет и отплевывается… Минут надцать… Это если хватило ума или опыта не тереть глаза. Иначе — мама не горюй.

Только что-то я сильно сомневаюсь, что у наших незваных

зрителей имеются хоть какие-то навыки в подгонке противогазов. Так что удовольствия получат полные штаны и тоги…

Глава восьмая

Статный господин в белом летнем костюме вышел из стены слезоточивого тумана, словно бесплотный призрак. А чем еще можно объяснить его индифферентную реакцию на душещипательный аромат «синеглазки»? Кстати, знакомая личность. Вот и славно, а то я, честно говоря, порой склонялся к мысли, что никакого автобуса и последовавшей за этим аварии не было, а все вокруг — плод моего воображения. Или бреда. А сам я все еще пребываю в госпитале. Правда, почему эта картинка тоже не могла быть бредом, я бы затруднился объяснить. Может, потому что слишком все нарочито, алогично?

Господин, как две капли воды похожий на автобусного мастера Фрэвардина, постоял немного на грани реальности и фантазии, а потом неодобрительно хмыкнул:

— Развлекаетесь? А чего так скучно? Без огонька…

И, не дожидаясь ответа, зашагал к нам. Шел он, кстати, тоже довольно примечательно. Словно за один шаг преодолевал расстояние в пару метров. Где-то я уже о таком способе передвижения читал.

— Вот, держите. Так сказать, от нашего стола — вашему достархану…

Он сунул руку себе за спину, а обратно вернул ее с довеском. В виде коробки с китайскими шутихами. Посмотрел на меня, потом на Шведира и, наверно, решил, что тот заслуживает больше доверия. Потому что протянул пиротехнику ему. При этом коробка с петардами стремительно увеличилась в размерах, и в руки Николая уже ткнулся впечатляющий габаритами ящик. Не ожидая подобного сюрприза, Швед только и успел, что чуток замедлить его падение и ногу убрать. Оно хоть в основном картон да порох, но и тонна пуха остается тонной. А если еще и уплотнить…

— Что ж вы так неловко, уважаемый… — укорил его Фрэвардин.

— Ты за мной? — хмуро спросил Швед, даже не делая попытки поднять фейерверки.

— В каком смысле? — вполне натурально удивился наш гость. — Если мне не изменяет память, то мы с вами видимся впервые. А вот к вашему товарищу, не скрою, кое-какой разговор имеется.

— Что значит впервые? — не отступился Николай. — Разве не ты меня сюда отправил? Чтобы помешать Владу дойти до этого места и тем самым помешать заткнуть пробоину в ад?..

— Помешать? — Фрэвардин очень натурально вздел брови. — Напротив, милейший. Я уже дождаться не мог, пока Владислав прекратит развлекаться с девицами и воевать с безобидными гоблинами и займется делом. Думаете, так просто свести в соприкосновение сферы различных миров. А потом перенести еще живого индивидуума из одного континуума в другой, да так, чтоб не порвались тонкие материи…

— Да что ты нам тут о материях втираешь!.. — взорвался Швед. — Думаешь, я совсем ослеп от прелестей твоей спутницы? Ничего подобного. Я и тебя срисовал.

— Минуточку… — Фрэвардин поднял руку. — Не надо оскорблений. В таком ключе мы с вами черт знает до чего договоримся. Ну-ка, позвольте руку… — Его жест больше походил на попытку доктора прощупать пульс, нежели на предложение рукопожатия. — Ага… — пробормотал он секунду спустя. — Кажется, я понимаю. Позвольте в глаза заглянуть… Ну конечно же! А вот это непорядок… Эй, заблудшая душа, не желаешь обратно?

Фрэвардин помолчал немного, видимо, выслушивал ответ, потом кивнул.

— Тебя, легионер, никто не винит, но порядок нарушать нельзя. Чуток развеялся — и давай обратно в Чертоги. Кстати, советую молчать обо всем, что видел. Во-первых — не поверят. А во-вторых — зачем души героев зря будоражить. Договорились? Вот и славно. А тебе, Николай Васильевич, я так скажу: смешно обвинять бога в том, что на него кто-то похож…

Одновременно с этими словами Фрэвардин исчез, а его место заняла точная копия красавицы цыганки… в обнаженном виде.

Я обалдело помотал головой, закрыл глаза, открыл… но вместо невообразимой а ля натюрель красоты передо мной теперь было два Шведира.

— Примерно так… — хмыкнул Фрэвардин. — Или еще кого-нибудь изобразить?

— А почему девушка тоже…

— Это не ко мне. На все женские особи накладываются ваши мечты. Так что я и сам точно не знаю, кого вы узрели, но вернемся к делу. Не до красоток, право слово.

— Вообще-то кое-кто за собой полный автобус прелестниц возит… — не удержался я, чтоб не подколоть.

Но Фрэвардин сделал вид, что не понял тонкого намека, и продолжил как ни в чем не бывало.

— Надеюсь, инцидент исчерпан? Больше претензий нет?

Швед не отвечал. Он вообще как-то странно себя вел. Стоял, закрыв глаза, и все время наклонял голову в разные стороны.

Нагнет шею, замрет на секунду, словно прислушиваясь к чему-то, и опять, только под другим углом.

— Мыкола, ты чего? С тобой все в порядке?

— Так это… Твердилыч исчез…

— Он не исчез, как вы изволили выразиться, а вернулся туда, где и полагается быть всякой солидной душе после смерти, — чуть пафосно заметил Фрэвардин. — И займитесь же наконец салютами, Николай. Поверьте, зрителей в округе уже преизрядное количество собралось. А мы пока с Владиславом потолкуем…

— И о чем же?

— Неужто запамятовал о моем предложении? А я вполне серьезно тебя звал. Туго тут людям приходится. Сам видел, до чего дошло… Кстати, Владислав, а как тебе удалось вход в Инферно закрыть, да еще и запечатать его так ловко? Я к началу схватки не успел. Только когда уже все закончилось, ощутил возмущение потоков и поспешил сюда. Деяние, прямо скажу, божественного уровня. Причем не из самых низких. Откроешь секрет? Да и в ауре твоей кое-какие изменения заметны. Прежде ничего такого не было. Неужели, в самом деле, правы те, кто утверждает, что люди Земли — куколки Вершителей? А потому и наложен запрет на контакты с вашим миром на всех уровнях? Но ты так ничего и не ответил.

— Болгары шутят, что спорить с женщиной то же самое, что пытаться переговорить радио без выключателя. Теперь я прибавил бы к этим особам еще и богов…

— К женщинам или к радио? — не сразу понял намек Фрэвардин. — А-а, это идиома… Анекдот. Или ты имеешь в виду, что я слишком много болтаю и не даю тебе даже слово вставить? Так на то есть множество причин. Должен же я как-то объяснить все происходящее с тобой за последние дни? Прямо, искренне и без обид. С расчетом на наше дальнейшее и плодотворное сотрудничество. Или в этом уже нет надобности? Ты и сам все понял?

— Что я понял, а чего нет, это мое личное дело…

Борзеть и хамить при общении с богами вообще-то не рекомендуется, но меня, как говорится, понесло. И кто знает, что я мог еще высказать этому лощеному хлыщу, для которого облако хлорпикрина словно мгла на зорьке, но воевать при этом он посылает других, если бы не стартовала первая шутиха. С визгом, свистом, шипением. А вслед за первой ласточкой заухало, захлопало, жахнуло, бабахнуло… Короче, веселье пошло стаями и косяками.

Эффектно. Ничего не скажешь. Особенно если все оплачено и не лимитировано. Жаль, дневное небо не тот фон, контраста не

хватает, но за неимением гербовой бумаги пишут пальцем на песке…

* * *

— Я так понял, нам все же следует объясниться. — Фрэвардин шагнул ближе ко мне и распахнул над головой зонт. Тут же и заморосило. Приглушая звуки и сводя мой бунтарский порыв к минорности.

— Да ну вас. Все начальство одинаковое. Хоть земное, хоть божественное. Правды не дождешься. В лучшем случае, глаза под лоб с намеком на вышестоящее руководство и таинственное хмыканье: «Ну ты же понимаешь».

— Ничего странного, — согласился Фрэвардин. — Разный уровень информированности. И пока объяснишь исполнителю все нюансы, уже и предпринимать что-то поздно будет. Я знаю, ты анекдоты любишь, так вот послушай, кажется в тему. Третьеклассник спрашивает у отца: «Папа, а почему звезды с неба не падают?». А тот отвечает: «Ой, сына, это долго объяснять. Давай подождем до десятого класса, когда ты астрономию учить начнешь, вот тогда я тебе все за две минуты растолкую».

— Смешно. Только я не в третьем классе, а ты не мой отец.

— Уверен? — усмехнулся Фрэвардин. — Я не о родстве, а о предполагаемом уровне образования.

— У нас бьют не по образованию, а по морде, — перефразировал я известный анекдот.

— Ладно-ладно, не кипятись. Все дело в том, Влад, что этот мир не совсем настоящий. Понимаешь?

— Не-а, — честно помотал я головой. — Не понимаю…

— Чего именно?

— Определения «не совсем». Настоящий и ненастоящий — то есть вымышленный — я понимаю. А «не совсем» звучит как немножко беременная.

— Да ладно тебе, — поморщился Фрэвардин. — Не цепляйся к словам. Ваши ученые иной раз такое определение или название придумают, что хоть стой, хоть падай. И никого это особенно не волнует. Кроме их оппонентов. В данном случае я имел в виду, что здешний мир хоть и похож во всем на настоящий, на самом деле плод воображения. Но по закону больших чисел он вышел из области эфемерности.

Я отвесил челюсть и максимально вытаращил глаза, привлекая внимания Фрэвардина.

— Ну вот, а еще возмущался третьим классом. Дошкольное

воспитание у вас, батенька. Максимум! Когда один разум придумывает что-то, то на выходе получается объект с исчезающе малым значением вероятности его воплощения, но все же не нулевым. А если то же самое представят себе несколько тысяч? Миллионов? Миллиардов? Из года в год, поколение за поколением? Естественно, до уровня, созданного Творцом, этим поделкам не подняться никогда, но и зону эфемерности они покидают с полным на то основанием. Соображаешь?

— В общих чертах… Ты намекаешь, что данный мир не был создан в процессе божественного творения Вселенной, а является изделием некой очень большой группы единомышленников. Так?

— Совершенно верно. А если быть предельно точным, то мы с тобой имеем честь находиться в раю.

— Где?!

Теперь изображать ничего не пришлось. Челюсть отвисла, глаза вскарабкались к бровям. Одновременно я непроизвольно попытался осмотреться. Не, ну надо же! Как, оказывается, дурят нашего брата!

«Внутре у срендивекового рыцаря наши опилки!»

— А где ангелы с арфами? Кущи? Сонмы праведников, распевающих псалмы? И как ее… эта самая — благодать?..

— Ты сейчас о чем? — Фрэвардин, видимо, попытался спародировать мою мимику, но не так качественно. Чтоб научиться придавать лицу очумелое выражение, надо хотя бы срочную отслужить. Или на «скорой помощи» поработать. — А-а-а, понял. У тебя же мысли столь маневренны, как трамвай. И слово рай вызывает одну-единственную и устойчивую ассоциацию. Кстати, что только подтверждает мое объяснение о создании вымышленных миров. Ни ты сам, ни твои родители во Христа давно уже не верите по-настоящему. А догмы христианства все равно приемлете. Да, мы находимся в раю. Только не иудейско-христианском Царствии Небесном, а том месте, куда после смерти попадают праведные, по их, разумеется, меркам, души гоблинов…

— Ты хочешь сказать, что все это безобразие, — я сделал широкий круговой жест, — рай? Пусть и в гоблиновской озвучке…

— Почему безобразие? — вроде как обиделся Фрэвардин. — Просто у каждого свое представление о загробной жизни. Тебя же не удивляет, что Валгалла или Края вечной охоты ничем не походят на Эдем или другие парадизы и ирии? Вот и гоблины, в меру своей фантазии, придумали себе мир, где они доминирующая раса. И пока Инферно сюда не пробило туннель, все как раз согласно их представлениям и происходило. Люди

добровольно-принудительно платят им дань, а все прочие расы по-добрососедски инертны или дружественны.

— Ладно, бог с ними, — махнул я рукой. — А ты тут с какого боку? И убери свой дурацкий зонт, дождь давно закончился.

— Зонт? — переспросил Фрэвардин. Потом схлопнул его, ловко подбросил вверх, запрокинул голову и открыл рот. Но, видимо, решил, что шпагоглотательные фокусы не к лицу персоне его уровня, потому как в последний момент подхватил зонт и демонстративно небрежно сунул его в нагрудный карман пиджака. Целиком…

— А дальше? — подбодрил я явно пытающегося увильнуть от ответа собеседника.

— Дальше… — Фрэвардин хмыкнул. — Ну, в общем, они в меня веруют…

— Что делают? — глупо переспросил я, но слишком уж неожиданным был ответ. И не то чтобы нелогичный, а все же из разряда нелепиц. Ну, к примеру, как увидеть генерала, подметающего плац. Ничего сверхъестественного, но почему-то возникает желание позвонить по «03». Хоть ему в помощь, хоть себе…

— Обидеть хочешь, да? — помрачнел Фрэвардин. — Типа я рылом не вышел, да? У вас самих там, на Земле, в кого только не верили. Вспомни хотя бы из последних? Мао Цзэдун, Ким Чен Ир, Ленин… Притом что они самые обычные люди, а я все-таки бог. Настоящий!

— Извини, если не так выразился, но я совсем другое имел в виду, — поспешил я его успокоить. А то читали, знаем… Еще из античных времен. Спасибо старику Гомеру, просветил потомков о капризной натуре олимпийцев. Хуже прыщавых барышень. И обидчивы, и злопамятны. Оно нам надо сейчас?

— Просто я всегда помнил, что Бог сотворил людей по образу своему. И еще — только не обижайся — как гласит народная мудрость: «Каков поп, таков и приход». А в данном случае ни ты на них, ни они на тебя — ну ни капельки не похожи.

Еще и договорить до конца не успел, как уже и сам понял, какую несусветную глупость несу. Совсем отупел. И минуты не прошло, как на моих глазах Николаю наглядно были продемонстрированы мимикрические возможности божественных индивидуумов. Хотел было сыграть обратно, но Фрэвардин не дал мне времени и с удовольствием подхватил пас.

— Ах вот в чем дело! Непохожие мы, значит? — с усмешкой повторил он. — А если вот так?

Я и моргнуть не успел, как узрел перед собой ухмыляющегося во все тридцать с чем-то там клыка Гырдрыма.

— Ну ежели так, тогда да, тогда конечно… и даже, скорее всего… — заблеял я, невольно цитируя Гарри Непоседу из советского «Зверобоя». — Только ты это… давай, верни все взад. Чтоб как было. А то мне как-то…

— Некомфортно? — кивнул с пониманием Фрэвардин, произведя мгновенную смену масок. — Для этого, собственно, и преображаюсь. Мелочь, а общению способствует. Имя, кстати, чтоб снять все возможные вопросы окончательно — тоже заимствовано по общему принципу, так сказать. Настоящее тебе не выговорить… — После чего бог гоблинов произнес какой-то набор хрипящих, рычащих и взвывающих звуков.

— Факт…

* * *

Желая взять хоть минимальную паузу для обретения внутреннего равновесия, я вполоборота развернулся к Шведу. Чтобы увидеть его реакцию. Но Николай так увлекся салютами, словно именно здесь и сейчас сбылась его самая заветная мечта. Та, которая взлелеяна с самого детства. Даже Козьма Прутков, поглядев на прапорщика, перефразировал бы свою мысль, присовокупив Шведира к «пище, старому другу и чесотке».

— Хорошо, с твоей заинтересованностью разобрались. А почему я? Человек? У гоблинов что, своих кандидатов в герои не хватает? Не поверю!.. Даже тот гхнол, с которым мне схлестнуться довелось, и то вполне решительно смотрелся. И от бессмертного подвига не отказался бы.

— Нельзя живому в рай.

— Не понял тебя? — Что-то я в последнее все время постоянно чью-то роль перехватываю. От волнения, наверно. Сейчас вот прямо как Николай заговорил. — Это ты о чем?

Спросил, а у самого мурашки по коже. И как заезженная пластинка в голове: «Нельзя живому… нельзя живому». Неужели я тоже?!

— А разве непонятно? — обескураженный столь явной тревогой в моем голосе, сбился с пафоса и Фрэвардин. — У людей ведь тоже правом быть заживо вознесенным на небеса даже самые-самые праведные не удостаиваются. В ад — это пожалуйста. А вечное блаженство заслужить надо. Так что герой, не герой, а пока живой и здравствуешь — в рай нельзя. Ну а еще с одного мертвого — какая мне польза? Вот и приходится изворачиваться. Протаскивать с черного хода иные сущности. Ведь если ты адепт другой веры, то и место это для тебя

равнозначное. Вот в ваш, христианский рай я бы тебя ни под каким предлогом провести не смог.

— Так я еще жив? — уточнил с облегчением.

— А чего тебе сделается? — недоуменно пожал плечами бог гоблинов. — Или занемог часом? Так это от вашего дымка, наверно. Где только откопали такую пакость? Ну да ладно, победителей не судят… сразу. И я, вообще-то, не спорить, а поблагодарить пришел… Ну и награду, само собой, вручить.

— Орден «Сутулого»?

Теперь пришла очередь бога зависнуть на пару секунд, перебирая в памяти все известные ему человеческие награды. Но, похоже, не в тех анналах искал, потому как хмыкнул и кивнул неуверенно: — Можно и его, если считаешь, что достоин. Но у меня было несколько иное предложение.

— А почему ты только ко мне обращаешься? Нас тут двое было. И хоть идея, скромничать не буду, моя, но исполнение — Николая. Будь Шведир чуть менее меток, и все хорошие намерения так голой теорией и остались бы.

— Николай? — Фрэвардин перевел взгляд на спину Шведа. — Так он уже избрал свое вознаграждение. И ни тебе, ни мне его не отменить. Даже если бы мы были в силах это сделать. Цена уплачена. Помнишь, что Симаргл сказал? Победить зло можно только злом…

— Да мало ли, что он там болтал. Бросить девушку, убить друга… Бред. Никого предавать и тем более убивать я и не собирался. Как видишь, обошлось…

Я все еще горячо говорил, но выражение лица Фрэвардина мне нравилось все меньше.

— Ты хочешь сказать, что я…

— Я молчу.

— Но это же не так. Это неправда!

— Что именно? — Фрэвардин склонил голову к плечу, словно профессор, приготовившийся слушать ответ любимого ученика.

Мать честная! До меня начало доходить… Этот пес все знал заранее. А как иначе? Он ведь тоже полубог.

— У меня не было выбора!

— Выбор есть всегда. Можно гордо и достойно погибнуть, а можно — во имя собственного спасения и приобретения пары-тройки деревень пожертвовать другими…

— Что?!

— Ой, дяденька! Не бейте меня по губам, я на трубе играю! — Фрэвардин комично съежился, прикрывая голову руками, и заверещал так потешно, что у меня невольно разжались кулаки. — Успокоился? Можешь опять адекватно мыслить? Вот и

хорошо. Да, у тебя не было другого шанса решить проблему и уцелеть, но что это меняет для Симаргла? Кстати, а как ты догадался? — сменил он вектор разговора.

— О чем?

— О свойствах божественной сущности?

С моего лица можно было ваять натюр-морд «Кретинус обыкновенус».

— Неужели на одном везении выехал? — Он даже живот почесал. — Колоссально. Прими мое восхищение.

— Тебе поговорку Суворова процитировать или сам вспомнишь?

Хвала прогрессу и кино, психика у человека разлива третьего тысячелетия сродни ковкому чугуну. Прочная и гибкая… Осечка бывает, но чтоб враздрай или ступор — не дождетесь.

— Об уме и счастье? — принял подачу Фрэвардин. — А может, о полковнике и покойнике?

— Да хоть о черте лысом! Умеете вы зубы заговаривать! Николай! Ты-то чего молчишь?..

Я шагнул к Шведу и дернул его за плечо.

Он не сопротивлялся. Податливо развернулся и посмотрел на меня добрыми, понимающими и всепрощающими глазами огромного пса…

А потом подхватил меня под мышки.

— Тихо, тихо, Влад. Чего ты…

Голос принадлежал Николаю, и даже лицо его на мгновение показалось из-за собачьей морды.

— Все хорошо. Поверь…

— Но почему?

Симаргл напрягся и опять явил мне лицо Шведира.

— Видишь ли, Влад, вся наша эскапада была изначально обречена на провал, если бы у тебя не было этого кольца. Как ты думаешь, почему Фрэвардину понадобилась твоя помощь?

— Западло самому конюшни чистить?

— Не угадал. Ладно, не буду финтить… Дело не в тебе самом, единственном и неповторимом Потрясателе миров. Ты всего лишь удачно подвернулся под руку. Оказался в нужном месте и в нужное время. А в заявке было указано: «человек, одна штука». И чтоб не нырять в омут науки, объясню примерно так. Живые люди — это нейтроны, а все божественные сущности, в том числе и души мертвых — либо позитроны, либо электроны. И если встретятся — аннигиляция, коллапс пространства, свертывание времени и прочие неаппетитные штуки. Вот потому и нет хода Светлым особям в ад, а тамошним — в рай. А чистилище — нечто вроде циклофазотрона, где души

разделяются по заряду. Догоняешь?

Мой кивок был скорее защитной реакцией организма от переизбытка информации, чем осознанным подтверждением.

— Тогда ты можешь себе представить, что случилось бы с этим миром, если бы Фрэвардин попытался разобраться с пробоем Инферно самостоятельно? Да и с ним самим соответственно. Приблизиться к привратнику ада на расстояние контакта мог только нейтральный объект.

— Подожди, ты же сказал, что ни им туда, ни тем оттуда ходу нет. А как же тогда Каракатица выжила?

— Привратники и трикстеры вроде диполей. И оборачиваются наружу тем зарядом, который приемлем в данной среде. Иначе как бы они могли путешествовать между мирами? А приходится. Потоки силы пронзают всю Вселенную, от минуса до плюса. Так что, оставаясь по своей сущности частицей ада, привратник был одет в скафандр из частиц порядка. Понимаешь?

— Ну вроде логично и не режет слух. И единственный способ убить его — это нарушить герметизацию?

— Типа того. Я по уму и мудрости не уровня Фрэвардина, но уверен, именно на это он и рассчитывал. А твоя придумка оказалась еще эффективнее. Вызванный кольцом призыва Симаргл должен был попасть в мир Порядка и соответственно настроил свое тело, а материализовался внутри представителя Хаоса. Результат контакта мы наблюдали вместе.

— Да мне это как-то фиолетово, Мыкола, что с тем кальмаром случилось. Ты почему Симарглом стал?

— Трикстера нельзя уничтожить просто так, как привратника. Не та степень божественности. Защиты, в общем. Мироздание не может остаться без коменданта. Поэтому в момент своей гибели он воплощается в того, с кем имел последний контакт. И хоть призвал его ты, бросал-то перстень я… Но будь спок, дружище, не напрягайся! Поверь, лично для меня все произошло только к лучшему. Теперь вместо птичьих прав недобитого зомби, со страхом ожидающего своей очереди в чистилище, я обрел такое право на ПМЖ, что только мечтать. Да и тебе в будущем дружбан трикстер не раз пригодится. Уж поверь…

— А ты и будущее видишь?

— Амбивалентно, но… — Похоже уже псеглавец, а не Швед, оборвал себя на полуслове. — Впрочем, тут в любом случае табу. Иначе вероятности войдут в прогрессию.

— Коля, а это все еще ты?

— Че, слишком вумно выражовываюсь, да?

— Разве что чуток, — улыбнулся я слабо, уже и сам не зная: горевать или порадоваться за товарища.

— Не сомневайся, я это, я… Знаний только прибавилось. А в целом над всей этой кашей моя матрица доминирует.

— В общем, как я вижу, высокие стороны обсудили прошлое и пришли к заключению, что все не так плохо, как казалось сгоряча. Верно? — присоединился к разговору Фрэвардин.

— В общих чертах.

— Ну тогда и мне хотелось бы прояснить кое-что для себя. Примерно в тех же пределах… Ты как намерен жить дальше, Владислав? Контракт закончен. Можно продлить, а можно и в запас! Выбирай сам. В этом праве и заключена награда. А об орденах после поговорим. Хоть имени тебя самого…

— Да погоди ты со своим контрактом. — Я оживленно повернулся к бывшему однополчанину. — Николай!.. Я так понял, что в роли трикстера ты теперь тоже вездесущ?

— Как насморк… — облизнулся псеглавец. — Только не проверял еще.

— И личины менять можешь?

— Теоретически да. А ну-ка глянь, чего получилось.

Вопрос мне задал «я сам». Немного не такой, как я привык видеть в зеркале, но вполне узнаваемый субъект.

— Похож?

— Не то слово… — Голос мой сел непроизвольно. — Я тут подумал… Ты понимаешь. Они ж ничего не знают, Коля. Ни твои, ни мои… Волнуются, переживают. А можно…

— Ты гений, Влад! Дай бузю,[7] — целоваться полез уже Швед, только чересчур высунув язык. — Я все сделаю как надо. Не волнуйся. Мало ли куда и кого засунули, служба — не тетка. Главное, чтоб думали, что мы живы. Родителям хватит. А там чего умнее сообразим. Все, пошел. По исполнении доложусь… — И он исчез прямо из моих объятий.

— Если хочешь, родителей можно соответственно… — начал было Фрэвардин. — Но ты еще не ответил? И почему мне все время кажется, что тебя двое. Или это я той пакости надышался? Странные у вас развлечения…

— Ну они тоже разные бывают. А на вкус и цвет… Не ответил, говоришь? Домой или остаться? Так я и сам не знаю. Если для матери с отцом живой буду, то тут, пожалуй, интереснее, чем на Земле. Как ты правильно заметил: хоть в лоб, хоть по лбу — а три деревеньки уже мои. Неплохо для начала недавнему спортсмену, комсомольцу и активисту, верно? А там, глядишь, и еще чего-нибудь отломится. Вот только ты сам как к такому буйному постояльцу отнесешься. Я ведь ни разу не гоблин, а сиднем сидеть в этом вашем раю не собираюсь. Всех поголовно Родину любить обучить не обещаю, но и жировать на

человеческом горбу всяким разным Лупоухим и Длинноглазым не позволю. Мы атеисты — народ плечистый, если придет охота, вмиг каждому монастырю по своему уставу раздадим. А не поймут, можем и еще пару раз дать… Тебя, как тутошнего Смотрящего, не напрягает подобная коллизия?

Фрэвардин вздел очи к небу, пожевал задумчиво губами, вздохнул, словно я у него последнюю сотню, заныканную на опохмелку, отбирал, и ответил многозначительным полушепотом.

— Видишь ли, Влад. Перемещение между мирами, помимо всего прочего, имеет одно железное ограничение — ты никогда в другую реальность не попадешь, если вы с точки зрения Вечности по каким-то параметрам несовместимы. Понимаешь, о чем я? Или к чему?..

— Чего же тут непонятного. Вечность посматривает себе в зад истории, и если чего не по ней, так и не допущает. У нас в таких случаях тоже говорят: «Дай мне, Господи, наперед тот ум, что у моей жены бывает после происшествия». А у богов все сразу схвачено. Толково, как надпись на трамвае. «Товарищ, брось пустые бредни. Сходи с задней, входи с передней».

— Я серьезно…

— И я не шуткую. Так просто, к слову пришлось. Странные вы, боги, существа. Вечные, а такие серьезные, аж противно. Улыбайтесь, господа. Улыбайтесь!.. Ладно, уговорил. Пригожусь я вам тут, или мне что приглянется: будем посмотреть. Ну а ежели что не в масть — подавайте автобус…

ЧАСТЬ ВТОРАЯ (прогрессорская)

И перед кем же мне извиняться,
Мне уступают, я не в силах отказаться,
И разве мой талант и мой душевный жар
Не заслужили скромный гонорар…

Юлий Ким

Глава первая

Небольшую, но броскую и яркую вывеску, красующуюся рядом с тяжелой бронированной дверью, ведущей в полуподвальное помещение, делали со вкусом и полнейшим пренебрежением к правилам грамматики. Ни тебе запятой после первого слова, ни восклицательного знака в конце обращения. И надо признать — это работало…

Вместо залихватского зазывающего вопля: «Ломбард, господа!» у художника получилось нечто мистическое, невольно привлекающее внимание даже праздношатающихся гуляк. К сословию которых несколько последних часов принадлежал и я.

«ЛОМБАРД ГОСПОДА».

Ну как же не зайти-то к самому? Даже если и продать нечего, так хоть пообщаться, поглазеть на вещи, оставляемые в залог другими людьми, нуждающимися в деньгах больше, чем в духовных ценностях. Вполне возможно, что и вечных…

Внутри ломбард ничем особенным из ряда магазинов не выделялся, разве что плакатом, натянутым поперек торгового зала, так чтоб его увидел каждый посетитель, едва переступив порог заведения.

«Души принимаются в отделе подержанных товаров. Ежедневно с 23.00 до 04.00».

И ниже, шрифтом помельче: «Сданный на комиссию товар переоценке и возврату до истечения уговоренного срока не подлежит. Администрация».

А пока я читал и проникался смыслом довольно-таки оригинального объявления, навстречу выпорхнуло очаровательное и длинноногое создание, вооруженное улыбкой класса «Заходите, только вас и ждали!», облучая меня сверканием всех двадцати восьми белоснежных зубов. В том смысле, что моляры мудрости у нее еще и не прорезались. Как по возрасту, так и по уровню «ай кью»…

— Интересуетесь? — пропела девушка, многозначительно переводя взгляд на большие настенные часы за прилавком. Согласно расположению стрелок, до урочной полуночи оставалось еще не меньше ста восьмидесяти минут.

— О, благодарю за предложение, но я еще не готов с ней расстаться, — решил отшутиться. — Знаете, как-то привык.

Столько всего вместе пережили…

— А-а… — увяло создание, очевидно, в целях экономии энергии выключая улыбку. Ничего не поделаешь, кризис… — Тогда вам к Епифану Порфиричу. Присядьте вон там… — Девушка указала на два мягких кресла у журнального столика, очень уютно разместившихся под пальмой в кадке, которая на первый взгляд казалась настоящим деревом, а не пластмассовой поделкой. Это я о пальме, а не о кадке. Не было в расположении и форме листвы той правильности, мертвой симметрии, которая всегда отличает искусственное от живого. — Заведующий сейчас подойдет… Сок, минералку?

— Спасибо, родная. Я бы пивком соблазнился, но если не предложишь, настаивать не буду…

Девушка прошлась по мне цепким взглядом, сочетающим в себе свойства рентгена и металлоискателя, но, не обнаружив ни золотой цепи на шее, ни платиновых часов, ни соответствующего веса «гайки» на пальце, дающих индульгенцию на моветон, презрительно надула губки.

— Пива не держим. У нас ломбард, а не пивная. Вы адресом случайно не ошиблись?

— Маргарита, спасибо, оставьте нас. И принесите пива. Мне тоже…

Теряющая прямо на глазах остатки обаяния девушка обернулась на голос и поспешно нацепила обратно мгновенно воскресшее радушие. Только книксен не сделала. А жаль. В этой мини-юбчонке, почти готовой оспаривать звание набедренной повязки, такой пассаж мог произвести надлежащее впечатление. Тем более я уже сидел в кресле, а прекрасное создание природы поворотилось ко мне той частью, которую обычно предлагают демонстрировать лесу.

— Как скажете, Епифан Порфирич.

— Спасибо, деточка… Добрый день, молодой человек. Слушаю вас. Что имеете предъявить?

Оторвавшись наконец от созерцания в чем-то запретных, но при определенных обстоятельствах вполне покупных плодов, я с интересом посмотрел на топ-менеджера, а то и на Самого. И едва удержался, чтоб не помотать головой, одновременно протирая глаза и почесывая затылок. Делая при этом титанические усилия лицевыми мышцами, чтоб удержать челюсть от позорного падения. Епифан Порфирич как две капли был похож на моего покойного деда Степана Ивановича. Именно таким, как я запомнил его на единственно уцелевшей после всех лихолетий фотографии. А еще — таким, каким он приходил ко мне в детских снах, брал на руки, усаживал перед собой на коня, и мы долго,

долго куда-то скакали и летели…

Благо это или наказание, но жизнь распорядилась таким образом, что никого из умерших близких родственников, кроме деда, я не видел в гробу. А потому подсознание по-прежнему не причисляло их к усопшим, позволяя вспоминать и думать как о живых. Только уехавших очень далеко. Куда ни слетать, ни дозвониться нет никакой возможности… Даже с отцом не довелось попрощаться. Сперва была какая-то глупейшая, почти детская размолвка, переросшая еще в более глупую позу: «Ага, если ты не хочешь приехать ко мне, так и я к тебе первым не поеду». А потом, когда поумнел, стало слишком поздно. Даже всесильному комитету понадобилось больше двух суток, чтобы найти меня и передать печальное известие, плюс дорога… Только на девять дней и успел.

Потом узнал, что сестра почти три часа не разрешала заколотить гроб, все меня высматривала…

Многое бы я отдал, чтоб получить шанс хотя бы извиниться. Узнать, что и он ушел, не держа обиды…

— Что ж, это и в самом деле дорогая вещь, — прервал мои невеселые мысли Епифан Порфирич. — Залог принят. Желаете получить наличными или за расчетом зайдете в другой раз?

Какой расчет? Какие наличные?

Но прежде чем я успел высказать возмущение, мой взгляд зацепился за нечто, ярко посверкивающее в руке у скупщика. И одного удара сердца хватило, чтоб в этой цацке я признал перстень призыва Симаргла!

Шалишь, брат! Так мы не договаривались! Может, раньше я бы и отдал перстень за приличную цену, но теперь, когда временно исполняющим обязанности Огненного пса стал прапорщик Шведир — ни за какие коврижки. И вообще, откуда это кольцо взялось, если оно, по всем прикидкам, должно почивать вместе с останками привратника непосредственно в аду? Или я тоже там оказался? По совокупности, так сказать, былых заслуг…

— Кто вы, Епифан Порфирич?!

— А ты, мил человек, когда дверь открывал и порог перешагивал, чтоб внутрь войти, куда попасть хотел? В баню или театр? — усмехнулся тот, буквально на глазах теряя знакомые черты и превращаясь в абстрактного, я бы сказал усредненного старика. — Грамоте-то обучен, небось. Али как?

Вот так, значит? Ну-ну…

— Куда, как и зачем зашел — я не забыл, уважаемый. А вот чтоб предлагал вам хоть что-то из имущества в залог — увы, не припоминаю. Так что попрошу… — Я протянул руку ладонью

вверх.

— Подтверждаю сделку. — Старик проворно хлопнул меня по руке своей ладонью. — Договор окончательный и расторжению не подлежит!

— Ах ты ж скотина! — Как бы преодолевая сопротивление водяной толщи, я вскочил с кресла и попытался ухватить седобородого хитреца за грудки, но тот вмиг куда-то пропал вместе со всем ломбардом, а надо мной, лежащим в постели, заботливо склонялась Листица.

* * *

— Все воюет, все никак не успокоится, сокол ясный… — проворковала девушка, поправляя подушку.

— Листица?.. Это ты? — пробормотал я едва слышно. Язык и губы казались каменными жерновами. Такими же тяжелыми и шершавыми. М-дя, засада, однако!.. Это я еще там сплю или уже туточки? Странный старик мне снится вместе с ломбардом или красавица Листица?

— Слава Создателю, выкарабкался сердешный… — К заботливости в голосе девушки присоединилась неподдельная радость. — Я это, Влад Твердилыч, я. Листица. Признаете?

— Пить…

— Сейчас, сейчас… — заторопилась моя тутошняя хозяюшка. Метнулась к столу и буквально сразу — обратно. Видимо, налито было загодя. — Промочите горло…

Я жадно хлебнул и чуть не выплюнул обратно. Более противного пойла мне в жизни пробовать не приходилось. Даже та бурда из ведра с помоями, к которой мне пришлось однажды приложиться с похмелья, и то была гораздо вкуснее.

— Это что за отрава? — проворчал я, всеми силами сдерживая рвотный позыв. — Квас из мухоморов, настоянный на тараканах?

— Я не знаю, — развела руками Листица. — Ярополк Титыч какие-то травки запарил, от эльфов полученные. И наказал обязательно вам дать. Сразу — как только очнетесь. Для полного исцеления. Сказывали, надышались вы в лесу дыму колдовского до полного умопомрачения.

— Жуть… — Я все же сплюнул на пол.

— Вот, так и надо… — неизвестно чему обрадовалась девушка. — Теперь можно и кваску. Подать?

— Да хоть жижи болотной!.. Уверен, она лучше этой отравы на вкус будет…

— Шутите, Влад Твердилыч. Значит, подействовали травки. А то пятый день, считай, бревно бревном. Как принесли вас эльфы, так и не шелохнулись почти. Я уж и думать не знала что… Вот, узвар… держите. Он теплый еще… медком цветочным разведен…

Взвар и в самом деле оказался богатым на вкус и аромат. Видимо, не только в улей, но и в горшок пошло все, что доспело из фруктов и ягод.

— Спасибо… — Подобной жажды я не испытывал с того самого дня, как очнулся в госпитале. Неужто и на сей раз не обошлось без ранения? Но когда именно и чем меня зацепило? Насколько я помню, разговор с Фрэвардином проходил в обстановке полного взаимопонимания и миролюбия. Особенно рад был своему новому статусу Шведир, тут же умчавшийся выяснять, как там у нас обстоят дела дома. Успокаивать своих и моих родных и близких, которые, вполне вероятно, уже успели причислить нас с Мыколой не только к пропавшим без вести, но и безвременно погибшим. Гм, странно!.. До этого момента все вспоминается довольно четко, а вот дальше… что-то с памятью моей стало?..

«Доктор, у меня провалы в памяти». — «И часто?» — «Что часто?!» — «Провалы!» — «Какие провалы?..»

«А, и вы тут… Привет, сосед. А как с твоими воспоминаниями? Не поделишься?»

«Ничего такого, что тебе сейчас и без меня не объяснят. Да и вообще — ничего особенного. А плохое самочувствие и беспамятство просто объясняется. Это Фрэвардин перестарался со спецэффектами».

«Зачем?»

«А он решил тебе немного подыграть… Понимаешь, герой, победивший клятого супостата одним щелчком, со стороны кажется не таким героическим, как он же, но — пострадавший в сражении. Так что не волнуйся, расслабься и наслаждайся заслуженными почестями. Болести твои надуманные, стало быть, вскоре минутся, и без каких-либо последствий».

«Ладно, на более развернутом ответе не настаиваю. Но если что — жди, постучу по лбу!»

«В любое время, — хмыкнул Эммануил. — Всегда рад помочь».

— Еще пить? — отобрала у меня опустевшую кварту Листица. — Или поесть хотите?

— Можно будет и поесть, — прислушался я к требовательно заворчавшему организму. — Только сперва объясни мне, милая: о каких эльфах ты упоминала? И что общего у длинноухих с нашим старостой?

— А вы, Влад Твердилыч, совсем-совсем ничего не помните?

— Если бы помнил — не спрашивал бы.

Вежливый и четкий ответ сильно экономит время в сравнении с попыткой объяснить женщине, что отвечать вопросом на вопрос по меньшей мере некультурно.

— Ах, ну да… — сочувственно закивала головой Листица, от избытка эмоций нервно теребя подол фартука. То ли вытирая руки, то ли собираясь промокнуть тканью не вовремя повлажневшие глаза. — Как громыхнуло, у меня крынка из рук вывалилась. И под сердцем как-то нехорошо заныло…

— Где громыхнуло? — Я слегка повысил голос.

— Так в лесу же, за речкой… — захлопала ресницами Листица. — Как вы со Свистом ушли, ночью спокойно было и почти весь день тоже, а потом как загремело, загрохотало, завыло… Жуть. Будто сами небеса наземь рухнули. Вот у меня крынка и упала. Хорошо, что полная… Я так и подумала сразу. Жалко простокваши, но зато беды большой не будет.

Заслышав вкусное слово, мой живот опять ласково заурчал и беспокойно заворочался. А когда я не отреагировал должным образом, прибавил таких командирских интонаций, что Шаляпин и Гмыря отдыхают.

— Ой, я вас, наверное, совсем заговорила! — всполошилась моя хозяюшка. — Знамо дело, столько дней без еды. Влад Твердилыч, вы за стол сядете или — покормить?

— Сяду… — Понимая, что поесть действительно не помешает, да и Листица, пока не накормит, ни о чем другом думать не сможет, я с некоторым усилием сел на лежанке, а потом и ноги на пол свесил. Да, силенок-то у меня и впрямь существенно поубавилось. Вот гадский папа! Фрэвардин то есть!.. Зачем же так натурально-то? Шепнул бы на ушко, я бы и сам с удовольствием пару деньков на мягком ложе повалялся. Впервые, что ли, шлангом прикидываться? Хотя вряд ли… Сутки там или двое еще куда ни шло, но цельная пятидневка — явный перебор. На это даже профессиональный пожарный не подпишется…

Пошатываясь, добрел до стола и грузно опустился на скамью. С табурета, чего доброго, свалиться могу. Зачем зря хозяйку пугать? Еще что-нибудь уронит. Сплошное разорение в хозяйстве произойти может.

— А чем потчевать будешь?

— Так у нас, Влад Твердилыч, теперь во всей деревне одни и те же блюда подают, — ворчливо заметила Листица. — Молочные каши, студень да кровяные колбасы. Спасибо гоблинам, живность мы всю вырезали. Копчености на зиму попрятали, а это — долго не постоит.

Хозяюшка водрузила передо мной полумисок прозрачно-желтого холодца и шкварчащую жиром сковороду с обжаренным кругом «кровянки».

— Приятного аппетита, Влад Твердилыч. Только не торопитесь. Титыч сказывал, чтоб сразу на еду сильно не налегали. Живот болеть будет…

— Это я и сам знаю… — глотая слюну, ответил, не в силах отвести взгляд от царского пиршества. Когда и ложка в руке оказалась? Мысль мелькнула и исчезла, потому что я уже подносил ко рту кус испуганно дрожащего студня.

— Кваску налить или еще взвару?

— Пива! — ответил голос старосты у меня за спиной. — Теперь Влада Твердилыча надлежит потчевать только самым лучшим императорским пивом. Вот… — Повернув голову, я увидел, как Титыч передал Листице объемную бадейку. — Разливай, хозяйка.

Староста шагнул к столу и, не давая мне подняться, прижал к себе. Хорошо ростом он был невысок, и лицо мое уткнулось ему в грудь. Так сказать, без ущерба мужской чести и воинскому достоинству.

— Выкарабкался-таки, троллев крестник! Рад, чтоб мне… — Тут Титыч задумался, чем бы таким впечатляющим присягнуть, а я, пользуясь возникшей заминкой и ослабевшей хваткой, небезуспешно попытался высвободиться.

— Присаживайся, Титыч. Поможешь над колбасой победу одержать. А то опасаюсь, что не справлюсь в одиночку.

— Что? — Староста, видимо, слишком глубоко удалился в поисках подходящих слов. — Ну да. Конечно… Герой, как есть — герой! Никогда не видел и не слышал, чтобы эльфы человека на руках несли. И думаю, что во всей Империи не отыскать никого другого, кому длинноухие такую почесть оказывали… Живому, хочу сказать. Так что ты, Влад Твердилыч, не спорь! За это надо выпить!

Как будто я собирался…

* * *

— В жизни давно я понял, кроется гибель где.
В пиве никто не тонет, тонут всегда в воде!
Реки, моря, проливы — сколько от них вреда…
Губит людей не пиво, губит людей вода!

— Губит людей не пиво, губит людей вода! — Титыч подхватил последнюю строчку песни, а потом с силой саданул кулаком по столешнице. — Правильные слова. Уважаю… И сам ты мужик хороший, и песни у тебя душевные…

Староста свел к носу глаза и брови, пытаясь сфокусировать взгляд и углядеть на столе кружку с пивом, но не сумел. И не по причине неуверенного зрения, а потому что Листица давно их убрала. Как она сказала: «От греха подальше!». Ну и от нас — тоже…

— Вот веришь, Влад, я как тебя впервые увидел на пороге хаты, так и подумал: «Вот наконец-то хозяин объявился!»

Вершина логического мастерства и умения лаконично высказываться. Интересно, а что еще можно подумать, узрев поздно вечером человека, беззаботно сидящего на пороге давно пустующего дома? Я уже хотел съехидничать по этому поводу, но Титыч продолжил мысль:

— Да, так и подумал: «Уж он-то наведет порядок…» И знаешь, Влад, хоть я и староста, а вот ни столечко не обиделся…

Он попытался показать пальцами, насколько именно, но те либо растопыривались, либо, в процессе сближения, норовили сложиться в кукиш. В конце концов Титыч сжал их в кулак и сунул под мышку.

— Не-а, не обиделся… а порадовался за наши Выселки. Я ж не дурной… Разумение имею, что окромя ума — на войне и силушка нужна. А какой из меня боец? Вот и смекнул, коль ты не в столицах остался, а домой возвратился, стало быть, родная деревня тебе милее. И в обиду ты ее никому не дашь. Истинно говорю — Хозяин…

— Ничего себе хозяин, — проворчал я скромно. — Не успел объявиться, как всю живность вырезать пришлось. А не будь меня — жили бы себе и дальше тихо, в мире и согласии с гоблинами.

— Дурной ты, Влад Твердилыч. — От таких моих речей староста даже протрезвел. — Где ж это видано, чтобы куры с лисами в согласии обретались? Никогда этому не бывать. А вот ежели пугнуть рыжехвостых как следует — тогда, может, они и забудут дорогу к курятнику.

— И как? Считаешь, отпугнули?

— А то! — Староста даже привстал, но ноги не согласились с его душевным порывом, и Титыч плюхнулся обратно на табурет. Аж заскрипело.

— Вообще-то, ежели начистоту, поначалу я все же немного опасался. О троллях говорить не буду, — многозначительно помахал пальцем, — там все хорошо. Твой крестник Хозяин. — Титыч насмешливо хмыкнул. — Или какое он теперь новое имя

носит? А, неважно. Надеюсь, вообще о Выселках никогда не вспомнит. А и вспомнит, мы теперь ученые. Гы, спровадим мигом. Это хорошо… Да. Но я не об этом. — Он насупил брови и внимательно посмотрел мне в лицо.

Я уже приготовился услышать знакомое из прежней жизни выражение: «А ты кто такой?». Но — обошлось.

— О, вспомнил… Беда в том, что и у гоблинов память чересчур короткая. До первого полнолуния! А там нажрутся своего грибного взвару — и все им побоку станет. Любые договора и уговоры. И если не будет к тому времени поддержки властей, придется начинать все сначала…

Титыч опять хмыкнул, но уже раздраженно. Потом еще подумал.

— О чем бишь я? Ну да… Когда я увидел, что тебя эльфы на руках несут, тут и понял: сбылось!

— Стоп! — тормознул я пространные дифирамбы Титыча. — Вот с этого места, господин староста, расскажи-ка мне все в подробностях.

— В подробностях? — Тот озадаченно почесал затылок. — А может, я лучше… это — как все было?

— Можно и так, — не стал я излишне напрягать человека.

— Тогда нам надо еще пива, — задумчиво покачал головой Титыч. — Совсем во рту пересохло… Хозяюшка, сходи в кружало. Скажи Вересу, что Влад Твердилыч в себя пришел. Пусть нальет и голубя префекту с донесением, стало быть, отправит. Мы закон… это, чтим.

Точно! Совсем запамятовал! Меня же здесь местные опричники дожидались. С предложением: «Пройдемте, гражданин». Вот, блин! Что ж ты, Титыч, так отсемафорить торопишься? Хотя, как говорится, а чего тянуть? Раньше сядем — раньше выйдем. Все равно на глаза начальству придется показываться. Или погодить все же? Листица-то уходить не торопится, ждет от меня подтверждения. Думай, Влад, быстрее! Только не ошибись!.. Сам знаешь, что скорость стука превышает скорость звука. Можно и попасть нехило, и других подставить. Сатрапы везде одинаковы, как и статья за укрывательство и недоносительство…

Понимаю, но не готов я еще к встрече на высшем уровне. Принц и нищий, может, поладят, а незнамо кто и чиновный слуга государев — ни в жисть. Не тот менталитет у держиморд… И, прежде чем в коридоры власти соваться, надо не только стартовый капиталец сколотить, но и именем громким обзавестись. Прав тролль, однако. В этом мире имеет значение — как тебя зовут.

Приняв решение, я посмотрел Листице в глаза и отрицательно мотнул головой. Хозяюшка облегченно улыбнулась и кивнула в ответ. Видимо, ее интуиция в данном случае была на стороне моей логики.

Увы, Штирлица и Кэт из нас не получилось… А может, Титыч оказался прозорливее папы Мюллера. Во всяком случае, староста хмыкнул и проворчал:

— Тебе виднее… Ладно, скажешь: очнулся, но так слаб, что опять сомлел. Раньше чем через седмицу на ноги не встанет. А если Верес расспрашивать станет — сюда зови. Уразумела?

— Как скажете, дядька Ярополк.

Листица еще раз кивнула и выскочила за дверь.

— Егоза… — непонятно с чего именно так оценил достоинства девушки Титыч и продолжил как ни в чем не бывало. — Всадники эльфов тоже видели, а потому Всеслав Добрилович силой тебя в префектуру не потащит, но и с выздоровлением, Влад, затягивать не стоит. Или опасаешься чего? Так ты скажи. Один ум хорошо, а два сапога — пара. Может, присоветую чего. Ты мне теперь дороже сына…

— Так чтоб очень уж опасался, не скажу, но и лезть в прорубь очертя голову не хочу. Ты который раз эльфов упоминаешь, а я сам ничего не помню. Вот и выходит, что пока все не разузнаю да не соображу, как, что и к чему приспособить — к властям соваться не с руки. Мало ли чего я еще позабыл. Ну рассказывай уже, не тяни гоблина за уши.

— Угу, — кивнул староста. — А ведь верно. Эти потом тоже приходили. Самолично Гырдрым с Ачхырзом и в сопровождении шамана Ушастых. И в Круге подтвердили, что ты свою часть уговора выполнил, а потому ранее принадлежащие их кланам деревеньки Приозерное и Подборье твои по праву. Как и ранее завоеванные в Поединке — Выселки. И слово свое верное и нерушимое они готовы подтвердить перед вождями и шаманами всех кланов на ежегодном праздновании именин Фрэвардина.

— Титыч, а ведь ты, при всем моем уважении, сейчас в ухо схлопочешь, — ласково промолвил я, демонстрируя старосте кулак.

— Да? — Он заинтересованно поглядел на эту часть моего тела. — А за что?

— Я уже три раза просил рассказать об эльфах, а ты тем временем толкуешь о чем угодно, только не о них.

— Как так? — натурально изумился Титыч. — Я же сказал, что они тебя под утро в деревню на руках принесли. На другой день после того страшного грохота в Мрачной роще. Разве нет? Странно. А мне казалось…

— Ярополк! — прорычал я. — Что дальше было, после того как они меня принесли?!

— В Круге на землю положили и за мной послали. Только чего посылать-то? Небось не слепой, сам увидел… Такое разве ж можно пропустить? Эльфы человека на руках несут! Почитай вся деревня поглазеть собралась. Как на Поединок…

— А дальше что было?

— Так все… — пожал плечами староста. — Когда я подошел, старший их… кто такой не скажу, он имени своего не называл… В общем, эльф дал мне мешочек с травами и велел напоить тебя настоем сразу, как только очнешься, чтобы голос не потерял. А потом еще прибавил, что жителям Выселок отныне всегда рады в лесу.

— И все?

— Все?! Чудак-человек! Ты что и в самом деле ничего не понимаешь? Эльфы принесли тебя — это раз! Сами заговорили со мной — это два! Пригласили людей в лес — это три! Да о таком песни слагать надо! Застольные…

Глава вторая

— Доброго здравия, Влад Твердилыч, — с трудом протиснулся в двери упитанный Верес, став еще шире из-за двухведерного бочонка, который корчмарь тащил в обнимку перед собой.

Верес поднатужился и, сопя, выставил бочонок на стол. Тот даже закряхтел под тяжестью неожиданно щедрого угощения.

— И тебе здравствовать, Ярополк Титыч. Вот, из личных запасов… Для особого случая берег.

— С чего это ты так расщедрился? — подозрительно поглядел на него староста. — Небось двойную цену заломишь?

— Создатель с тобой. — От незаслуженного обвинения корчмарь даже руками замахал. — От души угощаю.

— Ой, не верю… — насел на него Титыч. — Ну-ка, выкладывай как на духу. Какие грехи замаливаешь? Сдал уже, небось?

Я только глядел и молчал, не вмешивался. В чужой монастырь и прочие ряды, как известно, со своим суконным рылом не лезут. Мало ли какие у них тут давние счеты имеются?

— Вот вечно ты, Ярополк Титыч… — Верес отер пот со лба. — Обидно, право слово. А я ведь со всем уважением. Тоже разумение имею.

— Верес, я тебя с пеленок знаю, — и не думая идти на попятный, отмахнулся староста. — Ты и тогда уже, пока одну титьку сосал, вторую обеими ручонками норовил сцапать. Так что не обессудь, в бескорыстие — ни в жизнь не поверю. А значит, либо выгоду видишь, либо пакость какую-то учинил, а теперь к Владу Твердилычу подлизываешься. Ну говори уже, не томи… Что, отписал префекту не так, как я сказывал, а по правде?

— Умен ты, Ярополк Титыч, — кивнул Верес, присаживаясь. — Да только постарел, а оттого и подозрителен стал излишне. Все я префекту написал с твоих слов, как Листица передала. Мол, Защитник наш в себя пришел, но еще очень слаб. Едва дышит. А потому не меньше седмицы в постели проваляется. Ну а сам-то сообразил, конечно, что немощному да болящему воину пиво без надобности. Потому и выкатил бочонок побольше. За здравицу, значит…

— Ну тогда выгоду увидел… — не сдавался Титыч.

— Вот пристал, как банный лист к голому заду… — вздохнул тот. — Так слепым же надо быть, чтобы не увидеть.

Староста назидательно поднял перст, но от комментариев воздержался. Только многозначительно покивал пальцем.

— А что тут зазорного, — возмущенно пожал плечами Верес. И поскольку ему никто не ответил, принялся объяснять.

— Раньше дань гоблинам отдавали, а теперь — все в деревнях оставаться будет. Хозяин-то наш, какой бы великолепный аппетит ни имел, дай Создатель ему здоровья, все равно с двумя прожорливыми кланами не сравняется. Я о тролле!.. — поспешил уточнить корчмарь, заметив мой недоуменный взгляд. — А значит, люди заживут богаче. В мошне кое-какая лишняя денежка заведется…

— И в кружале осядет…

— Не без этого, — кивнул Верес. — Иначе зачем в деревнях кружала по императорскому приказу выстроены? Все для процветания империи. А благодаря кому торговля вырастет? Владу Твердилычу. Соответственно от меня ему, как от верного слуги, глубочайший почет, уважение и всяческое содействие.

— Спасибо. Поверь, я это ценю.

«А чего? Мне нетрудно пару ласковых слов брякнуть, язык не отвалится — а человеку приятно».

— Вот… — расцвел корчмарь и укоризненно покосился на старосту. — Видал! Влад Твердилыч человек серьезный, разумение имеет, а не то что некоторые…

— Наливай уже… — хмыкнул Титыч. — Вот балаболка уродилась, чисто баба кудахчешь, прости Создатель. Приперся в гости и сидит сиднем. Только, знай, языком чешет. Решил угощение зажать? Так сразу и скажи…

От такого нелепого обвинения корчмарь вконец онемел.

— Так, все. Хватит из пустого в порожнее переливать… — Я понял, что пришла пора вмешаться в бессмысленную перепалку. — А то попрошу Листицу обоих со двора спровадить.

— Это я с превеликим удовольствием… — оживилась хозяйка, многозначительно беря в руки тряпку.

— Цыц, девка! — нахмурился Ярополк Титыч. — Не видишь, ожил Влад Твердилыч. Для того все и затевалось. А теперича ступай-ка ты во двор, милая. Мужской разговор у нас.

— Дома распоряжаться будешь, — взялась в боки Листица. — А у меня свой хозяин имеется.

— Не горячись. — Я исхитрился украдкой подмигнуть девушке. — Мне и в самом деле с людьми потолковать надо. А ты пригляди, чтоб у дома никто лишний не околачивался.

От расспросов, ясен пень, все равно не отделаться, но это — потом.

— И чтоб никого не впускала, пока сами не позовем! — Староста привычно оставил за собою последнее слово.

Листица открыла было рот, но поймала мой взгляд,

фыркнула, как потревоженная кошка, и вышла из хаты.

— Строже надо с бабой, Влад… — покосился ей вслед Титыч. — Разбалуешь, сядет на шею. Обратно стащить труднее будет. А уж если детишки пойдут, вообще сладу не дашь.

Верес кивнул, соглашаясь со старостой. Похоже, в женском вопросе их мнения совпадали. Потом вспомнил о профессиональных обязанностях и занялся откупориванием бочонка.

Я только глазами захлопал.

«Какие еще нафиг детишки? Нет, я вообще понимаю, что от постельной гимнастики девушки не только удовольствие получают, а и род продолжают. Но пока еще об этом всерьез не задумывался. В том плане, что в прежней жизни мне до службы в армии женихаться и все такое рановато было, а в этом мире — я еще не настолько освоился. Не привык к мысли, что могу остаться здесь навсегда. Уф!»

Даже вспотел слегка, как после кросса.

— Титыч, ты Листицу зачем выставил? — поинтересовался, чтоб отвлечься. — Теперь даже кружку гостю подать некому.

— Сам подам… — проворчал староста. Действительно поднялся и сходил за третьей кружкой. Как раз вовремя. Пенная струя хлынула в подставленные емкости, быстро заполняя их до краев.

— Ты, Влад Твердилыч, теперь у нас человек особенный, важный… Не сам по себе, значит… — продолжил Титыч, хорошенько отхлебнув пива. — А потому привыкай не в одну голову думать… Мы с Вересом супротив тебя в Круге и вместе не сдюжим, даже мериться силой не стоит…

Корчмарь кивнул, хоть и поглядел на старосту с некоторым удивлением.

— Вот… Зато опыта у нас больше будет… у каждого. Живем дольше, потому что. А поскольку, как ты сам слышал и понял, все мы за общество радеем… пусть и каждый по своему разумению, своевольничать тебе не позволим.

— Мудрено излагаешь, Титыч… — Я тоже смочил усы пеной. — Ты проще давай. А то у меня аж голова снова разболелась. Видишь, я еще не совсем здоров… Поимей снисхождение.

— Да… — немногословно согласился и со мной Верес.

— Проще? Можно и проще… — согласился староста. — Дабы не случилось урона людям и деревням неожиданного от необдуманных дел, Влад Твердилыч, надо тебе советом обзаводиться.

— Ты серьезно?

«Вот уж чего действительно не ожидал. Штаб Гражданской Обороны, значит, организовывать будем?»

— А то, — гнул свою линию и дальше Титыч, — три деревни теперь под тобой. Значит, трое старост будет. Они и о нуждах своих людей лучше тебя знать будут, и о возможностях. Если тебе какая-то помощь понадобится, так и думать, кому поручить, не придется. Старосте сказал, а они уже подобрали помощников по нужному умению. А деревне что надо — скажут и растолкуют. Согласен?

— Наверное…

— Да точно тебе говорю… — У Титыча, похоже, всегда было устойчивое, я бы даже сказал: профессиональное убеждение в собственной правоте. — Ты не горячись, а рассуди по уму. С несколькими десятками крестьян управиться любой сдюжит, ежели не совсем бестолковый. А с целой сотней? Ты же, Влад, десятником был. Зачем, спрашивается, назначали, если сотник сам бы мог всеми командовать? То-то!.. А в трех деревнях народу куда больше сотни наберется. И, сдается мне, не последняя это у тебя деревня, Влад Твердилыч…

* * *

Староста прервался для очередного глотка. Довольно почмокал губами, отер пену. Посмотрел на корчмаря.

— Хорошее пиво, не обманул. Кстати, о Вересе. Он тебе тоже весьма полезным будет. Не сомневайся. Этот прохвост свою выгоду за версту чует.

— Я для общества… — отводя взгляд, пробормотал тот.

— Ладно, ладно… Не юли, тут все понятливые, — кивнул староста. — Пока твоя выгода совпадает с нашей, горою встанешь. А польза от корчмаря такая… — стал объяснять мне. — Он депеши не только префекту шлет, но и из префектуры получает. Поэтому лучше всех знает, откуда и куда верховой ветер дует. Значит, упредить может.

Верес важно кивнул.

— Вот… Ну а теперь, Влад Твердилыч, твоя очередь. Выкладывай, что делать дальше собираешься?.. Зачем тебе понадобилась задержка, перед тем как префекту показаться?

— А тут и тайны никакой нет… — Я демонстративно пожал плечами. Мол, стоило из-за такого пустяка время терять? — Или ты не слыхивал никогда, что по уму только выпроваживают. Встречают-то по одежке.

— И что?

Оба выжидательно уставились на меня.

— Чтобы заручиться поддержкой префекта, а не получить дюжину «горячих», я должен произвести на Всеслава Добриловича хорошее впечатление. Уважительное… Причем сразу! Иначе префект волею императора мигом все наши свершения и договоренности перерешит «по-своему». А вы и сморгнуть не успеете, как получите нового хозяина и другого защитника. Если вообще на веки вечные вместе с детьми и внуками в государственную казну не перейдете.

Подействовало. Ну так не зря же я попросил Эммануила помочь сформулировать мне эту мысль в понятных выражениях.

— Гм… Умно. — В глазах корчмаря я заметно вырос. Переходя из категории удачливого рубаки в разряд не ниже товарища младшего торговца.

— Да, — согласился Титыч. — Верно… Но какие шаги ты для этого предпринять надумал?

— Хочу для начала Хозяина нашего проведать.

— По какой такой надобности?

— Ты же сам говорил, что у гоблинов и троллей память короткая.

— Это все знают.

— Вот я и хочу Дарящему Деревни о нашем уговоре еще раз хорошенько напомнить. А то если после дня чествования Фрэвардина до разбирательства с гоблинами дойдет, а он о нас забудет… Продолжать?

— Лучше не надо, — явственно вздрогнул староста. — Намекаешь, что если бывший Хозяин не подтвердит, что мы от гоблинов его деревню защищали как наемники троллей — нас бунтовщиками объявить могут?

— Это ты сам сказал.

— Вот не было печали… — поскреб затылок староста Выселок.

— А эльфы?.. — оживленно спросил Верес. — Они же подтвердят?..

— Что именно? — поинтересовался я. — Вы сами-то хоть знаете, что произошло в Мрачной роще? Потому как я ничего не помню. И может, их… ммм… почести к делам деревни — в смысле спору между людьми и гоблинами — никакого отношения не имеют? Такое вам в голову не приходило?

— А во-вторых, — проворчал Титыч, — пойди сыщи их в лесах. Век дебрями лазить будешь и никого не встретишь, если сами показаться не захотят. Эльфы не гоблины, что сами в задницу лезут…

Староста грубо выругался и угрюмо уставился в пустую

кружку.

Корчмарь намек понял, и пиво опять, шипя и пенясь, полилось в литровые емкости.

— Поддерживаю… — Староста поглядел на меня. — Хозяина, или как его там теперь зовут, и в самом деле стоит проведать. Кого с собою возьмешь?

— А вы кого посоветуете? — Я нарочно употребил множественное число, давая тем самым Вересу понять, что он тоже уже в теме.

— Путь неблизкий, но не особо опасный… — Ярополк Титыч призадумался.

— И?

— Думаю, лучше Свиста тебе никто не пригодится. В управлении деревней с него толку, как с козла молока. Только мешает. Мы потом с Дорофеем подумаем, кого в Подборье тебе в надежные помощники подобрать. Со стариками там плохо… Многие померли в прошлую зиму. Впрочем, ты об этом не думай пока… Мы сами лад наведем. Не сомневайся… Так что бери Свиста…

— И бабенку какую-нибудь…

Дополнение Вереса было столь неожиданным, что мы с Титычем уставились на корчмаря одновременно.

— Это еще зачем? — набычился староста.

— Дичь ощипать… Ужин состряпать?..

— А-а, ты в этом смысле, — кивнул Титыч. — Согласен. Только не бабенку. В деревне работы непочатый край. Парнишку выделю. Щека. Он тебя в Приозерное водил. Хлопец сметливый, в дороге пригодится. Сам у вас чему надо парню знать научится. А заодно и вас ничто отвлекать не будет.

— Ты это о чем?

— Да так, ворчу… — отвел взгляд староста. — Молодость вспомнил.

— Ну я так и подумал… Тогда завтра с утра и двинусь. Времени мне Верес у префекта не слишком много сторговал…

— Об этом не волнуйся, Влад Твердилыч, — приосанился корчмарь. — Надо будет, еще пару деньков отпишем. Ежели для пользы обществу, то и солгать не грешно… Главное, чтоб не зря.

— О том моя забота. Договорились, что ли?

— Договорились.

Мы сдвинули кружки и вместе глотнули пива. Кстати, действительно первосортного.

— Тогда, Титыч, посылай за Свистом.

Староста только ухмыльнулся.

— С каких это пор тень звать надо? Со вчерашнего дня за

порогом дурью мается…

— Что же ты, старый пень… — Я не договорил и бегом выскочил во двор. Тело, как и обещал Эммануил, уже слушалось как и прежде, без ограничений.

Мой боевой товарищ сидел на завалинке рядом с Листицей и о чем-то оживленно ее расспрашивал.

— Свист! Дружище!

— Командир!

Разведчик пружинисто вскочил и бросился ко мне.

— Жив! Жив… — хлопал он меня по спине, периодически прижимая к груди. — Все. Теперь делай что хочешь, но больше я от тебя ни на шаг!..

— А я не говорил? — Титыч тоже нарисовался на пороге. — Настоящая тень…

— Тень? — задумчиво переспросил разведчик. — А что, мне нравится. Тому, прежнему Свисту, жить пару месяцев оставалось. Так и пусть уходит с миром. А нового меня — Тенью зовите. Если командир разрешит…

— Да хоть горшком… — Я не сдержал улыбки. — Лишь бы человек хороший был, а позывной придумать не проблема. Хочешь быть Тенью, будь…

— Не будь, а в путь… — неожиданно срифмовал Титыч. — Нечего тут штаны просиживать. Дуй в Приозерное. Соберись в дорогу. Дорофею передай, что завтра жду его к обеду. А сам — чтоб с первыми лучами, как и положено настоящей тени…

Разведчик посмотрел на меня.

— Подтверждаю. Завтра на рассвете выходим. Направление — Скалистые горы. Пойдем крестника моего проведать. Расстояние знаешь, время пути сам прикинь. Вот и соберись соответственно.

— Понял, командир. Разреши исполнять.

— Можно бегом… — пошутил я. Но ни бывший Свист, ни нынешний Тень армейской шутки моего времени не оценил. Рванул с места так, что обзавидуешься.

— Стало быть, и нам уходить пора. — Староста оглянулся, вытащил из-за спины корчмаря и пропустил вперед. — Пошли, Верес. Не будем людям мешать… собираться. Верно?

— А то. — Верес поклонился. — Разумение имеем. До встречи, Влад Твердилыч. И не сомневайся: если заминка какая случится — прикроем. Дней десять сдюжим. Ну а потом уж как получится.

— Иди уже… — Староста ткнул корчмаря кулаком в бок. — Счетовод… Спокойной ночи, Влад Твердилыч. Отдыхай…

* * *

Много раз приходилось слышать, что в старости у людей дни длинные, зато — короткие годы, а в молодости наоборот — годы длинны, а дни короткие. Не берусь судить о днях, а ночь и в самом деле пролетела, как экспресс мимо захолустной станции.

Прогрохотала рельсами, отсверкала яркими сполохами в окнах вагонов и усе… вставайте, приехали. Который час не скажу — и не потому, что счастлив, хотя и это имеется, а из-за банального отсутствия часов во всем обозримом и доступном пространстве. Но черный квадрат окна, наверняка один из тех, что позировали Малевичу, уже сильно потерял в насыщенности красок и поблек, как застиранный бушлат.

Я нежно поцеловал Листицу в обнаженное плечико, укутал одеялом и строго-настрого приказал оставаться в кровати, а не устраивать показательные и чрезвычайно утомительные проводы-прощания, которые, как известно, лишние слезы.

Глотнул квасу прямо из кувшина, кое-как умылся из ведра, неторопливо оделся, не забыв натянуть уже привычную, как форма, кольчугу. Вместо шерстяного берета, лето все-таки, повязал голову легким полотняным платком Листицы а ля бандана, подхватил со скамьи собранный с вечера дорожный сидор, в котором помимо снеди и пары белья лежал шелом, и вышел во двор.

Следопыт Тень и назначенный нам в помощь старостой парнишка уже поджидали меня возле дома.

Бывалый воин, коротая время, учил Щека складывать вещи в заплечную котомку. Беспощадно выбрасывая все лишнее, правда, обязательно объясняя хлопцу, почему он так делает, и показывая, как и в какой очередности правильно укладывать вещи нужные. Чтобы не гремело, спину не натирало и вес распределялся правильно.

— Здорова, командир! — приветливо махнул Тень, увидев меня, завершая движение указывающим жестом. — Глянь, как хлопца бабы собрали. Не походная котомка, а мешок торговца. Одних продуктов — худо-бедно до зимы хватит. А из одежды только тулуп и валенки всунуть забыли…

— Привет, орлы… Не насмешничай, ветеран. Себя молодого вспомни… Тоже, небось, не шибко умный был. А ты, Щек, не красней, не девица. Опыт с годами приходит. А пока слушай старших да запоминай. Еду отставить выкладывать, взять всю, не надорвемся. Два привала — и котомка наполовину опустеет. Зато время сэкономит. Тень, часть груза к себе переложи. Я вижу, ты совсем налегке. К тому же нам не привыкать, а парень с

непривычки спину сорвать может.

— Уже… — кивнул тот.

Взвесил в руке один сидор, потом другой. Первый пододвинул Щеку, второй забросил за спину. Подпрыгнул пару раз. Потом взял прислоненное к стене легкое копье.

— Готов.

Щек попытался повторить все за наставником. И хоть не так ловко это у него получилось, но в целом справился.

— Готов…

Тень молча поправил лямки на плечах парня и подтвердил:

— Вполне.

— Ну тогда слушайте задачу. Направление движения — юго-восток. Цель: Скалистые горы. Конкретнее — Ущелье троллей. Расстояние — примерно сто верст. Наша задача: добраться туда не позднее завтрашнего вечера. Свист… Отставить. Тень — направляющий, я — замыкаю колонну. Группа, бегом марш.

— Здорово! — восхитился следопыт. — Во дает наш командир. Прямо как в легион вернулся. Хорошо пантер обучают!.. На всю жизнь. Учись, парень! — убрал улыбку и подтянулся. — Есть направляющий.

Тень развернулся и легко затрусил по дороге, ведущей из деревни. Чуть замешкавшись, Щек бросился следом.

Почувствовав спиной взгляд, я оглянулся. Листица, конечно же, стояла на пороге.

— Не грусти. Мы скоро… — улыбнулся ободряюще девушке. — Соскучиться не успеешь.

— Счастливо воротиться, Влад Твердилыч. — Листица шагнула ближе. — Прости, забыла спросить вчера.

— Давай, только быстрее…

— Можно я в счет твоей оплаты из общественного стада телушку возьму? Грустно в хозяйстве без коровы-то… Пусто.

— Ты же у меня хозяйка!.. — Я едва сдержал смех. — Вот и делай так, как считаешь нужным. Разрешаю, в общем.

— Правда?

— Правда… И свиней, и курей… Да хоть рыб в колодце разводи.

В длительные объяснения и заверения вступать было некогда, поэтому я шагнул вперед, смачно чмокнул девушку в щечку, увернулся от прогнозируемых объятий и побежал догонять своих бойцов.

Глава третья

«По воде бежит — не плеснет, по листве идет — не шуршит, по огню скользит — не сгорает?»

Глядя, как двигается следопыт, я невольно вспомнил эту старую детскую загадку. Старина Свист полностью оправдывал взятый себе новый позывной. Щеку до его выучки далеко, но и паренек лишнего шуму не поднимал. Похоже, не только волам хвосты крутил, а и на охоту хаживал. Так что если бы не я, нашу группу и дремлющий заяц не расслышал бы, не наступи мы ему на ухо.

— Бегом…

Косые в самом деле пару раз выскакивали у нас буквально из-под ног. Щек даже пращу приготовил, но Тень, заметив это, многозначительно постучал себя по лбу, а после указал на котомку. Парень внял. Несмотря на то что после двух привалов часть груза перекочевала из-за спины в желудки, припасов там по-прежнему оставалось достаточно для всего пути.

Еще раза три, когда мы продвигались вдоль опушки, громко хлопая крыльями, взлетели потревоженные птицы. Крупные, размером с глухаря… Так что о пропитании и в самом деле можно было не волноваться. Но меня с детства учили: «Положил в котомку — сядешь на пригорке». В том смысле, что запас карман не тянет.

— Шагом…

Вообще-то, судя по солнцу и внутренним ощущениям, подошла пора и для третьего привала место присмотреть. Последнего перед ночевкой.

— Тень…

Я не договорил. Следопыт поднял руку и остановился. Потом дал знак всем оставаться на местах и присел, высматривая что-то в траве.

Зная уже, чем подобные находки могут закончиться, я на всякий случай встал к парням спиной и обнажил меч.

— Влад! — позвал громко Тень, давая тем самым понять, что непосредственной опасности нет. — Подойди, глянь… Забавная штука.

Меч вернулся в ножны, а я двинулся к следопыту. Щек, усиленно копируя наше с Тенью поведение, остался на месте, внимательно поглядывая по сторонам. Ну правильно — его не звали, а значит, надо попридержать любопытство.

— Что там у тебя?

Тень стоял на коленях и разводил руками в стороны высокую

траву, одновременно приминая стебли, чтоб и я смог увидеть то, что он разглядел на ходу. Да, такое умение многого стоит, и уроженцу асфальтированных улиц и мощеных тротуаров недоступно. Сродни магии.

Я присел рядом и непонимающе уставился на старый, отвердевший отпечаток ноги.

— И?

— Не узнаешь?

— А должен?

Тень хмыкнул.

— Извини, командир. Забыл, что у тебя другая выучка. Это те самые орки, на чью тропу мы наткнулись, когда к нашим пастухам ходили.

— Уверен?

Следопыт даже не снизошел до ответа.

— Ну да. Нашел о чем спрашивать… — Я огляделся, сопоставляя в уме наше местоположение с картой мира. — И что тебя в нем насторожило? Вполне могли тут проходить. Носок как раз в сторону степи смотрит.

— Пять суток прошло…

— Слушай, давай договоримся. Если я что-то спрашиваю, то не из вредности или желания тебя проверить… Поэтому отвечай нормально. Так, чтоб даже Щеку было понятно.

— А чего Щеку… — пробормотал парень. — Пять суток след не мог сохраниться. Тем более позавчера сильный ливень прошел.

Я почувствовал, как потеплели кончики ушей.

— Вот вы о чем… но сохранился же?

— Это-то и странно. Вот, смотри… — Тень для наглядности отколупнул от края отпечатка комок почвы. — Камень… Глина запеклась так, словно не весом сдавлена, а под костром побывала. Причем не один час.

— Может, с ними шаманка была?

— Один из орков точно с посохом был, — прикрыл глаза, вспоминая подробности, Тень. — Но не самка. Нет, Влад, следа шаманки я не заметил. Да и сейчас… Это нога воина. А вот и след от того самого посоха… — Следопыт ткнул пальцем в небольшую ямку рядом. — И тоже опаленный.

Тень поднялся и посмотрел в сторону деревьев, что-то прикинул в уме и поманил к себе Щека.

— Видишь граб? Нижняя ветка слева от ствола вниз нагнулась.

— Да.

— Мне кажется или там кора обуглена?

— Сейчас…

Щек со всех ног бросился к дереву. И уже оттуда возбужденно заорал:

— Обуглена! Чтоб мне провалиться…

— Да, — помотал я головой. — Если ты и тень, то орлиная.

— У нас в роду все такие… были. — Следопыт закончил тихо и хмуро. — Пошли, командир. Глянем вблизи…

— То есть ты думаешь, что это след от использования магического посоха?

— Есть другие предположения? — пожал плечами Тень.

— Но орки не любят магии…

— Воины, — уточнил бывший рейнджер. — А шаманки очень даже обожают фаерболами пулять.

— А у нас тут объявился воин с огненным посохом?

— Или очень крупная самка. Выше и массивнее большинства своих сородичей, мужской стати.

— Что более правдоподобно? Я бы поставил на воина с посохом.

— Я тоже…

К тому времени мы уже подошли к опаленному грабу и Тень занялся изучением оставшихся следов.

— Поздравляю, командир… Мы угадали, — улыбнулся он спустя пару секунд.

— Уверен?

— Тот, кто хотел сбить с этой ветки тетерева, был очень неумел в обращении с оружием. Я не маг и не шаман, но думаю, чтобы подстрелить птицу, такой мощности и ширины луч не нужен. В общем, огонь испепелил добычу и чудом не поджег дерево. Орки остались без ужина. Мое мнение — посох несет воин, знающий, что у него в руках, но не умеющий им пользоваться… Странная история.

— А если вспомнить, что идут они скрытно и со стороны территории гномов… — Может, я не так наблюдателен, но тоже умею сопоставлять факты.

— Думаешь, орки похитили посох у гномов?

— Пока не знаю. Но очень хотел бы… В смысле узнать, что произошло на самом деле. Когда между соседями неразбериха, на орехи достается и другим. Заодно, так сказать.

— Тогда, — Тень указал рукой на юг, — нам туда…

— Сгоряча рубить не будем… — Я снял сидор и повесил его на ближайший сук. — Пустое брюхо к ученью глухо, как и к доводам разума. До вечера еще далеко, и если менять маршрут — немного отдохнуть не помешает. Заморим червячка, а заодно и дальнейшие действия обдумаем. Привал…

* * *

Понятное дело, что решение было принято в пользу преследования двигающейся цели. Пещеры и живущие в них тролли вряд ли куда-то переместятся, а след может исчезнуть. Ищи потом во всей степи именно этих орков. Соваться с разбегу во владения степняков, несмотря на заключенное перемирие, мы не собирались, но попытаться найти какую-то фиксированную точку, от которой позже можно продолжить поиски, — стоило.

Опытный рейнджер шел по старому следу орков, как хорошая ищейка. Но если у собак кроме глаз еще и нюх есть, то чем руководствовался Тень, выбирая направление, оставалось только гадать.

Не желая демонстрировать собственную беспомощность в данном вопросе, я молча следовал за ним. И только после того, как на совершенно плоском и голом (трава не считается) участке местности следопыт неожиданно взял круто в сторону и повел нас не поперек, а почти по периметру, я не сдержался:

— Почему туда?

Ответ Тени был не менее лаконичен.

— Удобнее.

— Уверен?

— Да, — кивнул тот. — Другого пути тут нет.

Более вразумительное и наглядное объяснение я получил чуть позже, когда мы прошли хороший кусок дороги и перспектива изменилась. Оказалось, что равнину пересекает глубокий буерак с отвесными и сыпучими берегами. Просто с того места, где Тень свернул в сторону, его еще не было видно. По крайней мере мне. Несмотря на то что ростом я выше следопыта на добрых полголовы.

Наглядная демонстрация высочайшего профессионализма Тени сняла любые вопросы. Дальше мы передвигались без уточняющих вопросов с моей стороны. Оно и полезнее, дыхание не сбивается.

Вечерело. Солнце полностью еще не спряталось, но в восточной части неба уже замерцали первые звезды. Когда мы снова перешли на шаг, следопыт остановился и подождал меня:

— Скоро совсем стемнеет…

— Предлагаешь заночевать где-то здесь?

— Нет, немного времени еще есть. Успеем засветло дойти вон туда… — Тень ткнул рукой вперед и вправо. — Там небольшая рощица. Родник хороший. Вода вкусная…

— Бывал здесь раньше?

— Нет, — помотал головой следопыт. — Но приходилось

слышать от других проводников. Я, как только местность узнал, сразу сюда свернул. Там одна из дорог, что в Главное стойбище ведет. Дань по ней возят. И эту рощицу обозники давно заприметили. Для ночлега лучше не найти. А здесь вокруг и дров нет, и вода горькая и соленая, как слезы, настоянные на полыни. Плохая вода… Пить можно, но живот потом долго пучит и во рту как дерьма пожевал.

— Хорошо… — Я не видел причины, чтоб и в этом вопросе не довериться опыту Тени. Потом взглянул на Щека. Парнишка держался молодцом, хотя и видно было, что устал. Впрочем, как и я… — Еще один забег и отдохнем. Сдюжишь?

— Не маленький, — проворчал тот. — Сами не упадите…

— Но-но! — пригрозил я шутейно. — Яйца курицу не красят…

Хотел добавить еще что-то не менее остроумное, но и этого перла мужского остроумия хватило с избытком. Мои спутники некоторое время переваривали глубину мысли, а потом разразились громким хохотом. Мальчишка даже подвизгивал при этом совершенно как счастливый щенок, только хвостиком не вилял.

— Продолжить движение, — скомандовал я, дав им немного отсмеяться. — Бегом…

Мы, конечно, не умные лошади, которые сами убыстряют бег, зачуяв стойло, но тем не менее в предвкушении скорого ужина преодолели отделяющую нас от рощицы дистанцию почти в спринтерском темпе.

— Еще немного, еще чуть-чуть…

Вообще-то я никогда не страдал лишним весом, да и побегать любил. В части уверенно удерживал одно из мест на пьедестале во всех легкоатлетических соревнованиях, но сегодняшний марш-бросок утомил и меня.

Похоже, остальные чувствовали то же самое, поскольку прибавили ходу, но… как водится, хочешь насмешить богов, расскажи им о своих планах. До первых веток уже можно было дотянуться рукой, когда негромкий человеческий стон, донесшийся откуда-то справа, вмиг сдул с нас всю бесшабашность. Замерев на месте, мы развернулись лицом в ту сторону, откуда послышался тревожный звук, и замерли в ожидании.

Время шло, но стон не повторялся.

— Посмотрю? — шепотом спросил Тень.

— Давай… Только аккуратно.

Следопыт неторопливо двинулся вперед, внимательно глядя под ноги, прежде чем сделать следующий шаг.

На опушке, посреди поляны, поросшей, видимо из-за солености грунтовых вод, невысокой и какой-то блеклой желтовато-бурой травой, видимость оставалась отличная. Не то чтоб иголки собирать, но газету читать я бы попробовал, если бы такое изделие цивилизации мне вдруг случайно подвернулось. А под деревьями уже лежала густая ночь. К тому же из-за игры теней все предметы теряли привычные очертания и приобретали формы того, что подсовывает воображение.

Следопыт еще не углубился в рощу и на десяток шагов, когда стон повторился.

— Кто тут?! Отзовись?.. Ты где?

Тень пригнулся и дал нам знак сделать то же самое. Блин, как я сам не сообразил, что мы со Щеком отсвечиваем на фоне более светлого неба, как… ростовые мишени, вот как!

— Я здесь!.. Помогите…

Голос был очень слабый. Хриплый и прерывистый.

— Сейчас…

Тень на мгновение приподнялся, а уже в следующий миг метнулся в сторону и пропал с глаз.

Понятно. Я бы тоже так сделал. Если это засада, враг мог не выдержать и выстрелить, считая, что отвлек внимание. То есть выдать себя. Но рощица хранила тишину. Даже тот неизвестный больше не отзывался и не стонал…

— Идите сюда…

Тень говорил, не снижая голоса. Значит, и нам можно не опасаться.

— Ты где?

— Сейчас…

Зашуршали, захрустели ветки. Несколько раз щелкнуло огниво, и в воздухе заплясал небольшой огонек. Потом он опустился к земле, и посреди незаметной раньше полянки разгорелся небольшой костер.

— Щек… — Тень поманил парня. — Огонь за тобой. Пожара не нужно, но чтобы раза в три ярче горел.

— Понял… — Тот если и был недоволен, что его отодвигают в сторону от тайны, быстро сообразил, что яркое пламя необходимо. А потому рьяно бросился собирать хворост. И его стараниями на поляне с каждой минутой становилось все светлее.

Как только глаза привыкли к свету костра, первое, что я заметил — пара груженых доверху телег, стоявших на дальнем краю поляны. Мешковина на тюках вспорота, капустные головы и что-то помельче валялись вокруг, небрежно разбросанные, словно кто-то торопливо рылся в клади, выискивая там более ценные предметы, чем обычные овощи.

«Похоже, в этих местах война закончилась не для всех… Или не всем об этом объявили».

— Влад, иди сюда!

Тень стоял на коленях рядом с торчащей из-под земли лицом вверх головой и аккуратно откапывал ее, разгребая руками разрыхленную почву.

— Фига себе! — Перед глазами как по заказу возникла сцена из «Белого солнца пустыни».

— Помогай!.. Видишь, из последних сил держится.

— Вижу. — Я присел рядом и потрогал пульс на шее. Нитевидный, но тем не менее. — Долго он здесь?

— Судя по засыханию выкопанной земли, — следопыт огляделся внимательнее, — не меньше двух суток. Только яма какая-то странная…

— Понятно. Пульс слабый. Погоди, не толкай под руку. Надо дать ему напиться. Организм обезвожен совсем. Чувствуешь, какая кожа сухая и горячая?

— Ты ему поможешь?.. Как мне? — Тень поглядел на меня.

— Увидим. Не торопись. Может, он разбойник и заслужил такое наказание…

— Думаешь? — Тень замер, что-то прикидывая. Потом мотнул головой. — Нет. Это не люди. Обозники или стражники прирезали бы лиходея, и с концом. Тут что-то другое… Сейчас, отроем парня, я погляжу… Следы не соврут. Хоть и натоптано тут, как будто стадо по кругу гоняли…

— Разберемся. Если до нашего прихода не помер бедняга, то еще пару минут продержится.

Я снял с пояса баклагу с домашним квасом и приложил горлышко к губам неизвестного страдальца. Человек по-прежнему оставался без сознания, но как только влага оросила губы, глотательный инстинкт оживил его. Он пил долго и жадно, причмокивая, как младенец возле материнской груди. А когда оторвался от фляги, пробормотал: «Орки…» — и опять сомлел.

* * *

Тени не зря не понравилась яма. Раскопав незнакомца, все еще пребывающего без сознания, хотя уже с порозовевшими щеками, мы наткнулись на тела других людей. Всего в яме лежало восемь трупов. Семь — молодые мужчины от двадцати и до сорока лет и один годами постарше. Весь седой, хотя и не немощен.

Впрочем, совсем дряхлый старик в такой путь и не

отправился бы. Большинство мертвецов в обычной крестьянской одежде, двое в кафтанах из двойной кожи вроде легкого доспеха, способного защитить только от ножа или когтей. Ну и свитка седовласого выделялась более добротным сукном и пошивом.

В общем и целом, судя по всем этим мелочам и разграбленным телегам — мы наткнулись на останки обоза купца средней руки, отправившегося в путь с работниками и парой охранников.

Вот только выживший мужчина в эту картину не вписывался.

Во-первых, у него на теле была не одна рана, как у большинства обозников, а целых шесть. Причем почти каждая из них смертельная.

Во-вторых, все эти раны выглядели так, словно перед тем, как закопать несчастного вместе со всеми, его старательно лечили. Что, конечно же, было бы совершенной бессмыслицей.

В-третьих, несмотря на обычную одежду, на плечах, груди и спине мужчины имелись характерные мозоли от ремней, появляющиеся при длительном ношении лат. Примета, свойственная только ветеранам Легиона.

А еще — когда мы уложили раненого рядом с костром и я попытался привести его в чувство, передав чуточку своей энергии, — мужчина открыл глаза и чуть слышно прошептал:

— Не надо к огню. Я сам… — и снова потерял сознание. Но дышал он при этом уже ровно, а пульс имел хорошее наполнение. Словно это было не беспамятство, а всего лишь глубокий сон.

Пока мы со Щеком производили раскопки и пытались найти еще кого-то уцелевшего, Тень внимательно, с факелом в руке обследовал стоянку.

— Раненый не солгал, Влад. Тут и в самом деле веселились орки. И семь против трех — те же самые, по следу которых мы идем.

Переспрашивать, уверен ли он в своих выводах, я, понятное дело, не стал.

— Вот только, хоть убей меня, не понимаю: зачем им это понадобилось? Ведь даже груз почти весь на месте. Потрошили для виду. Что тоже, кстати, очень странно. Ладно, то, что они напали на обоз, который, скорее всего, вез дань их вождям, я еще могу как-то понять и объяснить. Перепили браги или грибов каких-нибудь не тех поели, вот и обезумели. Бывает… но воин-орк, заметающий следы, пытающийся навести возможных преследователей на ложный след, да еще и практически в собственных угодьях, — это невероятнее, чем эльф, поджигающий лес. Причем с ними даже нет шаманки.

— И?

Следопыт выразительно пожал плечами.

— Могу только точно сказать, что те, кто все это натворил, убрались вон в ту сторону, — Тень махнул себе за спину, — и явно не собирались возвращаться. А обо всем остальном только он… — следопыт посмотрел на единственного уцелевшего обозника, — рассказать сможет. Когда очнется.

— А в нем ты ничего странного не заметил?

— Да я и не рассматривал. Следы вокруг куда интереснее.

— Это как поглядеть…

Но своими наблюдениями я поделиться с Тенью не успел.

— Пить…

Незнакомец сделал попытку приподняться, и со второго раза это ему удалось. Он повернулся на бок и подставил согнутую в локте руку под голову.

— Хоть глоток еще. Пожалуйста…

— Да хоть ведро, — хмыкнул следопыт, протягивая незнакомцу свою флягу. — Родник рядом. Если мало будет, положим тебя рядом — и пей сколько влезет. Только объясни сперва, что тут случилось. Почему в яме столько убитых людей и ни одного мертвого орка?

Незнакомец жадно отпил, но уже не так взахлеб, как прежде.

— Никто не ожидал нападения… — ответил, переведя дыхание. — Это же обоз с данью из деревень, которые отданы императором на прокорм оркам. Мы везли собранные за месяц продукты в главное стойбище. Поэтому, увидев орков, никто о защите и не подумал. Имя главного вождя племени чернолапых Креш-куруша всегда было достаточно громким, чтоб отбить у остальных желание поживиться на дармовщинку.

— А что пошло не так в этот раз? И кстати, как к тебе обращаться?

— Простите… — незнакомец на мгновение прикрыл глаза. — Мне бы съесть чего-нибудь. Все силы истратил… А зовут меня — Подорожник. Тим Подорожник…

— Конечно же. — Я сунул в ладонь Тиму давно приготовленную лепешку с завернутым в нее куском пряной брынзы. — Подкрепись. И не торопись, жуй хорошо. После длительного голода опасно. Поговорить успеем…

— Слыхал я в свое время про одного Тима Подорожника… — задумчиво произнес Тень, как-то особенно поглядывая на мужчину. — Пару годков назад… Говорили в Легионе, знатный полевой целитель был. Маг земли…

— Как видишь, не такой уж я и знатный… — не слишком внятно пробормотал Тим с полным ртом. — Едва самого себя из ямы вытащить сумел. А на других — сил не хватило.

— Ах вот в чем дело!.. — Я сделал вид, что тоже что-то в разговоре понимаю. — Теперь ясно, как тебе удалось выжить с шестью смертельными ранами.

— Целых шесть? — переспросил Подорожник. — Я думал, меньше…

— Ну значит, не врали люди, рассказывая о твоем умении.

— Просто повезло чуть больше, чем остальным… — пожал плечами маг. — Если б орки не закопали меня вместе с другими трупами в сырую землю, а бросили на угли, к примеру… то вряд ли я разговаривал бы сейчас с вами. Но и ран оказалось слишком много. Пока очнулся, пока сообразил, где нахожусь, спутники мои уже слишком далеко ушли по тропе смерти.

— И все-таки я так и не понял из твоих слов, целитель Тим: почему орки напали на обоз? — Тень вежливо и сочувственно кивал, но, как оказалось, о главном не забывал. — Какая причина оказалась сильнее страха перед яростью Креш-куруша? Они же не безумцы? Главный вождь чернолапых и за меньшие провинности на кол сажал…

— Я могу только догадываться… — Маг сделал паузу, вопросительно глядя мне в глаза.

— Ах да… Меня зовут Влад Твердилыч. Я — Защитник деревни Выселки. Эти воины — мои спутники. Тень и Щек.

— Защитник? — с сомнением переспросил Подорожник, явно ожидавший услышать что-то другое. — Ну ладно. Пусть. Так вот, я не уверен, но один из воинов нес магический посох. И когда каким-то образом понял, что я это почувствовал, закричал что-то вроде: «Убить всех! Никто не должен знать!». И пока мы замерли в растерянности, не понимая, что происходит, а староста Степной пытался что-то объяснить оркам, они набросились на нас с обнаженными ятаганами и порубили всех раньше, чем охранники успели выхватить мечи.

— А ты как же уцелел?

— У каждого уважающего себя мага всегда есть наготове хоть одно защитное заклинание. Его я и успел произнести быстрее, чем получил по голове и свалился без сознания. Шесть ран, говоришь? Ну по-видимому, они все же распознали во мне мага и рубили уже беспамятного… Чтоб наверняка. Спасли везение и случайность. С ними не было шаманки и некому было определить мою стихию. Поэтому и закопали в сырую землю… Ну а на дальнейшие вопросы вы и сами уже ответы знаете…

— Не все, целитель Тим, далеко не все… — покачал головою следопыт. — Но сперва поужинаем. Не только у тебя трудный день был. Командиру нашему на днях тоже неслабо досталось. Так что вначале — еда, а разговоры — чуть позже…

— Согласен, — кивнул маг. — Мне от людей скрывать нечего. Особенно от ветеранов Легиона. А там и в компанию к вам напрошусь. Возьмете с собой?

— Не ставь телегу впереди лошади, Тим Подорожник… — Я решил, что и командиру пора произнести свое веское слово. — Поживем — увидим… Полевой целитель — это важно, но мы тебя не знаем. Так что, как верно сказал наш следопыт, будем ужинать, знакомиться и думать.

Глава четвертая

Ужин — штука приятная во всех отношениях. И пусть мне сто раз напомнят, что вечерний прием пищи вреден для здоровья, пусть еще столько же раз процитируют древнюю поговорку о том, что завтрак надо съедать самому, обед разделять с другом, а ужин отдавать врагам, — я даже не почешусь. Тот, кто весь день на диване у телевизора провалялся, может следовать и таким советам, а каждый, кому доводилось прошагать и пробежать не меньше полета километров за светлое время суток, меня поймет. И завтрак, и обед — лишний вес. И никто в здравом рассудке перед марш-броском наедаться не станет. Другое дело — когда впереди маячит команда «Отбой»…

Вот только по совокупности факторов в сон после сытного ужина клонит, как от снотворного. Глаза слипаются, а рот просто разрывается и вот-вот вывихнет челюсть от непрестанной зевоты. Ну какие тут беседы? Самые говорливые кумушки и те разошлись бы по домам до утра.

Хорошенько подкрепившись и окончательно уверовав, что выжил даже в такой передряге, целитель Тим стал охотно рассказывал о себе.

Он действительно служил в Легионе, а когда император распустил вспомогательные части после заключения мирного договора, то с тремя боевыми товарищами осел в приграничных деревеньках. Двое — стали Защитниками, как я. Тим — продолжал заниматься целительством. А четвертый из компании — Велес Мох, триарий, мужчина в годах, чуть-чуть недослужившийся до ветеранского пенсиона, живет вместе с ним, на хуторе. Помогая по хозяйству и пасеке. За что Подорожник ему очень благодарен, поскольку мед и сотовый воск в медицине незаменимы, а самого целителя пчелы почему-то терпеть не могут. Видимо, пахнет он как-то неправильно, по пчелиному разумению.

Так они и живут. Линь Рыжий отстаивает в спорах интересы деревни Творожок. До сих пор ни разу не проиграв ни одного поединка и не позволив оркам увеличить дань сверх того, что положено законом. Добрило Тюфяк — не менее успешно противостоит посягательствам на свободы жителей Степной.

Промучившись в борьбе с дремотой до того места, когда Подорожник стал объяснять, что выбрался в путь с обозом скорее случайно, чем преднамеренно: травок целебных надумал в степи поискать — я предложил всем отдыхать. Мол, интересная беседа и разговорчивый спутник скрасят любую, самую длинную и

трудную дорогу. Тем более что целитель Тим вполне серьезно набивался в попутчики. А плохо выспавшийся воин опасен как для окружения, так и для себя самого. Потому что тупеет и теряет сноровку.

— Верно говоришь, командир, — поддержал меня Тень. — Ложитесь, братцы, отдыхать. Подежурю. После полуночи подниму Щека. Перед рассветом сменю его еще раз. И не сомневайся. Я же и в Мрачной роще не был, и в могиле не лежал — силенок хватит. Да и отоспался я, пока ты хворь из меня не выгнал… На год вперед.

— Хворь? — заинтересовался Подорожник.

— Завтра… — тут же пресек я возможный очаг возгорания новой беседы. — Хорошо, Тень. Действуй. Но если перед рассветом почувствуешь, что можешь уснуть — поднимай меня без церемоний. Договорились?

Следопыт кивнул. Может, и хотел что-то еще прибавить, но дальнейшее меня уже особенно не интересовало. Сон навалился всей тяжестью, мягко и беспощадно подминая сознание, не оставляя ему ни единого шанса для сопротивления…

Я шел по песчаной косе, далеко выдающейся в море. Тонкая, выгоревшая под жаркими солнечными лучами, шуршащая под ногами полоска шириной всего в полтора-два десятка шагов уходила куда-то за горизонт, разделяя огромные емкости, наполненные самим Создателем — на море живой и море мертвой воды.

Справа от меня плескались самые обычные морские волны Азова. В меру загрязненные химическими и другими отходами жизнедеятельности человека, но все еще дающие приют и пищу множеству иных организмов крупнее инфузории туфельки. А вот слева…

Слева тяжело, едва переваливаясь с боку на бок, шевелились мертвые воды Сиваша. Места, в котором словно бы собралась горечь слез всего человечества. Ну или хотя бы той ее части, кому ближе сюда, чем к Аль-Бакр Аль-Маййиту. Легкий бриз, налетая с акватории Живого моря, навевал мысли о белоснежной яхте, стремительно рассекающей глазурь воды под раздувающимися парусами. О стайке любопытных и веселых дельфинов, поблескивающих лоснящимися черными боками, играющих в догонялки с собой и легким суденышком. От этого на душе становилось радостно и легко, как в тот вечер, когда я возвращался домой с первого свидания…

Но как только ветер менял направление, гниль разложения пачкала все, словно кто-то бесцеремонно и бессмысленно возил грязной половой тряпкой по чисто вымытому окну. И ликование

сперва уступало место досаде, разочарованию, а потом и скорби по безвозвратно потерянному счастью.

«Все пройдет», — когда-то давным-давно, отчего многие даже не помнят по какому поводу, сказал мудрец. И как положено мудрецам, оказался прав… И не потому что та девушка больше не пришла на свидание, встретив и полюбив другого парня, а потому что первый раз — он единственный и неповторимый именно потому, что первый. Были еще многие встречи, свидания и мгновения счастья, но такой чистой, возвышенной радости я больше не испытывал ни разу…

Я понятия не имел, как и зачем оказался посреди Арбатской стрелки, куда и откуда иду и что ждет меня в конце пути. Обнадеживало одно — я шел по песку. И судя по тому удовольствию, которое испытывали босые ступни, песок считал меня своим. Раскаленный до белизны он не обжигал кожу, а ласково согревал, придавая сил и уверенности в том, что дойду. И что иду не напрасно. Там, за горизонтом, куда еще не достигает взор, меня ждут… С нетерпением и любовью.

— Командир, утро скоро…

Голос Тени вплелся в сновидение тихим шепотом волн и ветра так гармонично, что я не сразу понял.

— Поднимайся. Поговорить надо…

Я открыл глаза, с сожалением меняя панораму двух морей и песчаную косу на предрассветную, укутанную легкой мглой зелень рощи и аромат разогреваемой у костра кровяной колбасы. Запах все еще приятный, но уже ставший слишком привычным для возникновения неконтролируемого желания жрать, жадно глотая, даже толком не прожевав, истекающие горячим соком и жиром колбаски. Вот удружили гоблины. Чтоб такое царское блюдо в разряд обыденности перевести!..

— Крепко спишь…

— Есть маленько. — Я непроизвольно поежился от утренней сырости, еще не слишком бесцеремонно и настойчиво, но уже пробирающейся за воротник.

Лес не поле, тут роса на верхушках крон оседает, но и на долю полянки тоже влаги хватило. Провел по траве ладонью, и когда та увлажнилась как следует, произвел процедуру умывания лица. Сон неслышно вздохнул и окончательно улетучился с глаз.

— С детства люблю в кроватке поваляться. Колбаса не подгорит?

— Нормально. Не впервой… Присаживайся к огню.

Я перебрался ближе к костру и, где-то вопреки собственным мыслям, сцапал ближайший к себе прутик с нанизанными на нем кусками кровянки.

— Ммм… вкуснотища… Давай выкладывай, о чем посекретничать хотел?

— О целителе Тиме.

— А что с ним не так?

— Наоборот, я думаю, надо ему рассказать все, что мы об этих орках знаем. Он же маг. Настоящий, хоть и полевой. Силу того посоха сразу учуял. Может, поймет и остальное, если мы ему верный след укажем?

— Не возражаю… Хоть и не слишком люблю всяких чародеев, но если целитель да еще и ветеран Легиона…

— Простите, парни, но я тоже не сплю… И слух у меня хороший.

Целитель Тим приподнялся, подтверждая сказанное.

— Не хочу, чтобы вы сами заметили и решили, будто подслушиваю.

— Как себя чувствуешь? — поинтересовался я. А чего? Правила вежливости никто не отменял. А вовремя сказанное доброе слово уменьшает количество недругов и расширяет круг приятелей.

— Спасибо. Вполне.

— Ну и нечего валяться… — В таких ситуациях важно не переборщить. Слишком хорошо — не слишком хорошо. Я чай не медсестра, и мы не в лечебнице для тяжелобольных. Вообще-то все мужчины любят, чтобы за нами ухаживали и внимание демонстрировали, но при этом жутко боятся расслабиться и потерять с таким трудом приобретенную суровую мужественность. Так что всякого, кто начинает слишком сладко стелить, мы сразу записываем в диверсанты-подрывники моральных ценностей и устоев. И реагируем соответственно.

Судя по выражению, промелькнувшему на лице Подорожника, легионеру-целителю нарочито грубоватая манера общения командира с подчиненными тоже была близка, знакома и понята.

— Иди к нам. — Я продолжал распоряжаться. — Ешь, пей и рассказывай… Или — слушай, что мы рассказать можем…

* * *

Подорожник выбрал второй вариант, наглядно набив рот колбасой.

— Угу… — Я понимающе кивнул, поскольку и сам жевал. — Тень… Ты уже сыт, как я погляжу. Тогда поведай нашу историю гостю. В конце концов, это в основном были твои выводы.

— Хорошо… — Следопыт посмотрел на оставшуюся парочку колбасок, сиротливо греющихся у костра, потом на сладко спящего парнишку и полез в котомку. Вынул оттуда еще несколько кусков кровянки и стал пристраивать их у огня. — Щеку… — объяснил коротко. — Можно и рассказать… Целитель Тим, мы сюда не просто так пришли, а по следу орков. Тех самых, что обоз порубили. Хотя прежде чем на их след наткнулись, совсем другие планы имели.

Целитель постарался максимально выразить заинтересованность, насколько это можно проделать с набитым ртом. То есть распахнул шире глаза, дернул подбородком и поощрительно замычал.

— Почему? — перевел его мимику следопыт.

Подорожник кивнул.

— След они очень необычный оставили…

Я подумал немного и решил, что пока Щек проснется, уже и следующая порция кровянки разогреется. Но чтоб завтрак не превратился в уничтожение колбасок, достал из вещмешка пару лепешек. Вслушиваться в подробности рассказа нужды не было. Тень даже если б и захотел приврать, то вряд ли сумел бы. Как я успел заметить, бывший рейнджер страдал полнейшим отсутствием воображения. Он воспринимал мир только таким, каким мог его видеть. Может быть, благодаря этому и подмечал любые изменения в его облике.

— Огненный посох, говоришь? — взволнованно переспросил Подорожник.

— Да.

— И нес его воин?

— Ты же сам видел.

— Точно… — хлопнул себя по лбу целитель Тим. — Что-то я… А шли они со стороны Гномьих гор?

Тень вздохнул.

— Мне что, все еще раз и сначала пересказать?

— Нет-нет… — Подорожник вскочил на ноги, словно собирался куда-то бежать, но постояв немного, плюхнулся обратно на землю. — Вы понимаете, что это может означать?

— Не будем играть в загадки, целитель Тим, — включился в беседу я. — Знаешь ответ, говори!..

— Я не могу быть уверен до конца. — Подорожник почесал затылок, потер переносицу и произвел еще несколько манипуляций, свидетельствующих об озадаченности и усиленном мыслительном процессе. — Да… Но очень многое, а в особенности тот факт, что чародейский посох нес обычный воин, указывает на то, что оркам каким-то образом удалось заполучить

ключ к башне Пяти ветров!

— А что это за башня?..

Вопрос задал не я. Оказывается, в этом мире и кроме меня имеются еще люди, не посвященные в тайны орков. То, что этим непосвященным оказался Щек, меня не слишком взволновало. Главное, спросил. Но, по-видимому, я все же не успел вовремя напялить на лицо подходящее случаю выражение.

— Как, вы не знаете легенды о башне Пяти ветров?

— Целитель Тим, поверь, если вместо того чтобы каждый раз переспрашивать, ты просто все расскажешь сразу — это сильно упростит и ускорит нашу беседу. Ведь, я так понимаю, этот самый ключ хорошо бы отобрать у орков и вернуть на прежнее место хранения? Или ошибаюсь?

— Да, Влад… Ты прав.

Экономя время, я не стал уточнять, в чем именно. В том, что разговор быстрее покатится, или в том — что придется отбирать посох.

— В общем-то, по той степени серьезности, с которой к ней относятся орки — это даже не легенда, хотя и история очень давняя. По всей видимости, произошедшая еще до появления человека.

— А разве такие времена были? — опять не удержался Щек, приободренный тем, что его предыдущее вмешательство в разговор взрослых обошлось без замечания. Но на этот раз вместо объяснения получил от следопыта подзатыльник и на всякий случай сунул в рот лепешку. Логично, она менее вкусная, можно дольше жевать.

— Были… Но сейчас не об этом. Всем хорошо известно, что каждой старшей расе присуща одна отличительная черта характера. Гномы невероятно трудолюбивы. Эльфы — хитры. А орки — воинственны. И только благодаря тому, что умный орк нечто невероятное, степные братья не смогли завоевать весь мир. Максимум, на что они способны — совершить набег. Потому что любая их орда, в которую они соберутся больше чем двумя племенами и дольше чем на одну седмицу, обречена на лютую междоусобицу. И решение внутренних проблем немедленно одерживает верх. А потому любой поход против внешних врагов орков заканчивается раньше, чем орда покинет пределы степи.

— Это правда, — подтвердил Тень, опережая рвущийся из Щека очередной вопрос.

— Поэтому появление умного орка-воина, способного сплотить все племена, стало бы бедой, масштабами сравнимой с Всемирным Потопом. Бедствием, которое могло бы поставить на грань вымирания все остальные расы. И когда это однажды

случилось, эльфы и гномы объединились, чтобы сообща противостоять этому… — Целитель Тим понизил голос, словно собирался поведать нам страшную тайну.

— Пытаться воевать с Ордой — затея бессмысленная изначально. Да они и не собирались. Эльфы придумали более изощренный и хитрый способ уничтожить Оркгрима Мудрого. А мастеровитые гномы воплотили их план…

Подорожник перевел дыхание и с благодарностью принял от меня флягу.

— Спасибо… Так вот. Хитрость заключалась в том, что в орду были отправлены послы от обеих рас, которые объявили, что и эльфы, и гномы готовы преклонить колени перед вождем орков. Но поскольку присягу верности придут приносить главы родов, которые требуют особого почета, оркам было предложено заключить перемирие на один месяц. В течение этого времени гномы обязались в любом указанном орками месте построить некую башню. Где их вождю — Оркгриму Мудрому незазорно будет принять старейшин других рас. А те, в свою очередь, без урона для чести смогут принести вассальную присягу не посреди голой степи.

— Угу, и поскольку мы сейчас об этом говорим, можно предположить, что орки согласились?

— Согласились… — кивнул целитель Тим. — Гномы быстро возвели обещанное здание. Да такое великолепное, что, по описанию очевидцев, глядеть на него солнечным днем не прижмурясь нельзя было ни вблизи, ни издали. Башня сверкала, как горный хрусталь или глыба льда. В общем, Оркгриму Мудрому столь наглядное признание его силы и власти понравилось. И он вошел внутрь башни, дожидаться прибытия будущих вассалов. Вот тогда ловушка и захлопнулась. Гномы заперли дверь на такой замок, который без их ключа невозможно открыть. А эльфы на всякий случай, союзниками ведь они временными были, наложили поверх башни еще и свое охранное заклятие. И каждого, кто осмелится приблизиться без соответствующей защиты, разметает по миру на пять ветров…

— А теперь, значит, орки каким-то образом сумели этот ключ раздобыть и хотят своего вождя освободить? Чтобы великий и ужасный Оркгрим снова объединил племена и повел их на завоевание мира. Именно теперь, когда и империя людей и все другие расы ослаблены затяжной войной и еще не восстановили силы.

Подорожник промолчал, но его удрученный взгляд был гораздо красноречивее любых слов.

* * *

«И как ты считаешь, Эммануил? Можно ему верить? Не сочиняет целитель?»

«Это тебе решать, Влад».

«Не понял? А как же наш уговор? Насчет арендной платы? Извини, что напоминаю. Ты же обещал помогать».

«Влад. — Дух сделал небольшую паузу, явно подбирая наиболее весомые и не слишком обидные аргументы. — Если я буду указывать, как лучше действовать, то очень скоро это надоест и тебе, и мне. Тебе станет скучно жить, а мне — смотреть. Ведь самое важное, что Создатель сделал для человека — это предоставил вам свободу выбора. Как только она исчезнет, пропадет и вкус к жизни. А оплата… Скажи мне, что это за кусты рядом с телегами?»

«Гоблинов завтрак. А что?»

«И что в них необычного?»

«Листья ядовитые, и голой кожей к ним лучше не прикасаться. Зато корневище, если запечь в углях, вполне съедобно».

«Угу. А почему нельзя есть яйца зеленохвостого урча?»

«Ослепнешь…»

«Вот как? И откуда ты все это знаешь, Влад? Ведь в твоем мире ничего подобного нет?»

«Извини, Эммануил. Я понял…»

«Забыли. Но чтобы больше к этому никогда не возвращаться, немножко поясню. Я вложил в твою память огромный объем информации об этом мире и мироздании вообще. Просто до сих пор у тебя не было надобности в этих сведениях. Или ты пользовался ими, сам того не замечая. Как теми умениями, что передал твой тезка…»

«Я действительно все понял. Извини еще раз… Скажи лучше: Влад Твердилыч теперь со Шведом или…»

«Или. Покойный легионер из этого мира, чье место ты занял, вернулся к пиршественному столу Героев. Но ведь тебя больше не он, а Николай Шведир интересует, верно? Не волнуйся, с ним тоже все в порядке. Бывший прапорщик успешно осваивается на новом поприще Смотрителя каналов Силы, привыкает к обязанностям и возможностям трикстера. Одним словом — вливается и притирается».

«Дома он хоть успел побывать? А то мне сон какой-то не очень приятный приснился».

«Да, успел. Там тоже все в порядке. Родителей он успокоил… но я думаю, право рассказать подробности лучше оставить

самому Шведиру. Тем более что он вскоре объявится. В смысле на днях».

«Ну спасибо. Как гора с плеч… Значит, говоришь, если подскажешь — неинтересно станет?»

«А какой прок от куклы, которой сам же и управляешь? Именно поэтому я не читаю твоих мыслей, а только наблюдаю. И весь резон в том, Влад, что ты хоть отчасти, но непредсказуем».

Поза роденовского мыслителя полезна не только тем, что демонстрирует окружающим глубину сосредоточенности, но и прикрывает лицо. Можешь даже спать, и если не захрапишь, мимика не выдаст, чем ты занят на самом деле.

Вот и сейчас, видя, что командир задумался, и не зная, что происходит на самом деле, мои спутники терпеливо ждали плодов моих размышлений.

— Ну что ж, братцы… — Я провел традиционный обряд умывания одной ладонью, как бы демонстрируя снятие усталости от трудных дум. — Похоже, нам с вами реально предстоит разобраться с этим ключом-посохом. А потому действовать будем следующим образом… — Соответствующая пауза, дающая время собеседникам настроиться и внимать. — Во-первых: поскольку путь наш лежит в глубь орочьих земель, соваться туда нахрапом чистое самоубийство. Орки хоть и не блещут умом, но все же воевать умеют. И если шли так скрытно, что даже обоз с предназначенной для них же данью истребили, засаду для возможных преследователей наверняка оставят.

Тень кивнул.

— А это значит, что когда нас обнаружат в степи, мы должны иметь очень веские причины для объяснения: с какой целью пожаловали. Как вы считаете, за кого бы нам себя выдать?

— Лучше всего за купцов, — первым отозвался Подорожник. — Им везде рады. Вон даже телеги с товаром остались. Жаль, орки волов угнали… На себе много не унесем.

— Насчет купцов я согласен, а телеги, да еще волами запряженные — это обуза. Нет, у меня найдется идея получше. Прежде чем отправиться на юг, завернем в гости к крестнику. Тем более что мы туда и шли. Если он не хвастался, в чем я сильно сомневаюсь, поскольку для этого у тролля слишком мало ума, он обеспечит нас необходимым товаром… Для которого и небольшой отряд в сам раз, и транспорт не требуется. А покупатели даже в степи найдутся. К тому же — не среди голи перекатной, а только среди вождей да шаманов из тех, у которых деньги водятся.

— Уже интересно… — хмыкнул Тим.

— Кстати, сам-то ты не передумал, целитель? С нами

пойдешь или как?

— Если примете, пойду.

— Приключений ищешь? Не навоевался?

— Мне какую-то убедительную причину придумать или честно ответить?

— Хотел бы байку услышать, так и спрашивать бы не стал. Сам сочинять умею. Говори как есть…

— Гм. — Тим Подорожник дернул мочку уха. — Сидеть сиднем на хуторе да болячки лечить не то, о чем я всегда мечтал. И не то, для чего в Легион вступал… Да, ты прав… командир. Скучно мне. Сам видишь, даже в обоз с данью напросился под предлогом сбора трав степных, только бы убраться куда подальше. Но… — Полевой маг посерьезнел. — Не только это. Башня Пяти ветров очень серьезная угроза. И мы должны разузнать обо всем как можно больше. Если орки что-то затевают, наш долг предупредить императора.

— Добро, — кивнул я. — Причина засчитана. А можем мы тебе доверять или нет, поживем — поглядим. Кстати, об императоре. Что с нами в разведке случится, мы знать не можем. Дело военное — сегодня жив, а завтра как получится. Но известие о ключе к башне вместе с нами пропасть не должно. Щек!

— Да? — Парнишка смотрел с готовностью.

— Тебе поручается самое важное на сегодня задание. Передать старосте Выселок Ярополку Титычу все то, что ты здесь слышал.

— Я хотел… — Парнишка вмиг растерял весь задор.

— Отставить нюни, боец! И не перебивай старших. Мы идем к Ущелью троллей, ты — стрижом летишь в деревню. Хочешь отправиться с нами к оркам? Перебирай ногами быстрее. Мы будем гостить у троллей не меньше суток. Большую часть дороги ты знаешь, плутать не будешь. Успеешь, уложишься в два дня и две ночи — возьмем с собой и в степь.

— Спасибо! — Парнишка вскочил на ноги, готовый бежать прямо сейчас. — Вот увидите, я мигом.

— Ну тогда хватай мешок с едой. Тень, присмотри…

Но следопыт уже и сам проверял содержимое котомки Щека. Какой-то сверток вытащил, а вместо этого добавил свою флягу и вручил котомку парнишке.

— Готово. Держи, хлопец. Запомни вес и на обратный путь лишнего тоже не бери. И не надрывайся. Времени достаточно. Успеешь. Спать в деревне ложись. В степи не рискуй. Если совсем невмоготу станет, взберись на что-нибудь — камень, низкую ветку — и вздремни. Уснешь крепче — свалишься. И отдохнешь немного, и не проспишь. Понял?

— Да. Спасибо.

— Подожди… — Тим Подорожник подошел к парню и прикоснулся ладонями к его вискам. Потер немного и перенес руки на лоб и затылок. Выждал какое-то мгновение, потом удовлетворенно кивнул. — Так лучше…

— Ух ты! — Парнишка удивленно прислушивался к ощущениям. — Во мне словно бурлит что-то. Ноги не стоят на месте… — и для наглядности тут же подпрыгнул.

— Ну тогда вперед, боец. — Я коротко отсалютовал ему. — Удачи!

Щека и в самом деле словно из лука выстрелили, залопотал, как поднятый заяц.

— Бедовый парнишка, — проводил взглядом целитель. — Вы и в самом деле возьмете его к оркам?

— Если есть характер, возраст не помеха, — вместо меня ответил Тень. — А рядом с нами ему не так много опасностей на самом деле и угрожает. Зато настоящим воином вырастет.

— Командир… — Подорожник подошел ко мне. — Давеча следопыт сказывал, тебе недавно тоже изрядно досталось? Разреши взглянуть?

— Почему нет?.. — Я пожал плечами. — Раз уж мы заговорили о доверии, надо с чего-то начинать.

— Спасибо…

Подорожник тряхнул кистями, словно сбрасывал с рук воду, а потом приложил ладони к моей голове… Левую — ко лбу, правую — к затылку. Выждал пару секунд, опустил руки и обескураженно произнес:

— Странное ощущение… Влад Твердилыч, а ты сам не маг?

— Нет…

— Чудно… Никогда раньше подобного не встречал. А я же полевой целитель, удержал и поднял не одну сотню легионеров.

— И что со мной не так?

Тим Подорожник хмыкнул.

— Я не уверен, но похоже, что внутри тебя находится источник собственной силы, не нуждающейся в сторонней подпитке. Она не враждебна моей, но заполняет тебя настолько, что больше вливать некуда.

— Вот и хорошо, от твоих способностей другим больше достанется, — отмахнулся я преувеличенно небрежно. — Не бери в голову, целитель Тим. Будет время, побеседуем и на эту тему. Дорога к башне Пяти ветров, как я догадываюсь, нас ожидает длинная. И дело не только в расстоянии. Верно?

Глава пятая

Где родился, там и пригодился. Сто раз слышал эту присказку, но никогда над нею толком не задумывался, и лишь миновав опушку и наконец-то нырнув в тень деревьев, впервые осознал и прочувствовал смысл слов, так сказать, сполна…

Нет, я ничего не имею против просторов степи. Кроме невольного сожаления, что природа не наделила меня крыльями, да и на лишнюю пару ног поскупилась. Люблю посидеть с удочкой на берегу тихой заводи и, позевывая, глядеть на поплавок, решая в уме архиважную задачу: выпить уже или дождаться первой поклевки? Да и морской пейзаж мне нравится наблюдать, особенно когда количество туристов не зашкаливает по плотности лежбище тюленей. Из-под тента летнего кафе, с бокалом холодного пива в руке и аналогичной перспективой на неопределенное время. Точнее, пока не обрыднет. К горам отношение двоякое… Зависит от того, где они расположены, и от типа ландшафта.

Но лес — это моя стихия. Тут я дома. Причем не просто в абстрактном помещении, а в том самом доме, где и стены помогают. Которое, если что — может стать и местом отдыха, и самой неприступной крепостью.

Тут даже дышится иначе. И не надо втирать о количестве свободных ионов кислорода, которых в лесу, особенно хвойном, на порядок больше, чем в степи, и тем более местах скопления мне подобных. Все это так, но в то же время и чуть-чуть иначе. Лес любит человека… если только тот сам не предаст его. Так что может жизнь вообще и зародилась в океане, но человечество возникло не раньше, чем добралось до зеленых насаждений. Правда, там оно, в первую очередь, присмотрело себе дубину поувесистей…

Красиво загнул! А чего, пусть Эммануил узнает, что не абы кого оседлал. А, так сказать, философа и поэта. Даже если только в латентном состоянии.

«Можешь не усердствовать… — Тихий смешок стал мне ответом. — Я в курсе, что личность ты незаурядная и где-то в чем-то вполне уникальная. Так что не отвлекайся…»

Ну вот… Захочешь открыть душу, а тебя сразу бац по башке, не выпендривайся и не ломай строй.

— Кто там шагает правой? Левой. Левой…

Чащу, в которую мы вломились как стадо кабанов, спасаясь от хлынувшего ливня, назвать лесом было трудно. Не знаю, что в глубине, но опушка выглядела так, словно ураганы, буреломы и

смерчи устроили здесь полигон и выхвалялись друг перед другом, что еще можно сотворить с деревом, если его достаточно долго и упорно гнуть, крутить и мочалить.

— Верная примета, что мы уже близко не только к Скалистым горам, но и к ущелью Троллей, — оценил состояние леса Тень.

— Так это что, их лап дело? — дошло до меня.

— Ну да, — кивнул Подорожник. — Предупреждение для всех остальных. А что, не впечатляет? Лично я, кабы не надобность, точно проехал бы мимо, да еще и остальных подгонял, чтоб зря не мешкали.

— Отчего так? — Я и в самом деле не мог понять. — Мой знакомец вроде вполне нормальный был. Ничего ужасного.

— Видишь ли, Влад Твердилыч, скорее всего, это потому, что крестник твой молодой очень, — объяснил целитель. — Характер у троллей с возрастом портится. И чем старше они, тем злее. А поскольку живут очень долго, сам понимаешь — доброго тролля встретить сложно. Впрочем, справедливости ради замечу: миролюбивые они все-таки бывают… когда сытые. Но сытый тролль обычно спит, а поэтому тот, кого мы можем встретить, обязательно окажется голодным.

— Ага. — Тень осклабился. — А едят они все, что могут разжевать… Вместе со шкурой или одеждой. Ничего, целитель Тим… Не нагоняй ужас на командира. Бегаем-то мы быстрее чудищ, так что все не так печально.

— Расслабились? — Я состроил зверское лицо. — Вот и славно. А теперь колонной по одному, Тень направляющий, вперед марш. И не растягиваться…

— Как прикажешь, командир. — Тень с Подорожником переглянулись.

Любознательный целитель по дороге успел вытянуть из следопыта всю известную тому обо мне информацию и уже знал, что я из «пантер», отряда, специализирующегося на борьбе с эльфами. А потому о повадках троллей должен иметь самое общее представление.

— Только давай сразу условимся, кому в какую сторону разбегаться. Чтоб сутолоки не создавать.

— Я так понимаю, что кое-кто хочет договориться до сотни приседаний и отжиманий… каждому.

— Упаси Создатель. — Глаза Подорожника искрились смехом. — Разумная предосторожность, не более.

— Тим, хватит. — Я тоже улыбнулся, давая понять, что шутку оценил, но всему есть мера. — Тролль не клещ, за воротник не упадет. Прежде чем он нас увидит, мы его много загодя услышим. Если только некоторые целители в поисках трав не оглохнут и не

ослепнут настолько, что наступят ему на ногу.

— Вот, знай наших, — засмеялся Тень. — Ну что, целитель Тим? Съел? Как тебя командир в лужу макнул? А я предупреждал… Влад Твердилыч из «пантер», а не линейный щитоносец.

— Вижу, — кивнул Подорожник. — Но мне тоже надо было убедиться.

— А, так это был тест на тупость командира?.. — дошло до меня. — Добро. Не вопрос. Только и ты, целитель Тим, при случае не обижайся. Долг платежом красен. Мне ведь тоже надо убедиться: кого под свое начало принял.

Теперь следопыт рассмеялся еще громче.

— Все, Тим, я тебе сочувствую.

— Себе тоже… Припомню, если случай подвернется. Для порядку. — Я насупил брови. — Будешь знать, как заговоры устраивать.

— Командир. — Смех и веселость сразу куда-то подевались. Видимо, вспомнил годы службы. Легион или другие войска, а сержантский состав везде одинаков и не любит, когда над ними подшучивают. — Да я… Да никогда…

— Правильно. Чтоб уж точно никогда. Чтоб наверняка…

Выдержал многозначительную паузу и улыбнулся.

— Все, парни, забыли. Вы пошутили, я посмеялся. Заодно и вас повеселил. Давай, Тень, веди. Если и в самом деле недалеко до жилища троллей, то хотелось бы еще засветло к ущелью добраться. Ну а если увидишь кого выше нас ростом, кричи «Дарящий Деревни, к тебе Друг пришел». Авось и не съедят сразу…

— Понял. Буду глядеть в оба, а если что — орать, как на пожаре, — облегченно вздохнул следопыт.

Тень поправил лямки вещмешка, привычно подпрыгнул пару раз, проверяя, хорошо ли лежит снаряжение, перехватил копье в правую руку и шагнул в чащу… Мы с Подорожником — следом. Стараясь держаться поближе. Потерять друг друга из виду в таком переплетении ветвей и кустарника можно было всего в трех шагах. Тем более что следопыт, в отличие от упомянутых горных великанов, умел передвигаться любыми дебрями совершенно бесшумно. Мне даже казалось, что тот шорох, который я время от времени слышал впереди, Тень специально производит для нас с целителем. Чтоб не потерялись, типа…

* * *

Первого тролля мы и в самом деле услышали гораздо раньше, чем увидели, и благополучно свернули в сторону. Очень уж свирепо он шел. Валежник под ногами великана рассыпался в пыль, издавая звук, больше напоминающий последний вздох. Да и живые ветки, преграждающие путь троллю, судя по доносящемуся до нас скрипу и треску ломающейся древесины, постигала та же участь. Нет, существо, пребывающее в таком скверном настроении, вряд ли стало бы отвечать на наши приветы. А начинать визит с драки как-то не с руки. Даже если убедить себя и поверить, что мы втроем могли бы совладать с таким исполином.

Приняв в сторону, мы позволили сердитому троллю проследовать своим путем, а сами остановились в раздумье. Целитель Тим с Тенью ждали моего решения, а я, признаться честно, немного растерялся. И было отчего… Не имея раньше дела с троллями в их, гм… естественной среде обитания, даже не представлял себе: где и как искать нужную особь? Ага, прямо как европеец, не обремененный знанием иероглифов, заброшенный ночью на парашюте в центр Шанхая.

«В Москве человека найти нелегко, когда неизвестна прописка…» — очень в тему вспомнилась строчка из старого кинофильма. В тему и с издевкой…

А с другой стороны, если нет вариантов, чего голову ломать? Погоняй до яма, а там будем посмотреть…

— Ладно, топаем дальше. Лукавить не буду — я не имею ни малейшего представления о том, где искать своего знакомца, но тут мы его точно не дождемся. Так что не расслабляться.

— А может, покричать? Позвать его? — неуверенно предложил Тень. — Как только заслышим очередного приближающегося тролля.

— Почему нет… — кивнул я. — Будем пытаться. Если только он еще помнит свое имя. Сами знаете, у троллей с этим худо. Но всяко бывает. Короче, как появится кто — орите Дарящий Деревни, к тебе Друг идет…

— Как? — Подорожник даже рот разинул. Видимо, когда я первый раз упоминал имя тролля, Тим о чем-то другом думал.

— Со слухом туго? — проворчал я.

— Потом расскажу, — ткнул целителя в бок следопыт. — Это долгая история. Смешная…

— А раньше чего молчал?

— Так ты же своими расспросами слова не дашь вставить, — усмехнулся Тень.

— Все? Успокоились? — пресек я в зародыше начинающуюся перепалку. — Тогда вперед… Слушать в оба, орать, как

ошпаренные…

— Есть, командир.

Ответили дружно. Это радует.

Чтобы не блуждать и не пробиваться сквозь буреломы, а также рассудив, что встреченный нами тролль, скорее всего, шел от ущелья, вышли на проделанную им просеку и минут пятнадцать продвигались со всеми удобствами. В том смысле, что никакие кустарники не хватали нас за рукава и штанины, веткам не приходилось кланяться, а корни не норовили сделать подножку. И все это результат единственной «прогулки» горного великана? Как же они тогда вообще не вытоптали всю растительность на корню? Значит, либо лес приспособился к сосуществованию с таким соседом и научился быстро залечивать раны, либо троллей в этом районе не так уж и много.

Наверняка второе предположение ближе к истине. Крупные животные редко держатся большими группами. Опасаться им некого, а порознь проще добыть пропитание. Тогда почему именно это ущелье назвали Тролльим? Что-то же держит великанов именно в этом районе Скалистых гор, как эльфов в Великом лесу, гномов в Гномьих горах, а орков — в степи.

Отдаленный, но характерный треск хвороста вынудил меня отодвинуть недодуманную до конца мысль на задворки памяти. Да и спутники так рьяно принялись выполнять предыдущую команду, что аж уши заложило.

— Эй! Дарящий Деревни!!! — вопили оба в две глотки. — К тебе Друг пришел!

— О-го-го! Дарящий Деревни! Встречай Друга!!!

Какое-то время лес отвечал тишиной. Я уже решил, что в вытащенном лотерейном билете написано «Играйте дальше», но судьба, видимо, по-прежнему причисляла меня к редкой категории тех, кому везет. И поскольку я определенно не пьяница, вывод не слишком утешительный.

Впрочем, даже такой невеселый психоанализ не помешает мне пользоваться предоставляемыми бонусами.

— Друг?! — Радостный рев стал ответом на наши крики. — Друг?!

Нарастающий треск лавиной понесся в нашу сторону. Тень с Подорожником на всякий случай отступили за самые толстые деревья, а я храбро остался на виду.

Молодой тролль выскочил на просеку с завидной прытью. Я даже не думал, что такая махина может столь быстро передвигаться. А приятно, черт побери! Это же значит, что он не только меня помнил, но и обрадовался нашей встрече…

— Стоп! Обниматься не будем! — Я спешно попятился. —

Раздавишь!..

— Извини, Друг… — Тролль попросту плюхнулся на задницу, благодаря чему наши лица оказались на одном уровне. — Рад тебе. Ждал…

— Правда? А я думал, ты женился. Значит, скучать не должен…

— Женат. Да…

Если бы я разбирался в физиогномике троллей, то решил бы, что счастья его морда при этом не излучала. Ни капельки.

— Значит, не зря все твои приключения? Помогло достойное имя в выборе невесты?

— Помогло… — вобрал голову в плечи тролль.

— Что-то не вижу радости.

— Я тоже. — Дарящий Деревни вздохнул. — Хорошо, что Друг пришел. Сам хотел к тебе. Друг умный… Друг поможет.

— Вот как? Тогда рассказывай. Неужто так все плохо. Не понравилось быть женатым?

— Понравилось. Сначала. Потом — нет…

— Вот ты о чем. — Я не сдержал улыбку. — Ну что поделать. Порой так случается. Первый месяц после свадьбы люди потому и назвали «медовым», что сначала все счастливы, а потом — кому как…

— И что они делают с женами? Те, кому достался не мед, а как?

— По-разному. Одни смиряются, привыкают и живут вместе до самой смерти. Другие — уходят или жен выгоняют. А что тебе не подошло? Что в супружестве не понравилось?

— Еда…

— Готовит плохо?

— Нет. Они все время посылают меня за едой.

— Они? — Я удивленно присвистнул. — Так у тебя что, не одна жена?

— Была одна. Мама выбрала. Но мне не нравилась… Она некрасивая совсем.

«Фига себе! Какой же уродиной надо быть, чтобы даже по меркам тролля попасть в разряд некрасивых!»

— А зачем женился?

— Мама велела… — Дарящий Деревни пожал плечами. Похоже, для тролля приказ матери настолько веская причина, что в дополнительных объяснениях не нуждается. — Но я ее сразу выгнал.

— То есть? Отказаться от женитьбы не мог, а выгнал без проблем?

— Когда жена — то можно. Я решаю…

— Интересное толкование прав. Вообще, насовсем прогнал?

— Насовсем нет. Пока она помнит. Потом вернется… А если я вспомню, что она мне не нравится, опять выгоню.

— Занятно. А другие жены откуда взялись? И сколько?

Тролль показал три пальца, потом один — указательный согнул. Видимо, вспомнил, что первую выгнал.

— Ого, а ты не перестарался? Не слишком много?

— С таким красивым именем? — удивился Дарящий Деревни. — Нет…

— И уже с ними у тебя не сложились отношения. Я правильно понимаю?

— Да. Они красивые, но все время только о еде твердят. Как только увидят меня, так начинают кричать: «Супруг, найди еду».

— А ты не можешь ее найти?

— Могу… — Тролль обиженно засопел. — Нахожу. Поем. Посплю. Возвращаюсь… А они опять орут: «Супруг, мы хотим есть! Найди еду».

* * *

Признаюсь честно, я давно так не ржал. Буквально хватаясь за живот и перегибаясь пополам. Дарящий Деревни что-то проворчал с досадой, но поскольку ему была нужна моя помощь, стерпел. Бедняга. Видимо, жены всерьез его достали…

Видя, что встреча сторон проходит в теплой и дружественной обстановке, Тень и целитель Тим осторожно высунулись из своих укрытий. Дарящий Деревни тут же заинтересованно принюхался.

— Это тоже друзья. — Я назидательно помахал пальцем. — Мои друзья. А значит — твои тоже.

— Много друзей — мало еды, — не слишком обрадовался тролль.

— А вот тут ты ошибаешься. Тим, давай сюда наше угощение…

Подорожник приблизился и с некоторой опаской протянул троллю специально захваченный для этого из обоза кочан капусты.

— Тень…

Следопыт встал рядом со мной с другой стороны, держа в вытянутой руке целую хлебину.

Дарящий Деревни аккуратно забрал подношение и тут же принялся поглощать пищу, довольно урча, как танковый мотор на холостых оборотах.

— Так что твое правило ошибочное, — продолжил я общение

в одностороннем порядке, пока тролль был занят более важным делом, чем беседа. — Много друзей — много еды.

С такой постановкой вопроса Дарящий Деревни согласиться не хотел, но и отвечать, оторвавшись от жевания, тоже. Поэтому тролль только невразумительно загудел.

— И не спорь со мной. Потому что именно твои новые друзья пришли сюда, чтобы сообщить о месте, где Дарящего Деревни ждет много еды. Хватит и тебе, и твоим красавицам.

— Правда? — Тролль управился с пищей даже быстрее, чем я рассчитывал.

— Разве я тебя когда-нибудь обманывал?

— Нет. Друг никогда не обманывал… Даже мои деревни в подарок принять не отказался. Я помню… — Дарящий Деревни вскочил на ноги. — Пошли.

— Обязательно. Только мне тоже нужна твоя помощь.

— Готов! — Горный великан стукнул кулаком в раскрытую ладонь, как из пушки ухнул. — Кого бить?

— Никого бить не надо…

— Жаль, — пригорюнился тот. — Я больше ничего не умею. Как помогу?

— А помнишь, ты как-то рассказывал мне о пещере с веселыми разноцветными камушками? Когда в гости приглашал.

— Рассказывал?

Я кивнул.

— Нет, не помню. Но показать могу. У нас не любят, когда их ищут. Чужаков съедают. Но Другу можно. А тебе пещера или камешки нужны?

Иногда юный тролль казался мне натуральным дебилом, а иной раз просто поражал глубиной выводов, совершенно несвойственным олигофренам.

— Камешки. Очень нужны. Но я много не возьму.

— Тогда в Сияющую пещеру не пойдем, — обрадовался Дарящий Деревни. Похоже, запрет на ее посещение все-таки был достаточно суров. — У меня свои камешки есть. Насобирал. Давно, когда маленький был. Думал, вкусные, как орехи. Нет, совсем не вкусные и твердые… Выбросить забыл. Теперь вспомнил. Пошли.

— У меня другое предложение.

— Какое?

— Ты идешь к себе. Берешь камешки, зовешь с собою жен и ведешь их по нашему следу на опушку. Там мы покажем тебе рощу, где стоят телеги с едой, а сами пойдем дальше.

— Телеги? — Глаза тролля радостно заблестели. — С рогатыми?

— Нет. Только телеги.

— Жаль… — Дарящий Деревни погрустнел. — Сами телеги, без рогатых, не такие вкусные.

— Зато на телегах много всякой еды. Только ты поспеши. Телеги никто не охраняет. Боюсь, как бы их орки раньше нас не нашли. Себе возьмут. А там две полные телеги еды.

— Много еды. Я быстро…

Тролль развернулся и ломанулся обратно еще стремительнее, чем спешил мне навстречу.

— Жен не забудь, сам не дотащишь! — крикнул я вслед, но ответом стал только удаляющийся топот и хруст веток.

— Друг тролля по имени Дарящий Деревни, который получил свое имя за то, что подарил тебе деревни… — Тим Подорожник то глядел в сторону, куда умчался великан, то на меня. — Интересно. Значит, Влад Твердилыч, говоришь, ты — Защитник Выселок, да?

— Не веришь? — Я состроил самое простецкое лицо.

— Верю… Умение чувствовать ложь напрямую к целительству не относится, но я умею определять, когда человек врет. Вы со следопытом говорите правду. Но, похоже, далеко не всю.

— Положим, целитель Тим, ты тоже не всю свою жизнь перед нами наизнанку вывернул, — хмыкнул Тень. — Не торопись. Всего день как мы знакомы, а тебе уже вынь да положь.

— Да, извините, парни. Конечно же вы правы, — примирительно поднял руки целитель. — Просто кажется, что на этот раз мне очень повезло. И что все те приключения, о которых я мечтал с детства, наконец-то нашлись. Вот и забегаю вперед… от нетерпения.

— Не знаю, о чем ты мечтал в детстве, Тим Подорожник… — Я приветливо подмигнул. — Но что с нами не соскучишься, это и к гадалке не ходить. Смотри, как бы обратно не запросился.

— Об этом не беспокойся, — ухмыльнулся тот. — Нет, лучше короткая жизнь, но яркая.

— Чтоб смеяться над бедой, а от счастья мучиться, чтобы козырем судьбу по хребту хлестнуть, чтобы пан или пропал, а дальше как получится… Так, что ли?

— Ух, как здорово сказал! — искренне восхитился Подорожник. — Так ты еще и песенник, Влад Защитник? Или этому тоже в отряде «пантер» учат? Десятников?

— Это другой человек написал. Я всего лишь запомнил…

— Написал?.. — негромко пробормотал целитель Тим.

Я мысленно выругался. Осторожнее надо со словами. Хорошо, выручил следопыт. Того вопросы грамотности населения не напрягали.

— Ну что? Двинулись? Сами видели — тролль, если хочет, умеет бегать. Можем даже не успеть отужинать.

— Если только Дарящий Деревни с женами так же быстро управится. В чем я очень сомневаюсь.

— Имеется опыт? — усмехнулся следопыт.

— А как же… — и глазом не сморгнул Подорожник. — Или ты думаешь, я на хуторе вдвоем с Мохом живу? Имеется, конечно, и хозяйка, и зазноба…

— Наконец-то мы услышали истинную причину твоей непоседливости… — рассмеялся Тень. — А то елозит по ушам: мечты, скука. Сбежал целитель Тим. Похоже, брат, что и тебя орочья степь страшит меньше женской заботы. Понимаю…

— А вас нет? — надулся тот.

— Меня нет… — искренне ответил я. — И будь такая возможность, сейчас же вернулся бы домой. Даже в Выселки.

Если столь не героическое и маловразумительное заявление командира и удивило бойцов, свое мнение они оставили при себе.

Глава шестая

Помня прибаутку о носороге и его плохом зрении, я посоветовал развести костер не на опушке леса, а поодаль. Хотя бы шагах в пятидесяти. Осторожного, как говорится, все бережет. Мало ли… выскочат тролли, разгоряченные мыслью о еде, да и не заметят нас с разбега. Задавить, конечно, не задавят, все же мы не улитки, но помнут изрядно. С таким-то весом… А если ногу и руку кому сломают? Перед дальней дорогой? Оно нам надо? Даже если Тим Подорожник и справится с травмой, все равно будет нужен отдых и раненому, и целителю. В общем, кто под грузом не стоит, на того он и не падает…

Похоже, мой авторитет командира поднялся на достойную высоту. Парни переглянулись, но выяснять причину такой причуды не стали. Набрали по охапке хвороста, отошли на указанное расстояние и там проворно соорудили небольшой костер. Пищу разогреть да разогнать дымком мошку, собирающуюся на запах тел.

Уже после я сообразил, что отдавая распоряжение, не учел погодные условия. Хорошо земля успела подсохнуть: дождей не было несколько недель, так что от недавнего ливня и следа не осталось. А то конфуз мог получиться…

Образовавшуюся паузу каждый использовал по своему разумению. Я банально распростерся лицом вверх, заложив руки за голову и сунув сидор под ноги, а Подорожник прицепился к следопыту и не отставал, пока Тень не начал пересказывать недавние события, имевшие место в Выселках. Но только после того, как целитель поделился с ним частью энергии. Или — бодрости, как Тим сам ее называл. При этом Подорожник тихонько присвистнул, помотал головой и с удивлением взглянул на меня. Но от немедленных расспросов удержался. Видимо, решил, что рассказа Тени пока будет достаточно.

В общем, следопыт, слегка приукрашивая, а как же иначе, травил байки. Целитель Тим внимал ему, а я даже вздремнуть успел. Не то чтобы было совсем неинтересно… Во-первых — я все это знал. А во-вторых — пусть Тень не обижается, но в умении плести небылицы равных Мыколе Шведиру не было, наверное, в обоих мирах. Так что уже привычное сновидение не стало неожиданностью.

Песок под ногами в этот раз не хрустел, а тихонько шелестел, радуясь моему приходу. Неугасимый костер отсалютовал каскадом искр, а сидящий у огня человек вскочил, распростер руки для объятия и бросился ко мне!

— Здоров, бродяга!

— И тебе, Швед, не хворать! — обрадованно заорал я в ответ, со всей силы стискивая в объятиях бывшего прапорщика. — Как же я рад тебя видеть!

— Взаимно, Влад… Взаимно. Давай, проходи. Присаживайся…

— Погоди. Ты дома был?

— Обижаешь. Сразу же.

— Ну! Не тяни!

— Да нормально все… Чего ты, Влад? И мать, и отец живые, здоровые. Ни о чем не знают, ничего не подозревают… Я им там такого наплел, что сам начало забыл, пока до конца добрался, — засмеялся Шведир.

— Это хорошо… — Я вздохнул с облегчением. — А то сны какие-то странные приходят. Вроде бы мои, но воспоминания другие.

— И сильно от реала отличаются?

— Да я не особенно помню, что именно снилось. Но дюже погано после них на душе становится. Тревожно. Вот и переволновался. Себя я вижу, а как там…

— Говорю же — все хоккей. Не парься. Это ностальгия, наверное.

— Думаешь?

— А я доктор? — Швед пожал плечами. — Влад, ты же начитаннее. Вот и подсмотри нужное выражение у людей мудрых, живших ранее, а потому — знающих больше и глядящих дальше…

— В смысле? О том, как получать наслаждение, покоряясь неизбежности?

— Типа того.

— Ладно, подумаю при случае в том направлении. Главное — все живы. Сам-то как?

— А чего мне теперь сделается, в божественном обличье? Я, правда, особенного удовольствия от пожалованного бессмертия еще не прочувствовал. Для этого чуть подольше прожить надо. Ну а в целом — прикольно. Прости, подробности рассказать не могу.

— Подписку давал?

— Нет, — улыбнулся тот. — Знания о строении Вселенной не засекречены, просто терминов в нашем языке таких нет, чтобы ты меня понял. А на пальцах не получится. Много ли, к примеру, нашим прадедушкам и прабабушкам объяснила бы фраза, что электрический ток — это упорядоченное движение свободных заряженных частиц под воздействием электрического поля? Но тем не менее лампочкой и электроплиткой люди пользуются больше века.

— Угу, дело ясное, что дело темное… И долго этих терминов еще не будет?

— Этого никто не знает, — пожал плечами Швед. — Человечество непредсказуемо. Может, через тысячу лет, а может — очередной Лобачевский или Эйнштейн уже не только родились, но и вуз заканчивают, откосив от армии…

— Понятно, как в том анекдоте.

— Расскажи? — навострил уши Швед. — Давненько я анекдотов не слышал.

— Семья на прогулке. Сын: «Папа, почему солнце светит?» — «А фиг его знает». — «Папа, а почему ветер дует?» — «А фиг его знает». — «Папа, а откуда дождь берется?» — «А фиг его знает». Мама: «Сынок, не приставай к отцу!» — «Да пусть спрашивает. Кто ж ему еще объяснит, как мир устроен?»

— Смешно… Так что ты спрашивай, сынку, спрашивай. Только в другой раз. А сейчас нам прощаться пора. Спасибо, что заглянул… А вообще лучше сам меня вызывай — дольше посидим.

— Торопишься?

— Нет, это у тебя гости…

Швед, костер и островок подернулись дымкой, расплылись в очертаниях и стали стремительно отдаляться, словно я взлетал над ними на воздушном шаре. А тишина сменилась тяжелым топотом, будто приближалось стадо коров. Причем не традиционным для буренок шагом, а кавалерийским галопом.

Источник шума тоже вскоре показался, да не один, а толкая перед собой еще двух представителей троллього племени. Те не то чтобы упирались, а просто не торопились. Видимо, не было у них такого доверия к словам новоиспеченного мужа, как у него самого к обещаниям Друга. Вот и приходилось Дарящему Деревни применять более весомые аргументы. Так что, в общем и целом, на опушку они вывалились, ничего не видя и не слыша.

— Друг! Я пришел!

Тролль наконец-то заметил нас и затопотал к костру, предоставив подругам жизни самим определять темп движения.

— Вот! Я принес! Веди к телегам!

— Тень, Тим… Быстро приготовили еще по капустной голове. Надо и дам угостить. А то они слишком пристально к нам принюхиваются.

Сам шагнул наперерез троллю и поднял руку, останавливая его.

— Рад тебя снова видеть, Дарящий Деревни. Телеги с едой ждут вас. Но прежде чем мы расстанемся, позволь Другу еще раз угостить тебя из своих запасов.

— Давай! — Тролль тут же хлопнулся на задницу и протянул открытую ладонь. Левую. Правый кулак он держал сжатым.

— И твоих жен тоже…

— Эй! Топайте сюда! — рявкнул тролль, чуть повернув голову в сторону самок. — Друг угощает!

Видимо, обе троллихи и в самом деле не до конца поверили мужу, что он приведет их к еде, поэтому, как только увидели нас, остановились чуть поодаль, возбужденно перешептываясь. Как оказалось, тролли тоже умеют разговаривать тихо, если хотят этого. Во всяком случае, кроме невнятного ворчания и гудения до меня не долетало ни единого внятного слова.

— Тим, Тень… угостите дам. Только осторожно. Эти дикие.

— А мне? — встревожился Дарящий Деревни.

— Обязательно. Я сам тебя угощать буду. Ты только скажи своим безмозглым дурындам, чтоб парней не трогали!

Но мои предосторожности оказались лишними. Увидев капусту, самки довольно заурчали и приняли подношение аккуратно, не проявляя агрессии. Что ж, благотворное влияние зелени на женщин давно доказано эмпирическим путем. В том числе и в моем мире. Зато Дарящий Деревни, наоборот, возбудился настолько, что вскочил на ноги.

— Эй, хватит жрать! — заорал он самкам. — Бегом сюда! Друг только что дал вам имена! Ты!.. — Он ткнул пальцем в особь слева. — Безмозглая! А ты… — Толстый, как огурец, перст переместился вправо. — Дурында! Благодарите Друга! Теперь в нашей семье все будут с именами!

Но самки наличием здоровой и вкусной пищи дорожили выше абстрактных ценностей и от процесса жевания отвлекаться не стали. А может, имена им были без надобности? Мой знакомец для чего нуждался в звучном имени? Чтобы жениться. И, проведя параллель, можно предположить, что по обычаям троллей замужним дамам вопрос наличия или отсутствия имени до лампады. Потому как они теперь не самостоятельные личности, а госпожа, мисс, фрау и прочее Дарящего Деревни.

«Угадал!» — коротко подтвердил Эммануил, закрывая тему.

* * *

Не спорю, мужчины тоже бывают, как бы это выразиться, более или менее прилично сконструированы, что ли? Но как только рядом появляется любая женщина, сразу понятно: на нас с вами природа либо безбожно халтурила, либо (если принять библейскую версию очередности производства моделей хомо

сапиенса) училась. Мужчины — топорная работа, запущенная в конвейер с массой недоделок, а женщины — всегда только штучный товар. Да, безусловно, попадаются среди них и бракованные изделия, но всегда с только индивидуальными недостатками. И, к сожалению, зачастую с такими пороками, которые без длительного и тщательного изучения объекта с ходу определить невозможно.

Отвлекся…

Это я к тому, что даже в женах тролля было что-то приятное глазу. Более изящное и женственное, а не свирепое.

Получив наводку на рощу с телегами, тролли дружно умчались в указанную сторону. При этом, получив наглядное и вкусное подтверждение словам Дарящего Деревни, теперь впереди бежали его самки. Да так прытко, что более тяжелый супруг отставал все больше… И даже потерял их из виду. Судя по тому, что нам долго была слышна ругань тролля, требующего Безмозглую и Дурынду подождать его…

Ну а мы ждали Щека и в который раз пересчитывали самоцветы.

Дарящий Деревни не поскупился на оплату или ответный дар. Как оказалось, в его лапе поместилось ровно тридцать семь камней. Изумруды, рубины… Нет, не так. Врать не стану, я же не ювелир… Семь ярко-красных камней. Четыре — ближе к вишневому оттенку. Девять зеленых с чуть заметным желтоватым отливом. Шесть просто желтых, шесть синих, почти фиолетовых. И пяток бесцветных алмазов. Все камни, как один, размерами с крупный лесной орех. То есть каратов по пятьдесят.

По меркам моего мира — цены неимоверной. Счет на миллионы вечнозеленых североамериканских рублей. Здесь, наверное, еще и денег столько нет. Ну правильно. Наклепать необходимое количество золотых и серебряных монет труднее, чем напечатать бумажек с любыми портретами. Хоть Чейза, хоть самого Вильсона.

Но в любом случае наверняка хватит на приобретение небольшого княжества. А уж для торговли с вождями орков, как сороки и вороны обожающих все яркое и блестящее, лучшего товара и не сыскать. И минуты не сомневаюсь, любой захочет украсить эдаким сокровищем рукоять ятагана, а то и просто в мочку уха вдеть. Главное — не продешевить. И даже случайно не навести на мысль, что отобрать товар у купца дешевле и проще…

В общем, все как всегда и везде. Частное предпринимательство дело выгодное, пока не напорешься на рэкет и хотя бы частично сумеешь уйти от налогов. Впрочем, налоги — тот же рэкет, только узаконенный. Бандиты дерут за

право работать на их территории в частности, а государство… Да ну их.

— А вон и наш парнишка пылит… — Следопыт смотрел на север, козырьком приложив ладонь ко лбу. — Можем собираться…

— Не торопись, Тень. Малец устал небось. Пусть хоть дух переведет. Успеем. Все равно ночь скоро…

— Думаете здесь заночевать? — Подорожник неуверенно огляделся. — Не боитесь, что тролли наткнутся на нас на обратном пути? Давайте лучше я хлопцу бодрости немного волью. А мы, пока окончательно не стемнело, найдем место для ночлега получше.

— Не понял, Тим? — хмыкнул я. — Кто из нас повадки троллей знает лучше? Ты думаешь, они телеги в ущелье потащат? Готов спорить на что угодно, что эта веселая семейка поселится в роще до тех пор, пока там хоть грамм еды останется. И если других причин для перемещения нет, можем спокойно дожидаться рассвета.

— Наверное, ты прав, командир, — согласился с моими доводами целитель. — И все-таки предчувствие у меня нехорошее.

— А вот это довод. — Я мгновенно посерьезнел. — Собирайтесь. Будем уходить.

— Ты и в самом деле необычен, Влад Твердилыч, — уважительно произнес целитель Тим. — Впервые командир к моим предчувствиям прислушался. Обычно все только отмахивались. От десятника и до сотника.

— Правда? И где они теперь?

— Погибли… — пожал плечами Подорожник.

— Тебе еще какие-то объяснения нужны? Так что шевелитесь. А на будущее, Тим, сообщай о своих предчувствиях заранее. Договорились?

— Да…

— Вот и ладушки.

— Влад Твердилыч! Ау! — Заметив, что костер потушили, а значит, собираемся уходить, и опасаясь, что мы не видим его, Щек закричал издали: — Я уже здесь! Подождите! Не уходите!

— Ждем! — крикнул в ответ Тень, как всегда готовый быстрее других. — Сюда не беги. Шагай к лесу! — махнул рукой, указывая направление. — Там встретимся!

Парнишка сразу принял влево, даже не отвечая. Берег дыхание…

Я еще раз оглядел место стоянки, повторно потоптался на пепле и двинулся следом за Тенью и Тимом…

Молния, или нечто вроде этого, ударила в то место, где мы только что вкушали ужин и мило беседовали, когда я успел отойти шагов на десять. Ударной волной меня с такой силой толкнуло в спину, что я кубарем покатился по траве, как сухой куст перекати-поля. Раз пять перекувырнуло через голову. Хорошо, успел сгруппироваться и ничего не сломал. Парням, уже добравшимся до опушки, досталось меньше. Их всего лишь швырнуло в кустарник, а дальнейшую силу поглотили многострадальные деревья…

— Очуметь!

Вообще-то мысленно я произнес более хлесткую и эмоциональную фразу, но выражаться вслух меня еще отец отучил. Постоянно напоминая, что у образованного человека в запасе всегда найдется достаточно слов, чтобы не опускаться до примитивной брани.

— Все живы?

— Живые… — первым из кустов, отплевываясь от листьев, выполз Тень. — Это что такое было, командир?

— Копье огня… — показался и Подорожник. Кряхтя, сопя и потирая ушибленную грудь.

— И часто тут такое случается? — Я помотал головой, вытряхивая сор из волос. Бандана улетела чуть дальше и без меня.

— Только если маг огня сильно кого-то невзлюбил…

— Вот как? — Я нашел платок Листицы, который висел неподалеку на сосновой ветке, отряхнул его и повязал голову. — Имеется на примете?

— У меня нет… — честно ответил целитель. — Я давно мирный житель. Годами с хутора не снимался. Если бы кто-то отомстить хотел, давно бы нашел.

— У меня тоже, — пожал плечами Тень. — Ты же знаешь мою историю. Кому умирающий инвалид нужен?

— Угу… Значит, метили в меня. Вот только я тоже до сих пор ни одному магу огня дорогу не переходил.

— Вы целы?!

Щек вылетел на опушку, размазывая по щекам слезы. А может, пот… Метнулся было ко мне, но в последний момент застеснялся, сманеврировал и уткнулся в живот Тени.

— Слава Создателю…

— Испугался? — ободряюще похлопал парня по спине следопыт. — Ничего, это поначалу только страшно. С непривычки. Вот помню, мы однажды под Серыми холмами стояли…

— Так, группа, слушай мою команду! Воспоминания

отставить. Если магу еще не надоело, а наводит он с запозданием, ждать гостинца не будем. Поэтому за мной, вон до того холма… Щек, ты как? Сдюжишь?

Но Тим уже касался ладонью затылка паренька.

— Понятно. Бегом марш!

Предосторожность так себе, но не делать совершенно ничего — худший из типов поведения начальника. В душе я могу сомневаться, вибрировать или совершать иные колебательные движения, но мои бойцы должны оставаться убежденными, что их командир точно знает, что делает. Иначе… А вот об иначе и думать не стоит. Это из другой песни…

— Шагом…

— Влад Твердилыч, — тут же пристроился рядом парнишка. — Задание выполнено. Я рассказал все Ярополку Титычу, как вы велели. И о воинах-орках, и о посохе, который ключ к башне Пяти ветров.

— Молодец, Щек… Я и не сомневался в тебе. А что староста мне передавать велел?

— Что он все понял и самолично в префектуру съездит. Мол, Всеслав Добрилович его давно знает и к словам старосты нужное доверие имеет. Так что вы можете ни о чем не беспокоиться, а и дальше делать то, что посчитаете нужным.

— Стало быть, все хорошо.

— Да… А еще тетка Листица вам гостинца послала… — Тут парнишка замялся. — Только я это…

— Съел?

— Не весь… — Щек слегка покраснел. — Осталось еще… немножко. Но я же торопился. Боялся — не успею. Вот домой и не заходил. Оголодал. А от пирога такой вкусный запах… Простите меня.

— Не бери в голову, боец. Считай, что это твоя награда. Заслужил… — Я взъерошил парнишке волосы. — Группа, бегом…

* * *

«И что же все-таки это было?.. Ау, господин Эммануил! Это я вас спрашиваю, а не рассуждаю между собой…»

«Я понял, Влад, — отозвался VIP-дух. — Вот только не уверен, что ответ тебе понравится».

«Ты излагай. А там посмотрим, понравится мне или нет. Так кто тут пулял, чем, в кого и почему?».

«Насчет „чем“, целитель отчасти прав — применялась магия огня. А вот обо всем остальном судить затруднительно».

«Не понял? А как же постулат — Бог Всеведущ?»

«Видишь ли, Влад, во-первых, я не совсем то, во что люди вкладывают понятие Бог. То есть не сам Создатель. А во-вторых, находясь в твоем теле, я подвержен многим ограничениям божественной сущности. В частности, мне недоступно всеведение».

«Это еще почему? Только не говори о месте на жестком диске и ограниченном объеме оперативной памяти, которые в твое распоряжение предоставляет мой человеческий мозг».

«Не скажу…»

«И на том спасибо. А то я уж совсем себя амебой почувствовал. Тогда в чем проблема?»

«Твой товарищ ее уже охарактеризовал. Недостаток общепонятных терминов. Но ты же просто так не отстанешь?..»

«Даже не надейся».

«Ладно, попробую сформулировать. Понимаешь, несмотря на то, что информационные потоки присутствуют везде, их восприятие ограничено особенностями строения организма. Например, сколько ни кричи — глухой тебя не услышит».

«Спасибо за сравнение…»

«Не обижайся, ты тут совершенно ни при чем… Хорошо, возьмем другой пример. Более абстрактный. У тебя коротковолновый приемник. Ты с друзьями на пикнике хочешь послушать музыку. Но, несмотря на то что и на длинных, и на средних волнах сейчас транслируется сотня концертов, в динамиках тишина. И сколько ни истязай настройку — все равно ничего не услышишь. Такое сравнение не обидно?»

«И вполне доступно».

«Рад… Именно поэтому я могу сообщить только некоторые подробности. Вас, вернее — тебя лично атаковал не маг огня. Разящая молния вызвана волшебством другого мира. Думаю, не ошибусь, если предположу, что этот удар — эхо вашей со Шведиром победы над привратником».

«Ого! Типа мною заинтересовались силы ада?»

«Предположительно».

«Подожди, Эммануил. Мне все-таки хотелось бы больше подробностей. И если мое тело мешает тебе, покинь его на время. Обещаю, обратно впущу без дополнительных условий».

«А вот этого я точно делать не стану».

«Почему?»

«М-да, прав был тот, кто изрек, что одна альтернативно одаренная и любознательная личность может сформулировать вопросов больше, чем сотня мудрецов найдет ответов».

«Опять обидеть хочешь?»

«Ворчу, думаю, как еще и это объяснить. О! Ты апорию о быстроногом Ахиллесе и черепахе знаешь?»

«О том, что он ее никогда не догонит?»

«Браво. Для воина очень неплохо».

«Издержки домашнего воспитания… — хмыкнул я мысленно. — Трудно быть единственным ребенком сразу двух профессоров. Но ты не отвлекайся…»

«Я все сказал. Покинув твое тело, я рискую больше никогда в него не попасть. Поскольку ты, Влад, все время будешь смещаться по множеству осей координат. Причем, даже не подозревая об их существовании. А потому не сможешь координировать процесс передвижения».

«Угу. Занятно, хотя и непонятно, как апория, то бишь вымысел, не имеющий подтверждения в реальности, может объяснять физические процессы. Но углубляться не будем. В общем смысле я просек фишку. Короче, ты попросту боишься потерять место в зрительном зале?»

«Опасаюсь. Ведь все самое интересное только начинается».

«Звучит интригующе. Только как бы оно не закончилось раньше времени. Должен понимать: еще один такой привет из глубины Геенны огненной прилетит, например, во время сна, и все — Митькой звали».

«Насчет этого могу тебя немного успокоить. Физические законы никто не отменял даже в Преисподней. А потому любая работа требует затрат энергии. Перенос такого, как ты изволил выразиться „подарка“ из одного измерения в другое, да еще и не из этого времени и иной ветки миров, это не случайному прохожему на лысину с балкона плюнуть. Доступно?»

«Вполне. И как долго плохим парням надо подзаряжать аккумуляторы для очередного плевка?»

«Точно не скажу, но логика подсказывает, что примерно столько же, сколько времени отделяет сегодняшний день от событий в Мрачной роще. Плюс-минус сутки… Я бы поставил на минус».

«Откуда сроки?»

«Сам прикинь. Вряд ли те, кто хочет тебя отблагодарить за гибель привратника, стали бы просто выжидать, имея возможность нанести удар раньше».

«Разумно…»

«А то. И еще, встретишь Фрэвардина, можешь предъявить ему дополнительный счет. Много не даст, но все-таки. Тут он в своей власти и силе. Глядишь, какой-то бонус еще и перепадет».

Похоже, Эммануил пытался сгладить невольно возникшую напряженность и сохранить со мной хорошие отношения.

«Спасибо за совет, учту…»

«Обращайся».

— Группа, стой. Привал.

Все трое рухнули как подкошенные. Щек — так вообще растянулся плашмя.

«Ничего себе! Это сколько времени я медитировал?»

Я оглянулся и изумленно присвистнул. Тот холм, до которого планировалось добежать изначально, оказался сзади километрах в трех, не меньше. И если б не острое ощущение опасности, жаром и смертельной стужей дышавшее в спины, вряд ли мои бойцы сдюжили бы такой марш-бросок. Да и то на пределе. Вымотались так, что заори я сейчас: «Воздух!» или что-то в этом роде — никто и не пошевелится.

— Ну ты зверь, командир… — пробормотал Тень.

— Извините, парни. Сперва и в самом деле надо было ноги уносить, а потом, пользуясь случаем, я решил на всякий случай проверить вашу выносливость. Не к теще на блины идем. Позже может не оказаться времени выяснять, кто на что горазд. Зато теперь картина ясна. Все как один — орлы! Отдыхайте. Заслужили. Аж до рассвета. Я подежурю…

— Уверен, Владислав Твердилыч? — уточнил Подорожник, опасливо косясь вверх, на темные небеса. — Вообще-то мои предчувствия тоже угомонились, но это может сказаться усталость.

Я механически проследил за его взглядом. Какое-то время полюбовался сдвоенной Луной, потом переспросил:

— В чем?

— Что ушли достаточно далеко?

— Вполне.

Я и в самом деле чувствовал редкое внутреннее спокойствие. Может, благодаря тому, что пообщался со Шведом и узнал, что родители живы и ничего не знают о моем… временном отсутствии? Или благодаря объяснениям Эммануила? Семь-восемь суток до следующего метания молнии — огромный срок. Как бы не позабыть о дне «Д» за всеобщей суетой.

— Отдыхайте спокойно, други. Кроме зверей, нам этой ночью больше ничего не угрожает.

— Звери… летом? — недоуменно пробормотал Тень, поворачиваясь на бок. — Умеешь ты пошутить, командир.

Глава седьмая

Под утро меня все-таки сморило. Понимая, что никакие ухищрения больше не помогут и я банально отключусь, растолкал Тень. Дождался от следопыта положенного: «Пост принял» или что-то вроде этого — и провалился во тьму. Крепкий сон без сновидений. Отдых для тела, а не для ума.

Спал недолго. Часа полтора, не больше. Но когда открыл глаза, рядом попахивало дымком и жарящимся мясом.

Я повернул голову и увидел следопыта, переворачивающего на самодельном вертеле тушку какого-то животного. Именно она издавала те самые ароматы, что вернули меня к действительности.

— Доброе утро, командир.

— Взаимно… Вижу, ты уже поохотился?

— Не я. Это Щек зайца из пращи подбил. Ловкий малый. Длинноухий только брыкнул. А я не препятствовал. Запасы потихоньку кончаются. Четыре рта не три. Надо поберечь…

— Разумно. Местность оглядел? Водички умыться нигде рядом не видать?

— Там. — Следопыт махнул рукой на восток. — Шагах в сорока отсюда небольшой родничок бьет. Я ямку отрыл. Наверно, уже набралось достаточно. Фляги наполни заодно.

— Добро… — Я встал и с хрустом потянулся. — А Подорожник с хлопцем куда подевались?

— Целитель травки собирает. В той стороне. — Тень указал на юг. — Парнишка с ним увязался. Позвать?

— Не надо. Пусть… Думаю… — Я зажмурился и с удовольствием втянул запах. — Сами скоро вернутся. Небось тоже голодные.

— Это да, — усмехнулся Тень. — Ложились без ужина — стало быть, аппетит имеется. А вот вроде и они… Легки на помине. — Следопыт, чуть повернув левее голову, прислушался. — Странно… Мне кажется, их стало больше.

Я посмотрел в ту сторону. Точно — к костру приближались трое!.. Тим со Щеком и нечто непонятное, посередке между ними.

Высокая, в пояс трава мешала идентифицировать тип одежды и обуви, а верхняя часть одежды неизвестного напоминала расшитый ленточками маскхалат, нежели цельное платье. Голову он держал низко склоненной, как очень обессиливший человек. Что тоже довольно странно, поскольку рядом все-таки был целитель. Или в этот раз Подорожник решил не выказывать инициативу без одобрения командира?

— Нет, не кажется. Они и в самом деле кого-то к нам ведут. Где только нашли?

— Так я и говорю — странно…

— Согласен. Впрочем, чего зря гадать? Минута терпения — и ответы на вопросы сами подойдут к костру.

— Эй! Глядите, кого мы нашли! — первым не выдержал Щек. Несмотря на все опасности, которые нам пришлось пережить, паренька буквально распирало от удовольствия и радости. Впрочем, кто в таком возрасте не мечтает о приключениях?

— И кого же?

— Ее зовут Синяя Лента! И она сбежала от орков!

— Сбежала?!

До сих пор сохраняющий невозмутимость следопыт тоже поднялся поглядеть.

— От орков?.. — Его фраза в целом всего лишь дополнила мой вопрос, но придала иной оттенок.

Я удивлялся, что едва мы оказались в степи, как тут же наткнулись на беглянку. Событие, само по себе имеющее низкую степень вероятности. А вот Тень выразил более емкое удивление: как женщине удалось убежать от воинов, для которых эти просторы не просто родной дом? Говоря об орках в степи, самое верное сравнение лежит в плоскости «вода и рыба».

— Интересно. Пойду гляну… — Тень подхватил копье и, чуть пригибаясь, скорее по привычке, убежал.

Беглянка молча опустилась на землю у костра и замерла, не поднимая глаз. Похоже, ей было совершенно все равно, что сейчас происходит вокруг. Ступор от запредельной усталости, который даже острая боль не всегда способна преодолеть.

Выглядела она ужасно. Толстый слой копоти и грязи покрывал лицо и тело, во многих местах просвечивающее сквозь те жалкие обноски, что и в самом деле когда-то были платьем. Руки, ноги в ссадинах, синяках и струпьях подсохшей крови. Волосы… С одного взгляда я даже затруднился бы ответить, чего у беглянки на голове больше: самих волос или набившегося в них сора, намертво сцепленного в один колтун сухими цветками репейника.

По внешнему виду даже возраст ее определить едва бы получилось. Во всяком случае, я, ни мгновения не сомневаясь, записал бы беглянку в самые древние старухи, если б не упругие груди, почти не прикрытые тканью. Грязные, как болотники колес после дождя, но тем не менее удерживающие форму. Что бесспорно указывало на молодость пленницы. А с учетом условий содержания — даже на юность.

— Я ее уже подбодрил, Влад… — Подорожник стоял рядом с

женщиной. — Больше нельзя. Разум может помутиться. Она и так балансирует на грани.

— А что с ней? — Само сорвалось как-то, но целитель Тим сам додумал мой не бог весть какой мудрый вопрос.

— Все это очень странно, командир. Там и истязания, и унижение, и любимая орками «дурь» — грибной отвар, отнимающий волю. Причем влили его в нее как бы не с ведро. Удивительно, что сознание у девчонки совсем не погасло.

— Подожди. Вы знаете, как ее зовут и что она беглянка. А больше ничего Синяя Лента вам не рассказала?

Услышав свое имя, беглянка повалилась на бок и свернулась калачиком, прикрывая голову руками.

— Сам видишь. Вот в таком виде мы со Щеком ее и нашли. Я дотронулся, подбодрил и спросил. Она пробормотала это имя и фразу: «Я — сбежала от них!». После чего не издала ни единого звука.

— А еще говорят, что чем дальше в лес, тем толще партизаны…

— Да, это ты верно заметил… — Из всей фразы Тим явно понял только одно слово. — Девушку голодом не морили. Во всяком случае, она не пленница. Я хочу сказать: не военная добыча… Это либо чья-то данница, либо из тех дурочек, что сами к нелюдям жить уходят. Хотя вряд ли, для такой глупости она еще слишком юна.

Тень вернулся, присел рядом с беглянкой и внимательно осмотрел ее ноги и одежду.

— Что-то прояснилось?

— Заяц сгорит… — проворчал следопыт. Щек охнул и присел у костра.

— Не многое, но кое-что могу рассказать. Она действительно сбежала из стойбища. По ее следу шел отряд из троих воинов. Молодые орки. Возможно, даже не прошли обряд посвящения. Иначе она бы так легко не ушла. Впрочем, девчонке повезло дважды. Причем одно везение как бы повлекло за собой и второе…

— А короче?

— Примерно в ста шагах от того места, где вы ее нашли, аккурат в то самое время, когда мы беседовали с троллем, на девушку напали волки. Вообще-то летом они людей не трогают, другой дичи хватает, но беглянка сильно кровавила. Вот на запах крови звери и вышли. Вот, сами взгляните. Это зубами и когтями сделано… — Тень ткнул пальцем в несколько запекшихся ран на ногах и руках беглянки. Потом — указал на прорехи в одежде.

— И в чем же ее счастье?

— В том, что преследователи нагнали свою добычу практически одновременно со зверями. Между орками и уже почуявшими кровь волками завязалась схватка. Стая собралась как для лета, большая. Не меньше десятка зверей. И пока они сражались, девчонка убралась оттуда.

— А кто кого одолел? — не сдержал любопытства Щек.

Следопыт только плечами пожал, вполне искренне не понимая, зачем объяснять очевидные вещи? Пришлось мне ответить парнишке.

— Волки вряд ли позволили бы девушке уйти. И не только потому, что подранки и ослабевшие особи их главная добыча. А из-за того, что когда звери ошалеют от крови, они режут все живое вокруг, покуда сами не обессилят.

— В точку, командир, — кивнул Тень. — Поэтому я считаю, что гнались за девчонкой молодые орки. След там остался сложный, но опытный воин сумел бы разобраться, и ее схватили бы. Не так далеко беглянка и отползла…

— Да, действительно повезло девчонке.

— А я о чем?.. Ну мы есть будем или как?

* * *

Как у людей, в зависимости от предложенных обстоятельств, смещается точка зрения на одни и те же вещи. Я имею в виду, не из списка фундаментальных и незыблемых истин.

Взять, к примеру, время приема пищи. Совсем недавно я считал и готов был подписаться под каждым словом, что нет и не может быть ничего лучше ужина. А вот сейчас…

Помня прежние высказывания, не стану утверждать, что завтрак действительно самый важный прием пищи, но что очень вкусный, особенно если ты накануне ложился спать без ужина — факт неоспоримый.

Парни даже косточки заячьи не обгладывали, а перемалывали крепкими зубами, не ведающими кариеса и прочих достижений цивилизации. Вот что значит здоровый образ жизни и натуральные продукты. Без ГМО, сахара и прочих нехороших излишеств. Ну а я — дитя асфальта и перелома тысячелетий — даже испытывать свои фотополимерные пломбы на прочность не стал. Не то что кости, хрящи и те только облизнул. Повертел с сожалением в руке остатки пиршества, осознавая простую истину, что один заяц четверых мужиков насытить не способен, и отбросил в сторону.

Синяя Лента, которая до этого мгновения ни разу не

пошевелилась, вскочила на ноги, как подброшенная пружиной. Молнией метнулась за костью, и прежде чем хоть один из нас успел рот открыть, захрустела объедками похлеще моих товарищей. Да что там товарищей, любая овчарка обзавидовалась бы.

— Брось! — Я первым обрел голос. — Ты что!

Я имел в виду, что мы оставили кусок зайца и на долю беглянки, просто ждали, когда она придет в себя. Но эффект от резкого окрика получился совершенно неожиданный.

Едва заслышав недовольный голос, девушка опять упала на колени, прикрывая руками голову, зато хруст только ускорился. Как будто мясорубку на повышенные обороты запустили. В общем, она всем видом демонстрировала, что готова понести любое наказание, но еду отдавать не собиралась.

— Прах меня побери! — стукнул кулаком по колену Подорожник, отчего беглянка сжалась еще больше. — Вы поняли?!

— Да. — Тень хмуро кивнул. — Бедняжка привыкла подбирать объедки за орками. А те ее за это поколачивали… Слегка, в шутку… Иначе приучили бы побираться, когда никто не видит.

— Иди сюда… — Я поманил девушку к костру. — Не бойся. Не обидим.

Синяя Лента поглядела на меня из-под локтя, кивнула, встала на четвереньки и быстро подползла к нам. Но после этого снова повела себя странно. Остановившись в паре шагов от костра, она развернулась к нам задом.

— Чтоб вам и после смерти покоя не было! — изрек очередное проклятие целитель Тим, сплевывая под ноги. — Мало мы их били. Надо было в корень вырубать…

— Чего это она? — удивился Щек. — Орки запрещают женщинам на огонь смотреть?

— Да, парень, вроде того, — подтвердил Подорожник. — Но не переспрашивай. Мал еще, потом поймешь…

Я же снял с огня остатки жареного зайца и подошел к беглянке.

— Держи.

Девушка посмотрела на кусок мяса, с испугом перевела взгляд на меня и замотала головой.

— Нельзя…

— Ешь, тебе говорят! — Я прибавил в голос командирских ноток. — Не люблю худых.

Такое объяснение Синей Ленте было доступно. Девушка извернулась, подалась вперед и зубами схватила мясо.

— Не торопись, ешь спокойно. Не отниму…

Я демонстративно повернулся к ней спиной и, стараясь не делать резких движений, возвратился к товарищам.

— Говоришь, данница? — переспросил, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Скорее всего, — ответил целитель Тим.

— А мне вот интересно. — Я буквально ощущал, как на скулах вздуваются желваки. — Те старосты, которые рассчитываются за долги с орками и другими нелюдями девушками, знают, что их дочерей там ждет? — Я впился взглядом в глаза Подорожника, словно именно он был виноват в этом паскудстве.

— Не дети, догадываются…

Целитель Тим взгляд не отвел. Выждал какое-то время, а потом сам спросил:

— Скажи, командир, а ты считаешь, это крестьяне виноваты, что Легион не смог победить нелюдей до конца и император вынужден был отдать своих подданных в рабство гоблинам и оркам?

Я точно знал, кто виноват, но объявлять об этом вслух было еще слишком рано. Революционные идеи сами должны вызреть в умах, иначе массы их не поймут. Соответственно и не поддержат.

— Ладно, замяли для ясности… Давай думать, как бедняжку из этого состояния выводить?

— Извини, Влад, но этому меня не учили, — дернул щекой целитель Тим. — Телесные раны ее я залечил, бодрости еще чуток прибавлю, а большего не ждите… Я полевой маг, а не академический.

— А ты что скажешь, Тень?

— Увы, ничего, командир. Опыта общения с девицами не имею. До службы в Легионе рановато мне было к ним приглядываться, потом — недосуг. А после… — Следопыт нахмурился. Кому приятно вспоминать время, когда считал дни до смерти и едва-едва с порога дома до завалинки добирался без посторонней помощи. — Ну ты меня понял…

— Понятно, — вздохнул я. — Со мною примерно такая же картина. А Щека можно и не спрашивать.

— Это почему? — Парнишка обиженно надулся, — у меня, чтоб вы знали, целых пять сестер! И трое из них — старше годами. Вот…

— Серьезно? Не шутишь?.. — Я состроил лицом выражение максимальной заинтересованности.

— Нет.

— Ну тогда ты, парень, точно опытнее нас всех вместе взятых.

Давай, подскажи: что надо сделать, чтобы девушку… не развеселить, какое тут к… — Я проглотил типичное для своего мира, но непонятное тут ругательство. — Но хоть немного расшевелить, что ли?

— Мои сестры обо всем на свете забывают, когда имеют возможность примерить новое платье, умыть и расчесать волосы, особенно если видят свое отражение… — важно произнес Щек. — А еще посплетничать любят. Тут уж и не корми, дай только посудачить о ком угодно.

— SPA-салон, парикмахерская, бутик или модистка… — пробормотал я себе под нос. — Ничто не вечно под луной, кроме женских капризов. Спасибо, Щек. Ты молодец. Похоже, все точно подметил… Но, увы, в нашем распоряжении нет ничего из перечисленного списка. Разве что возможность посплетничать. Кстати, не без пользы для нас самих. Вот только сомневаюсь, что девушка в таком состоянии готова к откровенной беседе.

— Почему ж ничего? — Тень сунул руку в котомку и вытащил оттуда аккуратно сложенный сверток белой материи. — Вот… У меня есть новая рубаха. Еще не надеванная. Думаю, после тех лохмотьев, что на ней сейчас, такая обновка девчонке самым прекрасным платьем покажется.

— Здорово… — Я полез чесать затылок и наткнулся на бандану. — Гм… Кажется, и у меня кое-что из женского гардероба найдется. Простирнуть бы только не помешало… Особенно после последнего кувыркания.

— Ну это как раз самое простое… — оживился целитель Тим. — Судя по цвету и буйности растительности, да и вообще, по моим ощущениям — вон там, не далее как в миле, должен быть водоем. Достаточно большой, чтоб его присутствие ощущалось даже тут.

— А не может водоем быть меньше, чем ты предполагаешь, но располагаться ближе? — уточнил Тень несколько витиевато.

— Что? — не сразу сообразил Подорожник. — Ты почему спрашиваешь?

— Просто там, куда ты показываешь, звериный водопой. Шагах в двухстах от нас, а то и чуть ближе. Поплавать вряд ли получится, а искупаться и простирнуть — можно. Я думаю. Вчера — волки, а сегодня наш запах распугали зверье. Так что вода должна быть чистая, не взболтанная.

— Говорю тебе, большой водоем!.. — обиделся Подорожник. — Я не лягушка, чтобы каждое болото чувствовать.

— А глаза на что? — не понял подковырки следопыт. — Вон же следы. Видишь? А куда еще такая тропа может быть протоптана, если не к водопою?

— Тихо, тихо… Одно другому не помеха. — Я остановил ненужный спор. — Я понимаю, что в душе у каждого кипит, но не сгоняйте зло друг на друге. Тем более что вы можете быть оба правы. Озеро — само собою, водопой — тоже. Все, хватит разглагольствовать. Встали, собрались, пошли. На месте разберемся. Щек, я тебе, как самому опытному в общении с женщинами, поручаю присмотр за Синей Лентой. Приказ ясен?

— Так точно, командир.

Хор голосов был вполне синхронен. Глядишь, через месяц-другой даже Швед не сможет придраться…

* * *

Тень не ошибся и на этот раз. Водопой оказался именно в том месте, где указал следопыт. Эдакая большая лужа примерно метров пять в длину и три в ширину. Но не на заболоченной почве, а как бы в каменной чаше. Мне приходилось встречать такие и дома. Посреди слегка холмистой равнины вдруг выпирает на поверхность скальная порода, в большинстве так и остающаяся россыпью камней, а иногда — образует вот такую впадинку и крохотное озерцо… Частью питающееся подземными ключами, а частью — собирающее дождевую воду.

Мы указали на него Синей Ленте и, смешав в кучу уговоры, просьбы и приказы, кое-как растолковали девушке, что ей следует искупаться и переодеться. Лучше всего помогла демонстрация рубахи Тени. Увидев ее, Синяя Лента тут же, ни капельки не смущаясь наготы, сбросила лохмотья, но в воду полезла только после моего грозного окрика и демонстрации кулака. Да и то так долго топталась на краю, что Тень не выдержал и пихнул ее в спину.

Синяя Лента плюхнулась в озерцо с таким визгом, словно оказалась в геенне огненной. Похоже, в прошлом девушка с водой не дружила. Но, сообразив, что ничего страшного с ней не случилось, она вскоре поутихла.

— Ладно. — Подорожник покосился на беглянку, что с явным неудовольствием сидела по шею в воде и только ожидала разрешения выйти. — Купание мы кое-как устроили, а что с ее волосами делать? Вшами там аж кишмя кишит. А расчесать это… — Следопыт махнул рукой, не в состоянии подобрать слова. — Проще срезать под корень.

— Другого способа не вижу… — согласился Тень. — А то и мы от нее запаршивеем.

— Как бы не обидеть?.. — неуверенно произнес Щек,

окончательно войдя в роль эксперта по женскому вопросу. — В деревне остричь девушке волосы — это самый большой позор. Хуже и придумать сложно.

— Знаю… — пожал плечами целитель Тим. — Но тут выбирать не из чего. Здоровье дороже. Я потом немного ускорю рост волос. Это похоже на исцеление. Несложно… Через неделю-другую косы по плечи отрастут. А пока — в платке походит. Все равно, кроме нас ее никто не видит. Да и вообще, девчушку, скорее всего, продали в раннем детстве, так что в ее понимании — мы ее новые хозяева и по сравнению с орками странно милосердные. Так что стерпит… Да и традиции людей едва ли знает или помнит.

— Синей Ленте холодно… — Голос девушки странно дрожал.

Я торопливо сунул руку в воду и выругался. Вот идиоты. Решили, раз лето — то вода должна быть теплой, а она тут не так чтоб ледяная, но и на курорт не тянет.

— Вылезай.

Второй раз повторять не пришлось. Синяя Лента выскочила из озерца примерно с той же скоростью, что попала в него. Ее аж колотило от холода, но больше она не пожаловалась ни единым словом. Стояла, тряслась и ждала следующих приказов.

Похоже, новые хозяева оказались не такими уж и милосердными…

А ведь мог бы предположить, — был у меня похожий случай. И тоже летом, когда мы с друзьями вот так же, не спрашивая броду, решили искупаться в лесном озере. Неделю жара стояла за тридцать, поэтому никто и подумать не мог, что нас ждет. Обратно мы вылетали из воды, как в прокрученной назад киноленте. Прыжок в озеро, вопль от нестерпимого ожога холодом и прыжок обратно, на берег. Хорошо дно оказалось твердым, не болотистым и было от чего оттолкнуться.

Целитель Тим, как любой врач, имеющий иммунитет на девичьи прелести, быстро растер Синюю Ленту какими-то тут же сорванными травами. Кожа у девушки порозовела и даже засветилась, словно перламутр на солнце. Красавицей, в моем понимании и современном вкусе, я бы ее не назвал, но девушка оказалась вполне приятно сложена.

— Садись… — Подорожник указал Ленте на землю рядом.

После незамысловатых забав орков она ничего другого и не ожидала. Но когда села и попыталась лечь на спину, а целитель придержал ее за плечи, девушка опять попыталась скукожиться и прикрыть голову руками. Причем проделала все это молча, без единого слова жалобы. То ли усвоила, что просить о пощаде бессмысленно, то ли орки, получая удовольствие от воплей

жертвы, били дольше и сильнее.

— Успокойся… — Подорожник погладил девушку по плечу и достал нож. — Больно не будет.

Синяя Лента посмотрела на лезвие, потом на нас и запрокинула голову, подставляя горло.

— Хорошо, — одобрил целитель Тим. — Я не собираюсь тебя убивать, но так мне будет удобнее. Замри и не шевелись, а то порежу.

Девушка обреченно закрыла глаза.

То ли Подорожник имел большой опыт, в том смысле, что, обрабатывая раны на голове, лекарям часто приходится сбривать волосы пациентам, то ли так получилось, но оболванил он Синюю Ленту буквально в мгновение ока. Всего несколькими десятками точных и уверенных движений. Не совсем под лысого орешка, но достаточно, чтобы не оставить зарослей, где бы могла спрятаться хоть какая-то лишняя живность.

Девушка сидела смирно. Похоже, несмотря на все заверения Тима, она все-таки ждала обрывающего мучения удара по горлу.

Когда Подорожник закончил стрижку и отступил в сторону, Лента продолжала сидеть в той же позе, как он ее оставил. Глаза девушка осмелилась открыть только после того, как ее былая прическа затрещала на огне.

Пробормотав, что волосы выбрасывать плохо, Щек разжег небольшой костерок из сухих стеблей. И как только целитель Тим отошел в сторону, парнишка аккуратно собрал все колтуны и сунул в огонь. Полыхнуло так, словно в костер плеснули маслом.

Синяя Лента непонимающе огляделась, потом провела рукой по лысой голове и глаза ее округлились до невообразимых размеров.

— На, примеряй! — Тень взмахнул перед лицом готовой разрыдаться девушки белоснежной рубахой, словно тореадор мулетой перед мордой разъяренного быка, отвлекая внимание. — Нравится?

Можно было и не спрашивать. Рубашка и в самом деле была хороша… Сшитая из тонкого полотна, тщательно выбелена, да еще и с красной вышивкой по краю подола, вырезу и рукавам. А еще со шнуровкой на запахе воротника, заканчивающейся небольшими такими же красными, как и узор, кисточками. В общем, как бы и не совсем мужская рубашка-то?.. Но впечатление на девушку она произвела нужное. Неотразимое.

— Мне?! — Девчонка даже заговорить осмелилась.

— Да. Надевай.

Синяя Лента вскочила на ноги, позабыв обо всем. Схватила рубашку, какое-то время держала перед собой на вытянутых

руках, словно опасалась прикоснуться. Потом закрыла глаза и нырнула в нее.

Одежда с чужого плеча редко приходится впору, особенно — когда женское платье надевает мужчина. А вот наоборот…

Странно, но давно подмечено, что мужская рубашка, особенно если кроме нее на теле девушки больше ничего нет, смотрится невероятно сексуально и возбуждающе. Может, они именно поэтому, вскочив с постели, не торопятся одеваться в свое, а непременно норовят влезть в наши футболки, тельняшки или те же самые рубашки? Для закрепления эффекта, так сказать? И — рефлекса…

Поясок из кожи гадюки, который Щек хотел приспособить для изготовления новой пращи, как и платок Листицы тоже оказались к месту и впору. В общем, вопрос с гардеробом для беглянки, кроме обувки, временно был решен. Но об этом Тень просил не беспокоиться. Дичи много. Если будет чем поужинать, то наутро — будет и во что обуться.

В общем, можно было двигаться дальше. Ну хотя бы для того, чтобы убедиться, что и Подорожник не ошибался насчет большого водоема.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ (поисковая)

И согласитесь, какая прелесть
Мгновенно в яблочко попасть, почти не целясь,
Орлиный взор, напор, изящный поворот,
И прямо в руки запретный плод…

Юлий Ким

Глава первая

Шутят, что мужчина считается одетым по моде, если носит оба носка, причем — одного цвета. И это как бы характеризует нас с положительной стороны. Мол, не зациклен на мелочах, устремлен на достижение главной цели, ну и тому подобное. Возможно. Лично я никогда за модой не гонялся, но небрежность и неряшливость терпеть ненавижу. А еще мне кажется, что за демонстративной, показушной брутальностью скорее всего скрывается банальная неуверенность. Защитная мимикрия… Ну как в природе, когда вполне безобидные животные маскируются под ядовитых собратьев, чтоб их не трогали более сильные противники.

Два носка… Смешно.

Ну не знаю, может, в этом действительно есть какая-то сермяжная правда, а может — очередная придумка женщин. Чтобы мы не отвлекались на себя, а все доступное время посвящали любованию их совершенством. А уж они умницы-красавицы постараются, чтобы мужчины не скучали… и в основном за наш счет.

Тем не менее обновка преобразила Синюю Ленту не только внешне. До сих пор не произнесшая подряд и пары слов, девушка буквально ожила. Что значит — щебетала без умолку.

Интуитивно избрав в лице парнишки наиболее подготовленного (я имею в виду совместное проживание с пятью сестрами), но при этом практически безвредного слушателя — перескакивая с одного на другое, отвлекаясь, сбиваясь и снова возвращаясь к повествованию, Синяя Лента слово за словом пересказала Щеку всю свою жизнь. А поскольку у девушки, выросшей в степи, да еще среди орков, явно отсутствовал регулятор громкости голоса, то и всем остальным ее нехитрая история тоже стала доступной.

В общем, мы немного ошиблись. Она не была данницей и не относилась к тем, кто в поисках мужчин уходил к нелюдям. Синяя Лента родилась в стойбище Вартоса Трехпалого, одного из небольших родов, входящих в племя Чернолапых. О своей матери девушка ничего не знала, поскольку была предоставлена себе, как только научилась ходить. Впрочем, так поступали почти все рабыни, и дети невольниц росли одной гурьбой, под минимальным присмотром взрослых.

Детство не радужное, но и не самое жуткое. Щенка или котенка, если тот сам не подвернется под ногу, редко кому взбредет в голову обидеть намеренно. Когда пнут, когда

приласкают, а когда и чем-то вкусным угостят, да еще и приглядят, чтобы те, которые постарше, лакомство не отобрали…

И только об одном девушка говорила со злостью. Когда ее мать была на сносях, она обратилась к шаманке с просьбой удалить из плода вторую кровь. Зная, что полукровок не принимают ни люди, ни орки, женщина не хотела, чтобы ребенок родился полуорком.

Шаманка была чем-то обязана рабыне и отказать не смогла. Вот только ее власть не распространялась над человеческой сущностью, поэтому плод был очищен от примеси крови орочьей. И в положенный срок на свет родилась обычная девочка. Вот только расти ей предстояло не среди людей… А в степи даже полуорке выжить легче, чем человеческому ребенку.

Хотя, судя по рассказу, судьба к Синей Ленте оказалась достаточно милосердна. Лет в пять-семь она чем-то приглянулась главной поварихе Бурче Шепелявой, и та с тех пор держала ее при себе. Понятное дело, что обязанности девочки сводились к «подай», «принеси», «вымой», но за этот, не столь уж и непосильный труд Синяя Лента была в тепле, спала не под открытым небом, и ей не приходилось воевать за объедки с остальными детьми и орочьими ездовыми или сторожевыми гиенами.

Кроме того, она понемногу училась куховарить. Ведь посылая девчонку за какой-либо травой или корешками, повариха постепенно, даже сама того не замечая, объясняла прислужнице, зачем та или иная приправа нужна. В каком количестве и для какого блюда. А со временем, заприметив старательность девушки, Бурча начала намеренно объяснять той кое-какие секреты ремесла. При этом разрешая Синей Ленте снимать пробу с котлов. Что немедленно сказалось на упитанности девушки, ранее больше походившей на ходячий скелет.

Но в один кошмарный день, случившийся на позапрошлой неделе, все изменилось самым ужасным образом. Прислуживая за пиршественным столом воинам, Синяя Лента поскользнулась на брошенной под ноги кожуре и свалилась на одного из младших сыновей вождя. Вместе с казаном айрана.

Окажись на месте Кургока сам вождь или кто из воинов постарше, для неуклюжей прислужницы все окончилось бы парой оплеух, максимум — поркой. Но Синей Ленте не повезло. Кургока, в силу юности, и без этого дразнили молокососом, так что купель в перебродившем молоке дала такую пищу для насмешек, что молодой орк буквально озверел…

Обо всех тех наказаниях и унижениях, которым ее подвергли, девушка, естественно, рассказывать не стала. Только побледнела

как то самое треклятое молоко, а потом залилась румянцем и умолкла.

Никто ни о чем больше и не спрашивал. Да и о чем? Глядя на девушку, не было нужды объяснять, что предел есть любой покорности и любому терпению… Вот и у нее все это тоже закончилось. А потому, понимая, что в любом случае в стойбище ее замордуют до смерти, Синяя Лента отважилась на самый отчаянный шаг — побег. Если уж ей было суждено умереть, то хоть не от унижений и пыток…

М-да, такая вот история… наверняка случавшаяся сотни тысяч раз и в моем мире. Особенно в те века, когда закон и порядок устанавливали огнем и мечом. Да и теперь найдутся места, где иноверец по-прежнему не человек. Особенно если у тебя в руках нет весомого аргумента системы Калашникова с полным магазином.

Снова Синяя Лента ожила, когда мы добрались до озера. Оказалось, что и Подорожник не ошибся. Впрочем, никто особенно и не сомневался, спорили больше от избытка эмоций. Еще бы маг земли не умел чувствовать.

Тень, то ли помня данное обещание насчет ужина, то ли о босых ногах девушки, умудрился где-то по пути раздобыть сайгу. А когда собрался ее освежевать, Синяя Лента предложила помочь. И поскольку каждый настоящий мужчина всегда и с удовольствием готов переложить свои обязанности на плечи другого и особенно женщины — возражений не последовало.

Девушка споро взялась за работу, наглядно демонстрируя, что ее рассказ, хотя бы в части жизни при кухне, соответствует истине. Шкуру с сайги она сняла быстрее, чем иной разделает кролика. При этом не сделав ни единого лишнего надреза и движения. Все точно и выверено, как при разборке и сборке оружия. Тень еще и сообразить не успел, наверное, чем заняться в неожиданно высвободившееся время, а Синяя Лента уже протягивала ему цельную кожу. Хоть бурдюк для воды мастери…

— Ловко, — похвалил девушку следопыт.

— Огонь нужен… — ответила та, почему-то отводя взгляд. Наверное, ее не так часто хвалили, вот и застеснялась.

— Это к старине Щеку, — усмехнулся Тень. — По кострам он у нас главный. Верно, парень?

Щек, который как раз собирался искупаться, и уже занес ногу, чтобы проверить, не слишком ли холодная вода, сделал вид, что он именно этим и занят. Нагнулся, поднял какую-то корягу и потащил ее в небольшой приямок, лучше всего годящийся для кострища.

— А что, командир? — подмигнул следопыт. — Не

последовать ли нам мудрости хлопца и искупаться, пока остальные делом заняты?

— Почему нет? — Перспектива смыть пот и грязь мне нравилась. — Только по очереди.

— Купайтесь оба, — отозвался Подорожник. — Я покараулю.

— Как знаешь. — Я не стал уточнять причину такого равнодушия к купанию. — Может, стеснялся? Может — плавать не умел? А то и еще чего похлеще. Или ему, как магу земли, противопоказан контакт с иными стихиями в больших объемах?

— Казана нет… — то ли спросила, то ли констатировала Синяя Лента. — Шурпу не сделаю.

— Чего нет, красавица — того нет… — развел руками Тень. — С казаном за спиной по степи бегать неудобно. Так что придется согласиться на жаркое.

— Хорошо… — Девушка кивнула и опять вернулась к разделыванию туши.

* * *

Жарка мяса, наверное, самый простой и быстрый способ готовки с того времени, когда человек отказался от употребления сырой пищи. Метод, не требующий ни особых приготовлений, ни специального оборудования, ни навыков. Было бы мясо, возможность развести огонь и терпение.

Запасы воды позволили укорениться на берегах озера небольшому ольховнику, примерно с полтора десятка деревьев, так что с ветками для рогулек и вертела проблем не возникло. Тушку сайги насадили целиком и поставили жариться. Дальнейшая забота Синей Ленты и приданного ей на усиление Щека заключалась в кормлении огня. Чтобы он не затухал и не разгорался чрезмерно. А также — не забывать время от времени поворачивать вертел, чтобы мясо прожаривалось равномерно со всех сторон.

Обязанности несложные, но, как оказалось, ученица Бурче Шепелявой процесс приготовления дичи понимала иначе. И приступила к этому со всей простотой и бесцеремонностью.

Первым делом она чуток пометалась берегами озера и неподалеку, притащив к костру целую охапку каких-то трав и корешков. Тим Подорожник подозрительно переворошил весь сбор, но ничего предосудительного или опасного не обнаружил. Получив от целителя добро, Синяя Лента приступила к готовке. Первым делом она побросала на угли часть трав, отчего в воздухе поплыл дым с изумительным запахом и чуть горьковатым

привкусом, но вызывающий одобрительный отклик в самых глубинах желудка.

А потом традиции орочьей кухни стремительно шагнули за рамки моего восприятия. Видимо, отозвались пережитки цивилизованного воспитания. Потому как моих спутников дальнейшие манипуляции Синей Ленты совершенно не смутили.

В общем, девушка набивала кореньям и травами рот. Старательно их пережевывала, а когда считала, что специи достаточно измельчены и перемешаны, делала на тушке глубокий надрез и попросту выплевывала туда получившуюся кашицу. Потом снова набивала рот, поворачивала вертел, и все начиналось сначала.

От вида этих процедур меня не вытошнило только потому, что повариха была молодая и достаточно симпатичная. Но представив себе всего лишь на мгновение, что вполне могу оказаться на званом застолье, кушанья к которому будет готовить уродливая старуха, я ощутил такой рвотный позыв, что бросился в воду с головой…

Красота! Что может быть лучше освежающей купели после утомительного марш-броска? Сразу все дурные мысли улетучились, словно их смыло вместе с потом и грязью. И даже современная технология приготовления жаркого уже не казалась такой неприятной, как на первый взгляд… Но это только пока не вылез.

Целитель Тим сунул мне свой травяной сбор, заменяющий сразу полотенце, дезодорант и репеллент. И я, естественно, тут же покосился на костер. Дымок, надо отметить, приобрел еще большую аппетитность, поскольку к сгораемым травам прибавился и запах капающего на угли мясного сока. Но от вида как ни в чем не бывало поплевывающей на мясо Синей Леты меня опять покоробило. Правда, уже не чересчур сильно. Выражение «Голод не тетка» не мною придумано, зато проверено неоднократно. Еще с полчасика — и буду уплетать жаркое за обе щеки, позабыв обо всем на свете. В конце концов, а если б я с ней целовался?..

Тонкое полотно рубахи очень выгодно подчеркивало все изгибы юной поварихи, и я понял, что лучше пойти прогуляться, чем пялиться на девчонку и думать о всяких излишествах. Трудно держать себя в руках, когда знаешь, что отказа не получишь. Более того, Синяя Лента наверняка недоумевает и даже волнуется: почему новых хозяев совершенно не интересует ее тело? Ведь для нее это единственный способ изъявить своим спасителям признательность и преданность.

— Пройдусь… — Я сделал круговой жест, долженствующий

объяснить в общих чертах мои намерения. — Тень, ты остаешься за старшего.

— Надолго?

— Нет… — Я подумал и прибавил: — Ну если все-таки задержусь, ужинайте без меня, не ждите. Но если до темноты не вернусь…

— Я понял.

— Вот и славно.

Я развернулся спиной к костру и побрел прямо перед собой. Никаких конкретных мыслей в голове не вертелось, просто по совокупности причин захотелось побыть наедине с собой. А поскольку степь не лес, тут для этого надо пройти расстояние примерно равное прямой видимости. Потом упасть в травы… Можно ничком, но лучше навзничь. Так, чтобы ничего вокруг и только блекло-лазурный шатер неба над головой.

Звуки за спиной становились все тише, запах развеялся и того раньше, в общем — можно было начинать присматривать место для привала. Процедура, надо заметить, важная и наплевательского отношения не терпящая. Недоглядишь чуток — и можешь растянуться на прошлогоднем кусте чертополоха, щедро раскидавшего сухие колючки, только чуть прикрытые новой травой. Или, что не так чувствительно сразу, но очень неприятно потом, прилечь рядом с муравейником. Вытряхивать кусачих насекомых из каждой складки одежды — то еще удовольствие. Я уж не говорю о гадах размерами побольше.

Все знают, что змеи предпочитают уползти, нежели атаковать. Но — это если дать им время. А что произойдет, когда какое-то «тело» свалится всем весом на зазевавшееся бедное пресмыкающееся? То-то и оно!..

Так что, приняв решение прилечь, я стал повнимательнее глядеть под ноги, выбирая местечко, которое отвечало бы если не всем, то хотя бы большинству требований безопасности и удобства. Вот только принцип: «Знал бы, где упадешь — заранее соломку подстелил бы» и на этот раз не сработал. Причем в самом буквальном смысле.

На очередном шаге земля под ногами расступилась, осыпаясь вниз. Ну а я, нелепо взмахнув руками, рухнул в какую-то яму, хорошенько приложился затылком к чему-то твердому и, поскольку на голове не то что шлема, а даже банданы не имелось, потерял сознание…

Ненадолго. По субъективным ощущениям, всего на пару-тройку минут. Но и их хватило, чтобы очнувшись, я почувствовал на своем лице чье-то горячее и смрадное дыхание.

«Не шевелись! — Голос в голове не советовал, а

приказывал. — И глаза не открывай! Запах от тебя травяной, не тронет…»

«Где я?..»

«В берлогу провалился…»

«Чего? — От удивления я даже не испугался. — Медведь же не суслик, чтобы в норе жить. Да и вообще, лето. Нафига ему берлога?»

«Долго объяснять, потом сам увидишь… Все, лежи спокойно и не мешай мне».

Сопение зверя все время перемещалось. То приближалось к лицу — тогда я задерживал дыхание, то смещалось вниз — и я делал все, чтобы не выдать себя предательским урчанием. Потом процедура повторялась. Похоже, медведь никак не мог понять, что к нему свалилось. С виду одно, а пахнет — как невкусная трава. Но поскольку, как и большинство животных, медведь тоже доверял нюху больше, чем глазам, прошло еще немного времени, и зверь, несколько раз возмущенно фыркнув, удалился, так и не попробовав меня укусить.

«Спасибо, Эммануил. Не знал, что ты и зверям внушать умеешь».

«Под ноги глядеть надо, — проворчал голос. — И я не Эммануил. Ты хотел от меня бонус получить за копье огня? Вот. Считай — в расчете».

— Фрэвардин? — Я открыл глаза, но никого не увидел. Не потому что в берлоге было темно. Через проделанное мною отверстие внутрь проникало достаточно света. Просто на этот раз тутошний бог решил объявиться, так сказать, в своем нематериальном воплощении. — Ты?

«Он самый. Только шуметь не надо. Медведь никуда не ушел».

«И что мне теперь делать? Ждать зимы? Пока он в спячку не впадет?»

«Хорошая шутка. Нет, так долго не надо. Он сытый, а значит, скоро уснет… О, уже захрапел. Слышишь?»

Хозяин берлоги и в самом деле выводил затейливые рулады, прямо как пьяный дворник в подсобке. Только на порядок громче.

«Выход найдешь или проводить?»

«Найду… Медведь же не крот, потайных ходов не роет».

«Ну тогда двигай. И это… выберешься на поверхность, будь повнимательнее».

«В смысле, под ноги глядеть, или что-то еще случилось?»

«Ничего непоправимого. Если захотеть…»

«А толком объяснить можно?!»

Но Фрэвардин не ответил. Словно и не было его,

пригрезилось от удара по затылку. Эммануила я даже звать не стал. Если боги решили поиграть в молчанку, их никакими молитвами не урезонишь.

* * *

Когда я проходил мимо мохнатого исполина, в котором даже на глазок весу было за три центнера, он слегка повел носом, но так как этот запах для него не таил опасности, зверь даже с ритма не сбился. Ну а я не стал испытывать судьбу и как можно тише и быстрее прошмыгнул дальше.

Выйдя наружу, понял, каким образом очутился в берлоге.

В том месте, куда я не добрел всего пару десятков метров, степь перерезал большой буерак… Густо поросший кустарником и с не слишком крутыми берегами из дикого песчаника, местами выветренными и размытыми ливнями. Вот в одной из таких пещер медведь и облюбовал себе местечко под берлогу.

Оглядевшись, я нашел место для подъема и выбрался наверх.

Встал как суслик над норкой в полный рост и сразу же пригнулся. У нашего костра происходило что-то неладное. До меня не доносились звуки битвы или чего-то такого, но количество силуэтов, отчетливо различимых даже отсюда, явно многократно увеличилось. Да и сами они на моих спутников мало походили. Каждый примерно раза в полтора выше и крупнее человека.

Орки?!

Очень похоже, но почему никто не поднял тревогу? Степь не лес, и я даже не представляю себе, какую ловкость надо иметь, чтобы незаметно подкрасться к нашему следопыту. Ну допустим, эльфы еще смогли бы. Наверное. Но орки?..

Почему они здесь, догадаться не сложно. Выслушав молодых воинов, более опытные решили проверить их слова, а заодно — поучить сопляков. А что, по их традициям, охота на беглеца самое интересное развлечение. Странно, что к молодежи сразу кого поопытнее не приставили.

М-да, девчонке не позавидуешь. Участь беглеца всегда одинакова. И Синей Ленте сильно посчастливилось, если она подвернулась кому-то под горячую руку и уже мертва. А что с моими товарищами?

Стараясь держаться как можно незаметнее, я начал подкрадываться к стоянке. Стремительно падающая на степь ночь в этом была мне на руку.

Очень осторожно, буквально по шагу, я подобрался

достаточно близко, чтобы не только услышать их — орки рычали в полный голос — но и разобрать разговоры. И оцепенел буквально от первых слов…

— Синяя Лента заслужила награду… — громогласно вещал один из воинов. — Но награда была бы больше, если бы у костра спали все человеки.

— Бесстрашный и храбрый Гулгадан простит глупую рабыню. — Девушка опустилась перед орком на колени. — Человек Влад ушел в степь, и Синяя Лента не смела его остановить. Но он обещал вернуться к ночи. Гулгадан великий охотник. Ему не нужна помощь рабыни, чтобы найти человека по следу.

— Гулгадану не нужна ничья помощь, глупая гусыня! Гулгадан великий охотник!.. Но чтобы найти дичь по следу, нужно солнце. Ночью след не взять. А я не хочу ждать до утра. Ты видела, в какую сторону человек пошел?

— Да…

Орк одним движением руки поставил девушку на ноги.

— Веди… Пока я сам не учую его запах…

Так вот что здесь произошло. Предательство и засада.

В степи нас ждали. И сразу же подсунули приманку. Причем самую надежную из всех возможных… А еще говорят, будто орки тупые. Да именно на сочувствие к женщинам и детям наш брат и попадается чаще всего. А если она еще при этом и привлекательна внешне — не только разум, но даже инстинкт самосохранения отдыхать уходит.

Девчушка втерлась в доверие, выбрала момент и напичкала мясо каким-то усыпляющим или наркотическим зельем. Для этого и понадобилось ее кулинарное мастерство, чтобы другими специями перебить привкус снадобья. Вот мои спутники, с аппетитом поев жаркого, и отключились. Соответственно, не оказав сопротивления. Наверняка они и до сих пор в отключке. Что, кстати, весьма хорошо… Поскольку истязать их сейчас бессмысленно. Значит, еще какое-то время останутся целыми. А вот мне предстоит увлекательная игра в кошки-мышки. Причем в роли мышки… Не слишком радует, но я же еще тот Маус, могу и пяткой с разворота в челюсть заехать. Это если ума не хватит что-то более эффективное придумать.

Так, от костра отделились четыре фигуры и подались в мою сторону. Охранять целителя Тима, Тень и Щека остались еще примерно шестеро или семеро воинов. Увы, не осилить. С двумя-тремя, на самом гране фола, с учетом знаний покойного тезки и просьбой подсобить Эммануила, я, может, и совладал бы. Но такую толпу никакому Ван Дамму не одолеть. А это значит, пока

уберемся с дороги и пропустим людоловов. И чем быстрее, тем лучше. Возвращался я не своими следами, а шагах в сорока левее, так что мое присутствие они вряд ли могли почувствовать. Да и ветер от орков дует, уносит запах в нужном направлении. Пускай прогуляются. Чем дальше, тем больше шансов у меня что-то придумать. Вот только что именно?

«Ну же, думай, голова, картуз куплю!»

А в ответ тишина. Понятно. Зрители заняли места согласно купленным билетам и замерли в ожидании спектакля. Обидно? Ничуть. Даже наоборот, интригует. Ибо означает только одно — боги считают, что я в состоянии сам справиться с проблемой. Вот и не будем разочаровывать их. Тем более что наши цели совпадают.

Синяя Лента уверенно вела моих преследователей к буераку, и это обнадеживало. Шанс не очень большой, но вполне вероятный. Бредя в задумчивости, я непроизвольно выбирал самый удобный путь, и девушка вполне могла его повторить. А поскольку берлога не освещалась изнутри, то и яму она тоже могла не заметить.

Охотник орк вряд ли попал бы в такую глупую ловушку, а вот девчонка, всю жизнь не отходившая от кухни, — вполне… Жаль конечно, все же не бездушная кукла, а живой человек, но: «A la guerre comme a la guerre».[8] Не я ее на эту тропу направил. Не на мою совесть и кровавому пятну ложиться. А еще каждый человек сам кует свое счастье и ест то, что посеет… Если урожай пожать успеет.

Синяя Лента ухнула в яму с таким визгом, что разбудила медведя вернее, чем даже если бы свалилась ему на голову. Рев разъяренного хищника всколыхнул ночь. Ему вторил короткий вопль, полный ужаса. А потом в степь вернулась тишина…

— Уфф! — Возглас удивления вырвался одновременно у нескольких орков.

— Медведь!

— Берлога!

Никому из них и в голову не пришло броситься на помощь рабыне. Наоборот, воины поспешно отступили подальше от края опасной ямы.

— Гулгадан умный… — не забыл похвалить себя главный в группе орк. — Пустил впереди рабыню.

— Гулгадан умный, — согласились остальные. — Гулгадан совсем скоро станет вождем.

— Убьем медведя? — предложил кто-то.

— Глупо… — отмахнулся Гулгадан. — Сейчас медведь худой, облезлый. Пусть нагуляет жир и красивый мех. Вернемся за ним

по первому снегу.

Ну что ж, похоже, орк и в самом деле неглуп.

Медведи не любят новоселье и редко меняют облюбованное место. Так что он и в самом деле никуда отсюда не денется. А к тому моменту, когда заляжет в спячку, будет самым упитанным за все время. Да и дичи в степи сейчас полно другой, тогда как зимой охотиться гораздо сложнее. Так что медведь, спящий в берлоге, самая лучшая заначка для орков. И не украдет никто, и не испортится…

— Можем возвращаться… — принял тем временем следующее решение Гулгадан.

— Не будем больше искать человека? — удивленно переспросил кто-то другой.

— Одарк не хочет думать, да? Спросить проще…

— Одарк воин, а не вождь или шаман! — ничуть не смущаясь, ответил тот же голос. — Пусть Гулгадан скажет, почему он считает, что человека искать не надо?

— Пусть Одарк и все остальные посмотрят на яму.

— Мы видим яму, — ответил третий голос… Самый густой и с заметной хрипотцой.

— Она достаточно большая, чтобы в нее пролезла рабыня?

— Яма больше, чем надо было для Синей Ленты… — все еще ничего не понимая, ответил Одарк.

— Вот… — Гулгадан выдержал паузу, но никто ничего не сказал. Орки терпеливо ждали. — Яма потому больше, что девка провалилась не сама. Она упала в дыру, которую раньше проделал тот, кого мы ищем. Синяя Лента была хорошей рабыней и точно привела нас на нужное место. Человек шел, не глядел под ноги и провалился в берлогу. Дальше искать не нужно. Можно возвращаться в лагерь.

— Гулгадан мудр…

Вывод остальных воинов был совершенно единодушным. А я оспаривать его, естественно, не стал.

Глава вторая

Орки вернулись в лагерь, поделились радостной новостью с остальными, погалдели еще чуток и стали укладываться спать. Троих пленников, которые, к счастью, все еще не пришли в себя, они уложили рядом с костром, чтобы люди все время оставались на виду, а сами образовали вокруг них второе кольцо. Так что подобраться к своим товарищам я смог бы, только переступив через орка.

Зайдя с подветренной стороны, чтобы даже случайно не обнаружить своего присутствия, я сел на землю и стал размышлять.

Уже одно то, что я уцелел сегодня, причем дважды, можно отнести к невероятному везению. Да, Фрэвардин помог, не без этого. Но только тем, что вовремя предупредил. Хотя я и сам вряд ли стал бы орать с испугу, глядя в морду медведю. Опыта подобного общения у меня нет, но о том, что косолапые часто не трогают человека, лежащего неподвижно, слыхать доводилось. Правда, это относится только к бурым мишкам, да и то, если они раньше не пробовали человечины. Слышал еще, что медведи близоруки и оттого пугливы. Так что если бы зверь, вопреки первому варианту, все же решил попробовать меня на зуб, я мог бы попытаться устроить ему стресс. Вскочив и заорав со всей дури.

Но тут уже риск гораздо больше, чем в попытке отлежаться миром. Не факт, что медведь не отмахнулся бы от меня с испугу обеими лапами. Типа, чур меня! Изыди!.. А сдвоенного удара когтей такого исполина хватило бы любому лосю.

Вот и получается, спасибо Фрэвардину за помощь, но я бы точно не возражал, если б он объявился за шаг до того, как я провалился под землю. Было бы не столь эффектно, конечно, но тоже результативно.

Впрочем, может, я и тут не прав…

Не проделай своим весом отверстие в берлоге, куда бы свалилась Синяя Лента? Да и орки тогда не прекратили бы поиски. Значит, все, что ни происходит, пока — только к лучшему. Даже если я сам этого не понимаю.

Ну ладно. О том, что уже случилось, рассуждать занятно, но бесполезно. Лучше подумать о том, что еще предстоит сделать…

Напасть на дюжину отменных бойцов с одним мечом — безумие. Такое только в дешевых боевиках может прокатить. А в жизни, увы, все иначе. Пару-тройку орков я, может, и срубил бы, пока они не прочухались ото сна, ну а потом… суп с котом. У

мудреца Гулгадана стало бы на одного пленника больше.

Нет, тут в лоб не получится, надо какой-то обходной маневр придумывать.

А для этого определимся с первоочередностью задач и проблем.

Вот что мне в данный момент больше всего мешает? Правильно, количество бойцов. Значит, будем сокращать поголовье орков. Уж на это моего умения, умноженного на сноровку Влада Твердилыча, должно хватить. Тем более сегодня, когда они настолько беспечные, что даже часового не выставили. Главное не торопиться. Дать врагам уснуть покрепче.

Очень осторожно, буквально по метру, я стал подкрадываться к лагерю. Сперва только пригибаясь. Но уже метрах в двадцати не стал рисковать, лег плашмя и пополз. Но не обыкновенной «ящерицей», как передвигаются солдаты, под обстрелом, а «крабом». Удерживая вес тела на руках и носках сапог. Это сложнее и труднее физически, но только так можно избежать лишнего шелеста и хруста. Каждый пересохший стебель с пути не уберешь, а в ночной тишине любой звук слышен очень далеко. Особенно «неправильный».

Мозг так устроен, что отсекает, фильтрует все привычное, иначе мы никогда бы не смогли заснуть, или просыпались от каждого, самого ничтожного шороха. Но он же, подчиняясь инстинкту самосохранения, сигнализирует обо всем, что выходит за рамки «нормы». Человек может крепко спать в зале ожидания аэропорта под рев двигателей и бесконечный гам пассажиров и мгновенно просыпаться, как только приятный женский голос объявит очередную посадку.

Да что там аэропорт, так, к слову пришлось. Рядом с нашим домом проложена трамвайная колея. И, начиная с шести утра и до поздней ночи, как только спаренные вагончики пробегут мимо, в серванте посуда дребезжит, а старинная люстра стеклянными сосульками позванивать начинает.

Первый месяц, как мы в новую квартиру вселились, никто вообще не то что спать — заснуть не мог. Родители ходили бледно-зеленые, с красными глазами и постоянно зевали. Никакое снотворное не помогало. А потом — как рукой сняло. Наоборот, так привыкли к этому грохоту, что уехав на недельку в дом отдыха, через три дня вернулись. В тишине и без трамвайной «колыбельной» уснуть не могли…

Так и орки. В мирное время, да еще и в таком количестве — чувствуя себя в безопасности, они не обратили бы внимания на вой волчьей стаи, но от непонятного тихого шелеста и похрустывания сухих прошлогодних былинок проснулись бы

непременно…

Время текло медленно, словно его тоже клонило ко сну, но тем не менее звезды над головой уже потихоньку начинали терять свою четкость, когда я подполз к ближайшему ко мне орку на расстояние вытянутой руки. Оставалось сделать буквально одно перемещение и нанести удар. И только теперь я понял, что сам себя загонял в ловушку. Убить всех орков и мечтать нечего. Это не перепившиеся до бесчувствия гоблины. Достаточно чтобы хоть кто-то захрипел или в агонии засучил ногами… А один или несколько трупов уничтожат легенду о моей смерти в когтях медведя на корню. И с утра погоня опять пойдет по следу.

Уйти, наверное, смогу. Хотя бы к тому же Дарящему Деревни. Запаса сил и скорости хватит, но товарищам уже ничем помочь не удастся. Скорее всего, разъяренные смертью тех, кого я достану, орки сразу же убьют пленников. Из мести. И чтоб движения не сковывали…

Значит, первоначальный план никуда не годится. Но и уходить, ничего не сделав, тоже было выше моих сил. Вот засада!..

И тут взгляд зацепился за рукоять кинжала, вбитого в землю рядом со спящим орком. Разумная, надо отметить, предосторожность. На метровый ятаган, даже без ножен, во сне напороться проблематично. А засадить себе в живот собственный кинжал, оставив его заткнутым за пояс, ворочаясь с боку на бок, как два пальца об асфальт…

Я глядел на отполированную до блеска рукоять из желтоватой кости и ухмылялся. Именно этой детали мне и не хватало. Теперь я знал, что и как делать.

Кинжал не возражал против смены владельца.

Орк слева лежал ногами к ногам хозяина клинка. Справа — головой к голове. Но, как гласит народная мудрость, ближе не значит лучше. Хрипение умирающего, да и моя собственная возня, могут привлечь внимание быстрее, чем вероятное подергивание ногами. Значит, судьба… Сегодня умрет тот, что справа.

Я осторожно сместился правее. Занял удобную позицию, выждал немного, положившись на инстинкт. Потом быстро приподнялся, левой рукой зажал пасть орка, а правой — вогнал острие кинжала ему в глазницу. Не со всей дури, но чтоб мозг пробило наверняка.

Орк даже не дернулся, как лежал, так и замер неподвижно. Редкий случай, но бывает. Если смерть наступает в момент «быстрого» сна и мозг не успевает обработать последний полученный сигнал.

Оставив кинжал в ране, я еще с большей предосторожностью, поскольку пятился, заметая за собой следы, отполз от лагеря. Метров на пятнадцать… И только там развернулся и ускорил темп передвижения. Уползал, кстати, в южном направлении. Даже рассчитывая на то, что орки, опознав орудие убийства, не станут искать другого виновного, нельзя сбрасывать со счетов, что кому-нибудь не взбредет в голову осмотреть следы вокруг. И вот тут в мою пользу должна сработать психология. Появления врага подсознательно ждешь с любой стороны, кроме ведущей к дому… Ну или хотя бы высматриваешь не так пристально.

* * *

Конечно, для придания пущего правдоподобия, стоило бы что-то ценное украсть у убитого и подсунуть хозяину кинжала, но этот трюк я решил придержать на будущее. Один труп особых подозрений вызвать не должен. Характер у орков мягкостью не отличается, так что сойдет для начала и самый простой вариант… Мало ли какие у них там промежду собой обиды и счеты были? Вот и не сдержался…

Именно этот план сложился, пока я смотрел на кинжал орка. Мгновенно. Словно последний фрагмент пазла встал на место. Вспомнились слова Эммануила о том, что в мою память заложен невероятный объем информации, которым я пока не пользуюсь из-за ненадобности. И тогда я спросил себя: какие и за что наказания предусмотрены для преступников законами орков?

Оказалось, уголовный кодекс у диких сынов степей простой, как палка. В том смысле, что различает всего два типа преступлений и соответственно практикует тоже только два вида наказаний.

Первый тип уголовно наказуемых злодеяний — трусость в бою, открытое неповиновение вождю, старейшине или полевому командиру. Наказание за проступок — немедленная казнь без права на помилование.

Второй тип — все другие преступления, направленные против членов племени или их имущества, повлекшие за собой смерть кого-либо из них. Наказание — взыскание денежного штрафа в пользу семьи погибшего и поединок с таким же штрафником. Победитель считается прощенным Великим Духом и снова обретает все права члена племени. Месть или иное оскорбление, нанесенное очистившемуся орку кровниками, уже будет считаться новым преступлением.

Сложив два и два, я придумал, как, не вызывая подозрений,

уменьшить количество орков их же руками. Поскольку для этого достаточно было столкнуть парочку камней, а уж лавину они сами устроят.

С первыми же лучами солнца подтвердилась пока еще только первая часть моих расчетов…

Держась в стороне от орков и за пределами прямой видимости, я тем не менее вполне отчетливо слышал большую часть их рева. Достаточно, чтобы иметь представление о происходящем в лагере. Ну а то, чего не разобрал, не так уж и сложно домыслить. Не бином Ньютона.

— Гулгадан! — заорал кто-то. — Джегеба убили!

— Когда?! Кто?! — отозвалось сразу несколько голосов.

— Сам смотри! Видишь — у него в глазу кинжал!

— Это чей клинок?! — взревел Гулгадан. Его обертоны я уже немного отличал от остальных.

— Одарка!.. — Кто-то из орков опознал орудие убийства.

— Одарка?.. — еще громче завопил Гулгадан. — Эй! Одарк! Иди сюда! Это твой кинжал?!

— Мой… — Голос неуверенный, а оттого едва различимый на таком расстоянии.

— Ты зачем Джегеба убил, сын бешеной суки? Что вы не поделили?

— Я не убивал его, Гулгадан. Клянусь.

— Не лги, отродье бешеного вепря! Кинжал твой?!

— Да…

— Ты кому-то давал его или терял?

— Нет…

— Так почему он торчит у Джегеба из глаза? Ты трус, если напал на спящего родича! Имей же мужество хотя бы признаться в этом!

— Это не я!..

— А кто?! Может, я?! Или вот он?! Или Глемид?

— Я не знаю.

— А может, ты скажешь, что ночью в наш лагерь пробрались враги? И кто же это? Люди? Гномы? Или, может быть, длинноухие эльфы?

— Гулгадан, я не убивал.

— Повторяю: ты трус и лжец… но так и быть — я проверю. Глемид, ты был вчера с нами возле берлоги. Бери Каргисса и еще двоих. Хорошо осмотрите следы. Может, тот, кого мы искали, не угодил в ловушку и пошел дальше? А вчера хотел освободить пленников, но не смог? А ты, Одарк, проси Великого Духа, чтобы воины нашли следы чужака. Потому что я не посмотрю, что ты племянник моей третьей жены. Закон племени один для всех.

Пролитая кровь требует отмщения.

— Позволь мне пойти с ними…

— Не доверяешь? Думаешь, Глемид не будет слишком усердствовать в поисках? Хорошо. Иди. Ищи сам свое оправдание. Каргисс, ты лучший лучник. Если Одарк побежит — убей его.

— Не сомневайся, Гулгадан. Джегеб был мне другом. Пусть эта свинья только шаг лишний сделает. Клянусь благословением Великого Духа, я всажу ему стрелу прямо в сердце. А потом отрежу голову и отнесу вдовам Одарка.

— Можешь… Теперь идите. Я все сказал! А вы чего столпились?! — Полевой командир переместил злость на остальных воинов. — И разбудите уже пленников!.. Пусть выроют могилу для покойника. Или хотите сами в земле копаться?

Похоже, желающих не нашлось. И через какое-то время я услышал голос Тени.

— Забавно. Целитель Тим, похоже, мы славно поужинали. Садились к трапезе вчетвером, а проснулись…

— Ничего не понимаю, — отозвался Подорожник. — Как это могло случиться? Я же сам проверял все, что девчонка собрала… Каждую травинку, каждый корешок. Где же она хранила сонное зелье?

— Могу предположить…

— Не надо. И так блевать тянет…

— Надо было тщательнее жевать…

— Эй вы, свиньи! — заорал кто-то из орков. — Хватит уже хрюкать! Начинайте рыть яму!

— Дядя Тим, это для нас? — Звонкий голосок Щека ни с чем не спутать, даже без «дяди».

— Нет, парень, не переживай… — первым ответил следопыт. — Вон мертвец валяется. Его хоронить будут. Да и вообще, если орки столько усилий потратили, чтобы живыми нас схватить — значит, наши могилы еще далеко.

— Это Влад Твердилыч… Ой!

— Ну какой же это Влад Твердилыч? Ты что, парень? Орк!

— Я понял, дядя Тень. Извините меня… Сглупил. Чуть не обмолвился.

— Ничего. Но ты правильно подметил. А значит, все не так печально… Пошли копать яму. Не будем злить орков. У них и без того настроение поганое. Что тоже не может не радовать…

— Мне послышалось или ты сказал, что чему-то рад, навозный червь? — в разговор моих товарищей ворвался рев Гулгадана.

— Конечно… — подтвердил Тень. Наверное, чтобы проверить предположение о том, что пленники нужны целыми и

невредимыми. — Ведь мы еще живы.

— Это ненадолго… — неожиданно успокоился орк. — Шевелитесь. Мы не будем ждать до ночи.

— Уже копаем…

— Э-ге-гей! — Полевой командир заорал так, что его голос наверняка было слышно километров на семь, как гудок парохода. — Ну что там?!

— Поверху берлоги следов нет! — прокричал в ответ кто-то. Видимо, Глемид или Каргисс. — Только до ямы! Медведь ушел. Посмотреть внизу?

— Понятно… Нет, все равно ничего, кроме разгрызенных костей, вы там не найдете! Тащите Одарка сюда!

«Минус два!» — Я мысленно поздравил себя с удачным завершением и этого этапа. Теперь следовало подогнать ничего не понимающему Одарку достойного противника… Которого он либо убьет, либо от чьей руки погибнет сам. Но для воплощения в жизнь следующей части плана надо было дождаться ночи. А что орки останутся ночевать здесь же, я был уверен почти на все сто.

Уйти с места захоронения без тризны по усопшему воину они могли бы только преследуя его убийцу. Во всех остальных случаях — такой поступок смертельное оскорбление роду погибшего, да и сам дух мертвеца мог затаить обиду на бывшего командира и остальных товарищей. Ну а на какие каверзы и месть способен разъяренный призрак, суеверные орки даже думать не хотели.

Так что заупокойной тризны не миновать. Ну а какие поминки без хмельной чаши? То есть именно то, что мне и нужно. Главное, чтобы орки спьяну на пленниках злость не стали вымещать. Но — это вряд ли. Иначе зачем бы нас понадобилось усыплять? И к гадалке не ходи: кому-то нужен «язык». И этот кто-то вправе отдавать соответствующие приказы.

— Эй! Каргисс! — словно подслушав мои мысли, опять заорал на всю степь Гулгадан. — Глемид сам приведет Одарка! А ты — бери бойцов и подстрелите нам что-нибудь вкусное! Будем поминать Джегеба!

— Хорошо! Я следы стада сайгаков видел. Скоро вернемся с добычей. Жгите костры…

«Ну вот — что и следовало доказать. А теперь и мне немного вздремнуть не помешает. Эй, Эммануил!»

«Что?»

«Как тебе приключение? Интересное?»

«Очень…»

«Тогда не в службу, а в дружбу — покарауль чуток? Мне ночью много сил понадобится. А я уже черт знает сколько не

спал».

«Это невозможно, Влад! Я же смотрю на мир твоими глазами. Если ты зажмуришься — я тоже ничего не увижу!»

«А ты и не смотри. Просто прислушивайся. Заподозришь что-то неладное — сразу буди…»

«Ну хорошо. Только это не совсем…»

Дальше я уже не слышал, потому что мгновенно провалился в сон. А и нефиг. Должна же, помимо всезнания, быть еще хоть какая-то польза от бога. Не эфемерная, а ощутимая, я имею в виду.

* * *

Ближе к вечеру поминальная тризна перешла в ту завершающую стадию, после которой, собственно, и рождаются анекдоты из разряда: «Слышь, а Вася почему не пьет?» — «Ты, чё? Он же умер…» — «Типа так умер, что даже соточку с нами не опрокинет?!»

Сколько и чего было съедено и выпито друзьями почившего воина, я не видел, но догадывался, что немало. Пришлось даже обратиться в справочную с вопросом: «Откуда у орков с собой такой солидный запас спиртного?» Оказалось, что эту проблему сыновья степей решили довольно просто. У каждого воина как раз на такой случай имеется «прощальный кисет» с некой наркотической смесью из измельченных сухих трав и грибов. Зелье не такое сильное, как та гадость, которой Синяя Лента отключила моих товарищей, но тоже хорошенько отшибающее мозги. Его заваривают как чай, ну а дальнейшее всем известно… Может ли сегодня быть хорошо? Может, но за счет завтра.

Предоставив оркам провожать в последний путь безвременно почившего Джегеба, я отошел еще немного в сторону и занялся собственным обедом. Как говорится, война войной, а прием пищи по распорядку. На пустое брюхо много не навоюешь. Особенно если еще и недосыпать постоянно.

На серьезную охоту не было времени, да и нужды тоже. Высмотрел зайчишку, задремавшего на солнцепеке, им и ограничился…

Потом еще немножко вздремнул. Вынужденно…

Ждать — самая нервная и трудная часть любого дела. Вода в клепсидре, как назло, сразу же в какую-то патоку превращается. Так тянется, что никакого терпения не хватает. А если еще подключить воображение и начать думать о том, что орки с дурных глаз могут сделать с пленниками — зубами землю грызть

начнешь. И вместо отдыха только измотаешь себя. Так что лучше посчитать баранов и отключится…

Не скажу что выспался, но когда проснулся, чувствовал себя бодрее. А главное — над головой уже и звезды нарисовались, смеркалось. Можно было приступать ко второй части Марлезонского балета.

По-прежнему соблюдая максимальную осторожность (мало ли что взбредет в голову Гулгадану, возьмет и выставит посты) да и вообще — береженого даже Бог бережет — я стал приближаться к притихшему лагерю.

Но когда подкрался достаточно близко, понял, что с таким же успехом мог передвигаться строевым шагом, бить в барабан и играть на гармошке. Все орки спали как убитые. При виде такой картины у меня даже сердце екнуло. Неужели так просто? А я еще говорил себе, что орки не гоблины. Счас! Похоже, вся нелюдь одним миром мазана… Хотя какой еще мир, они же тут все поголовно нехристи. То бишь, твари бездушные и в грехе погрязшие. Осталось только прирезать сволочей. Жаль, я не религиозный фанатик из прошлых столетий.

Ладно, разберемся. В данной ситуации совершенно не обязательно устилать путь трупами. Можно и просто так уйти…

Больше не скрываясь, я вошел в лагерь, по дороге даже пнув для интереса одного из одурманенных отваром воинов. Тот проворчал в мой адрес что-то нелицеприятное, но даже с места не сдвинулся.

— Эй, други, вы как? Живы? Потерпите еще чуть-чуть. Сейчас освобожу… А потом вместе решим: прикончить этих тварей или отпустить.

Я подошел к лежащим у костра товарищам, вытащил кинжал и наклонился над целителем Тимом, намереваясь перерезать путы.

— Погоди, Влад Твердилыч! — неожиданно остановил меня Подорожник. — Не торопись.

— Не понял? Вам в плену понравилось?..

— Объясню сейчас, только не режь… Мы, пока тебя дожидались, о многом переговорить успели.

— И?

— Решили остаться.

— Ясно, похоже, вам тоже этой бурды наливали, — хмыкнул я, берясь за ремни, которыми были стянуты запястья целителя. — Ничего, небольшой марш-бросок мигом организм от дурмана очистит.

— Стой! — Подорожник перевернулся на другой бок, пряча руки. — Влад, мы не шутим. Ты просто выслушай и сам все

поймешь.

— Тень… — Я посмотрел на следопыта. — Вы серьезно?

— Вполне, командир, — кивнул тот. — Не спеши. Сперва послушай. Целитель Тим дело говорит.

— Ладно, излагайте…

— Судя по тому, что все мы до сих пор живы, нас кто-то очень сильно видеть хочет. А если учесть, что засада была подготовлена заранее, то нашего появления еще и ждали. Как думаешь, Влад Твердилыч, не связано ли все это с тем самым Огненным посохом?

— Имеется такая мысль… — Я не стал отрицать. — И даже вполне разумная. Мне она тоже в голову пришла. Хотели бы следы замести, перебили бы стрелами из засады, а не заморачивались подсылом рабыни. Но зачем вам в плену оставаться, я что-то в толк не возьму?

— Потому что это самый короткий путь к тайне. Если нас ждал тот, кто завладел ключом от башни Пяти ветров, то к нему и отведут. А разве мы не за этим в степь пришли?

— Не совсем. — Я присел рядом с друзьями. — Мы хотели прийти к оркам свободными. Купцами… А то, что ты предлагаешь, целитель Тим, не только хитрый трюк, но еще и самый короткий путь к смерти. Скорее всего, весьма мучительной. Если себя не жаль, так о Щеке подумай. Парнишка и не пожил толком.

— Я не боюсь!

— Ну и зря… — проворчал я. — Твое бесстрашие говорит не о храбрости, а об отсутствии воображения. Проще говоря, ума не хватает последствия оценить. А вот когда тебе живот разрежут и начнут кишки наматывать…

— Командир, ты чего? — возмутился Тень.

— Извините. Прости, Щек. Я просто дурость терпеть ненавижу. Особенно бессмысленную.

— Ты сейчас горячишься, а потому неверно оцениваешь ситуацию, — перебил меня целитель Тим. — А еще ты обещал выслушать.

— Да. Говори…

— До тех пор, пока нас не приведут в стойбище, нам ничего не угрожает. Орки уже несколько раз намеревались сорвать злость, но их полевой командир строго-настрого запретил трогать пленников. Именем Богморны. И, как видишь, до сих пор это работает. Мы ведь даже, когда могилу рыли, не пытались убежать.

— Днем это глупо. Вас все равно догнали бы… Чтоб уйти от орков пешком, надо хоть на четверть дня опережать преследователей.

— Это неважно. Пока все уверены, что тебя медведь задрал, они поберегут нас…

— Да, а как ты все это так ловко подстроил, командир? — не сдержал любопытства Тень. — Среди них есть парочка толковых следопытов. Но даже они поверили!..

— Долго объяснять. Потом… давай, Тим, говори дальше. Время уходит…

— Я хочу сказать, что надо подождать, пока нас не отведут в стойбище. А вот там, Влад Твердилыч, ты уже поступай, как сам посчитаешь нужным. Не думаю, что подходящий случай не подвернется. Дома орки ведут себя еще беспечнее, чем в степи.

— Твои слова — да Создателю в уши.

— Будем надеяться. Зато мы сразу разузнаем столько, что никаким «купцам» и не снилось. Которые, кстати, оказавшись в стойбище, очень быстро из свободных людей могли бы в пленников превратиться. Стоит только, по мнению вождя, чересчур цену заломить. Но в этом случае выручать нас уже будет некому.

— Я понял.

— Вот поэтому мы и остаемся. Нельзя иначе. К тому же после побега орки поймут, что ты жив и сообразят, кто убил Джегеба. Значит, будут сторожить посох пуще зеницы ока. И нам придется возвращаться, так ничего и не разузнав.

— В общем-то логично. Но как-то…

— Понимаю, командир. — На лице Тени плясали багровые отблески костра, из-за чего следопыт казался видением из снов, а не живым человеком. — Ответственность на плечи давит. Мы в опасности, а ты как бы бездействуешь, да?

— Вроде того…

— Глупость. Мы-то как раз в безопасности. Рисковать и действовать предстоит только тебе. Когда уже по-настоящему спасать нас полезешь. Так что ты, пожалуйста, будь осторожен. Поскольку потом нам больше не на кого будет надеяться.

— Ладно, парни. Вы молодцы… Держитесь. Я не подведу… А чтоб вы не скучали, небольшой спектакль под занавес.

— Эй, Влад, ты что задумал? — забеспокоился Подорожник. — Может, не надо, а то Гулгадан неладное заподозрит. Действительно он слишком умен для орка.

— Ничего особенного, но просто так уйти — выше моих сил. В общем, смотрите сами, завтра, надеюсь, забавно получится.

Я подошел сзади к воину, дремавшему сидя лицом к костру. Похоже, полевой командир все-таки оставил часового, но забыл запретить ему пить со всеми. Понадобилось совсем незначительное усилие, чтобы орк нырнул лицом в тлеющие

угли.

Воспользовавшись мгновенно сгустившейся темнотой, я рванул прочь со всех ног, и душераздирающий вопль боли догнал меня уже метрах в сорока от лагеря. Я остановился, присел, чтоб не отсвечивать на фоне звезд, и приготовился наблюдать.

Да, насчет барабанного боя, с которым якобы можно было пройтись по лагерю орков, я перегнул палку. От криков обожженного товарища те хоть и постепенно, но начали приходить в себя…

Глава третья

Моя злая шутка была не глупым желанием хоть как-то нагадить врагам, а продолжением заранее разработанного плана. Того самого, первоначального, который не предусматривал досрочного освобождения пленников. Ведь смерть Джегеба до сих пор осталась неотомщенной. И чтобы продолжить цепь событий, направленных на уменьшение поголовья орков в отдельно взятом отряде, надо было подогнать Одарку более или менее равноценного штрафника. С которым «убивец» мог бы сойтись в очистительном поединке.

И старания мои оказались не напрасными.

Разбуженный воплем обгоревшего воина Гулгадан сделал единственно правильный вывод, вполне очевидный и неоспоримый в предложенных мною условиях. Часовой заснул на посту, из-за чего и свалился в костер. И никакие уверения несчастного, будто его кто-то толкнул, полевой командир даже слушать не стал.

Во-первых, потому что пребывал в жутчайшем расположении духа, неудивительном с такого перепоя. Во-вторых, толкнули часового или он сам упал, разница не принципиальная, поскольку все равно спал. А в-третьих — признав, что его бойца толкнули, Гулгадан тем самым должен был согласиться, что и Одарк говорил правду. Но полевой командир, с какого боку бы ни задумывался, никак не мог понять логику поступков этого странного врага.

Ход его мыслей мне был понятен до последней запятой.

Допустим, в прошлую ночь таинственный недруг не рискнул пробраться в лагерь и ограничился местью, но что ему помешало сегодня?

Нет, таких врагов не бывает. Застать орков мертвецки пьяных и ограничиться пинком часовому, вместо того чтобы вырезать всех до одного, как баранов?! И даже пленников не освободить? Вон, лежат все трое и только оглядываются испуганно. Нет, ни один человек не оставит в беде своих соплеменников, если может помочь. Так что хватит уже думать о пропавшем четвертом. Наверняка медведь к этому времени уже не только доел его останки, но и переварить успел…

Гулгадан помотал головой и скривился от боли, пронзившей затылок.

— Умолкни и не скули, Ругах! Пока я добр и сам не выпустил твои кишки! Убить сонного родича, как Одарк — подло, но твой проступок еще хуже. Ты уснул на посту! И если бы рядом

действительно были враги, о чем ты сейчас тут ноешь — мы проснулись бы в Краях Вечной Охоты! Оставив тебя на посту, я доверил тебе жизни всего отряда, а ты… — Гулгадан презрительно сплюнул. — Твое счастье, Ругах, что мы не в военном походе. Иначе и разговора никакого не было бы! Одарк! Ты единственный, кому повезло. Нашелся тот, кто поможет тебе очиститься. Но не сейчас. Мне надоело сидеть на одном месте! Тут скоро шагу будет нельзя ступить, чтобы в дерьмо не вляпаться!.. Выступаем немедленно. Поединок будет проведен, когда разобьем новый лагерь…

Гулгадан помолчал, что-то обдумывая, и добавил:

— Двигаемся без обеда и до тех пор, пока тень от воткнутого в землю ятагана длиной не сравнится с самим оружием.

Воины негромко заворчали, не соглашаясь с таким подходом, но сейчас с Гулгаданом лучше было не спорить.

— Я сказал! Или кто-то хочет оспорить приказ?..

Желающих рискнуть остатками здоровья не нашлось.

Сказано — сделано. Орку собраться, что голому подпоясаться. Поставили пленников на ноги, похватали оружие и побрели прочь. Ни о каком строе или хотя бы его подобии и речи быть не могло. Орда — она, пардон, и в Африке орда. Только и того, что товарищей моих держали внутри группы, стихийно пульсирующей, как отара.

Подслушав ближайшие планы и уточнив направление, я забрал еще больше в сторону и, заложив максимально длинную дугу, постарался опередить орков. С тем, чтобы во время их вечерней стоянки опять иметь возможность подкрадываться с юга. Рассчитывать и сегодня на небрежность врага не приходилось. Зуб даю, что Гулгадан, для очистки совести, после поединка и тризны не просто выставит караулы, а удвоит их. Да и сам вполглаза спать станет. Поскольку еще один труп или несчастный случай с часовым уже станут пощечиной его авторитету как полевого командира. И вряд ли найдут понимание и одобрение среди старейшин рода.

Так что я не жалел ног и даже перестарался чуток.

Потому что когда вышел наперерез отряду орков, их еще и в помине не было. Даже на горизонте не пылили.

Пришлось со всей осторожностью двинуться им навстречу. Напряженно вглядываясь вдаль и используя любые укрытия, скупо предоставляемые степью в мое временное пользование. Там приходилось поставить между собой и возможным наблюдателем куст шиповника, невесть откуда взявшийся. В другом месте — прикрыться зарослями чертополоха, вымахавшими в рост человека. Все это сильно замедляло передвижение, но торопиться

же нельзя? Кто поспешит, тот орков рассмешит…

А они уже давно никуда не шли…

Как говорится, знал бы прикуп — жил бы в Сочи. Перестраховался, беря в расчет среднюю скорость передвижения орков. Забыл об их похмельном состоянии, вот и набегал пару-тройку лишних километров. А Гулгадан, слегка проветрившись, наверное, и сам решил, что перегибать дисциплинарную палку не стоит… Вот и распорядился разбить лагерь раньше самим же назначенного срока.

Преодолев очередное открытое пространство, я залег на вершине пригорка, возвышающегося над местностью всего-то метра на три. Зато макушка его не совсем облысела, и я мог спокойно, не опасаясь быть замеченным, рассматривать вражеский лагерь, разбитый примерно в трехстах шагах на север от меня. Рассматривать лежа и даже не сильно раздвигая траву.

Опасаться, что орки учуют меня или увидят на таком расстоянии, не приходилось. Тем более что холм, по отношению к ним, находился не строго на юге. Со всей беготней я все же немного ошибся в расчетах и вышел западнее от места их стоянки, но — в конечном итоге получилось даже лучше. Лучи вечернего солнца слепили орков, так что они даже не оборачивались в мою сторону.

Одним словом, нет такого худа, чтобы на добро не вышло. Впрочем — наоборот тоже бывает. И гораздо чаще.

А орки тем временем завершили все приготовления к очистительному поединку. Одарк и Ругах уже вышли в круг и ждали только сигнала.

Собственно, никаких особенно сложных правил в самом поединке не было. Противникам связывали левые руки коротким кожаным ремнем примерно полутораметровой длины. Вооружали ножами и все. Никаких ограничений, запретов или первой крови. В живых остаться мог только один…

Кто именно победит, по большому счету мне было без разницы. Так что я перестал напрягать зрение и шею, лег лицом на согнутую в локте руку и закрыл глаза. А чего? Солдат спит — служба идет. Ногам даже при умной голове отдых положен, а в моем сегодняшнем случае так и подавно.

Время от времени лениво поглядывая на рычащих и скалящих клыки орков, старательно пытающихся взять чужую жизнь, я думал о том, как просто устроен мир, что все старо под солнцем и при всем богатстве выбора на самом деле альтернативы нет. Все уже когда-то происходило.

Взять хотя бы этот поединок.

Очень сурово смотрится и как нельзя лучше подходит

свирепым натурам орков, но и северные индейцы, и монголы тоже использовали подобный ритуал. Так называемый Божий Суд. И свято верили, что он действительно устанавливает справедливость. Собственно, и сейчас отыщутся поборники дуэли как решающего аргумента, несмотря на то что еще Наполеон изрек классическую формулировку: «Бог сражается на стороне больших батальонов».

В том смысле, что хорошо обученный и опытный боец почти не нуждается в поддержке высших сил, а желторотому неумехе, будь он хоть трижды прав, помочь весьма затруднительно. Ну а Господь наш, хоть и всемогущ, вездесущ и всеведущ, тоже всего лишь бог, а потому вполне может не вовремя отвлечься… И мир заселят не дети умных и добрых праведников, а потомки безжалостных профессиональных убийц.

* * *

— Одарк! Одарк! — дружно взревели орки.

Угу, вот и еще одно подтверждение моим рассуждениям о справедливости. Если бы на этот поединок принимали ставки, я с большой уверенностью поставил бы как раз на победителя. В отличие от воина с сильно обожженной мордой, а значит — плохо видящего и утомленного нешуточной болью, «убивец» пребывал в отличной форме. Так что со временем, когда противник окончательно ослабел, Одарк сумел выбрать момент и развернуть его мордой на запад. А когда и без того слезящиеся глаза Ругаха на мгновение вообще ослепли, изловчился и воткнул сопернику нож… Да без разницы куда. Я даже смотреть не стал.

Стоп!.. А ведь хорошо, что именно Одарк победил. Я как-то не задумывался раньше, но именно такой результат позволит мне продолжить свою смертоносную игру. Чтобы Гулгадану служба медом не казалась.

Супер! Как говаривали классики: «Вечер перестал быть томным».

Итак, что у орков на повестке дня?

Ясен пень — пьянка. То есть очередная тризна. То-то они так радостно ревут и поздравляют победителя. Логично, последствия бодуна давно выветрились и забыты, а предвкушение попойки всегда приводит любой мужской коллектив в состояние легкой эйфории. Невзирая на повод.

С другой стороны, чего это я? Повод как повод. Даже двойной. Придание земле тела нерадивого товарища и радость возвращения в строй очистившегося от обвинений второго

сородича.

Вон уже и костер запылал. Скоро жареным мясом запахнет. Хорошо, что я оставил себе кусок зайчатины, а то исходил бы сейчас слюнями, оглашая степь урчанием живота. Он же добра не помнит. Сколько ни корми, на следующий день опять требует.

А мои друзья чем заняты?

Смешно… Опять могилу роют. Повышают квалификацию.

Знали бы орки, что целитель Тим — маг земли, на выстрел не подпустили бы к могиле. Орки ведь наверняка морят пленников голодом и жаждой, чтоб те потеряли силы и даже не помышляли о побеге. А для Подорожника контакт со свежей землей лучше сытного обеда и полноценного сна. И сам подзарядится, и следопыта с парнишкой подбодрит. Так что все к лучшему. Когда придется бежать, ноги у них от усталости заплетаться не будут.

Убаюканный прогнозируемостью и монотонностью событий, похоже, я опять немного задремал. Поскольку проснулся от звуков хорового пения. Если так можно обозвать то действо, что происходило у костра.

Десяток орков, положив друг другу лапы на плечи, сидели кругом, равномерно покачивались и то ли выли, то ли рычали поминальную песню:

В наших зрачках
острые грани вечного льда.
А на клыках
свежею кровью пахнет вода!
Видишь мерцание
лезвий средь стонов разодранной ночи?
Слово прощания
с жизнью, что стала немного короче…

Не все слова удавалось разобрать, мелодичность напева тоже оставляла желать лучшего, но — пробирало, надо сказать. Все-таки тризна, даже по врагу, помимо чувства удовлетворения, невольно заставляет задуматься о вечном. И о том — вправе ли мы отнимать у других то, что нам не принадлежит. Особенно жизнь.

Я мотнул головой, прогоняя наваждение.

«Ага, счас! Все брошу и стану пацифистом. Я, что ли, первым начал? Во, и нефиг завывать, когда полновесную сдачу получили…»

Поминальная чаша ходила по кругу, а песня становилась все неразборчивее…

Блин! Неужели Гулгадан настолько уверен в своей правоте,

что и сегодня наступит на те же грабли? Я предполагал и надеялся на массовое распитие, но все же рассчитывал, что полевой командир, памятуя уроки двух предыдущих ночей, все-таки хоть парочку бойцов выставит в караул.

Ничего подобного…

Огонь потихоньку догорал, а орки — один за другим, в меру врожденной выносливости организма, валились в траву, и в рифмованное бормотание еще держащихся товарищей тут же вплетался храп.

Ну что ж, каждый сам себе не только кузнец, но и лошадь. А некоторые, так и вовсе ишаки безмозглые.

Дождавшись, когда свалится последний из орков, а костер практически выгорит, я встал и, не скрываясь, вошел в лагерь. Огляделся, насколько позволял свет, но товарищей почему-то не увидел.

— Эй, вы где?

— Возле могилы… — отозвался Тень.

— А чего это вас сегодня ближе к свету не положили?

— Наверное, в благодарность за то, что мы в прошлый раз не сбежали.

— Серьезно?

— Шучу… Но Гулгадан, когда нас связывали, действительно сказал: «Оставьте их там, никуда человеки не денутся…» А мы и не возражали. Жарковато у костра.

— В доверие, значит, вошли.

— Вроде того. А ты, командир, проведать нас зашел или как?

— Или как, но если имеются жалобы и просьбы…

— Имеются. Горло бы промочить. Способ целителя Тима хорош, но рот от пыли прополоскать тоже не помешает.

— Легко… — Я присел рядом со следопытом и приложил к его губам горлышко фляги.

Тень пил долго, но маленькими глоточками. Явно не из-за жажды, а для удовольствия.

— Спасибо. Порадовал…

— Еще кто хочет?

— Можно мне? — попросил Щек, так как целитель не отзывался.

— Пей, парень. Тебе все, что хочешь. Ты у нас вообще молодец!

— Слышишь, командир… — поинтересовался Тень. — А это твое «или как» нас еще на сутки не задержит в степи?

— Торопишься попасть в стойбище?

— Вообще-то хотелось бы уже дойти. Руки затекают.

— Так давай развяжу. Походите, разомнетесь?

— Не стоит. От тебя одного следов немного, а если мы все потопчемся… Да и узлы орочьи замысловатые. Их проще разрезать, чем распутать. Долго провозишься. Может, лучше не трогать их больше?

— А вот тут я согласен с Владом Твердилычем, — отозвался Подорожник. — Еще один покойник заставит Гулгадана что-то предпринять. Вокруг ни одного врага, а бойцы мрут как мухи. Должен встревожиться. О проклятии каком-то подумать. В общем-то, не важно, что он подумает, но к помощи воззвать обязан.

— К какой еще помощи?

— Неужели вы думаете, что отправляя воинов на такое важное задание, ни вождь племени, ни главная шаманка не снабдили его хоть одним амулетом призыва? На всякий случай. И если до сих пор полевой командир считал, что паниковать рано, то после следующей смерти — решится.

— А если я сразу двоих… того?

— Главное, чтобы следов не оставлял.

— Насчет этого можете не беспокоиться. Фирма веников не вяжет. Фирма делает гробы. Организую в лучшем виде. Жаль только, что они вас не пытали…

— Эй, командир, ты чего? — изумился следопыт.

— Понимаешь, какая фигня, Тень, злость уходит. И мне все труднее становится резать их спящими.

— Да?! — Следопыт почти зарычал. — А ты Синюю Ленту вспомни!.. Как она по первому зову на карачки становилась. Заодно подумай: сколько таких девок и баб к ним за войну попали?.. А еще курган из голов жителей Мшаника вспомни…

Тень умолк и только заскрипел зубами. А я в очередной раз подумал, что, к сожалению, так и не проникся правдивостью происходящего. Ну не воспринимает мое подсознание этот мир всерьез. По-прежнему кажется, что сейчас я сделаю еще один ход, завершу очередной квест, и на весь экран загорится надпись: «Поздравляем! Вы победили!» Или программа проведет автосохранение.

— Ладно, парни. Держитесь. Пойду я свою часть работы делать. Надеюсь, завтра свидимся. Так что вы это, никуда не уходите…

— И тебе, Влад Твердилыч, не хворать, — проворчал целитель Тим. Шутник доморощенный. Нет, братцы, я вам так скажу: в какие одежды десятника ни ряди, а шила в мешке не спрячешь. Ум так и прет наружу. Так и прет…

* * *

Укладываясь спать на своем наблюдательном пункте, я рассчитывал, что разбудит меня разъяренный рев Гулгадана, но ошибся. В лагере стояла тишина. Орки бродили какие-то пришибленные, намеренно или случайно стараясь держаться в стороне от двух неподвижных тел своих товарищей.

Столь странное поведение можно было бы списать на обостренное похмелье, если бы не нытье Одарка. Он даже не оправдывался, а просто сидел на земле, раскачивался, как китайский болванчик, из стороны в сторону и негромко стонал. Второй раз подставленный мною воин не мог ничего понять и от этого вроде даже сбрендил чуток.

Похоже, я и в самом деле перестарался. Надо было ограничиться одним трупом. А так вместо буйства ярости получил полный ступор и тихое помешательство. Рассчитывал на то, что орки — существа примитивные, а оттого и нервами должны обладать стальными, а оказалось, и у них имеется предел прочности…

Вообще-то я их понимаю. Проснуться после вторых за сутки поминок и обнаружить еще два трупа, тут никакого самообладания не хватит. А главное — оба покойника убиты тем же способом, что и первый. То есть кинжалом в глаз. И кинжал злополучный тут же. Торчит, словно в насмешку, из глазницы одного из трупов.

Гулгадан и тот растерялся. Встал перед Одарком и молчит задумчиво. А ведь я, наоборот, хотел подтолкнуть его к решительным действиям.

К счастью, помог страх перед неизвестностью и обостренное похмелье.

Ошалевшие поначалу орки стали постепенно приходить в себя и сбиваться в группки. Сперва только перешептывались, но вскоре голоса зазвучали громче и требовательнее. Сработал один из древнейших инстинктов самозащиты. Нельзя жить, не понимая сути происходящих бед, и если нет виновного — его следует назначить. Тем более что и искать не нужно. Вон он…

— Гулгадан… — решился наконец кто-то. — Ты ждешь, пока этот придурок вырежет нас всех? Скольких Чернолапых племянник твоей жены должен еще прирезать во сне, если тебе троих мало?

— Не торопись, Угрет. Мне пока не все понятно… — Полевой командир посмотрел на своих бойцов, уже собравшихся вместе, потом на Одарка.

— Это не я…

Лучше б тот не открывал рта.

— Заткни пасть, бешеная крыса! — взревел кто-то еще, и в

лоб Одарку полетел комок сухой земли. Бедняга даже не попытался уклониться.

— Придавить гниду!

— Зарыть живьем вместе с убитыми!

— Тихо все!!!

Гулгадан в который раз доказал свое право распоряжаться. Сверкания оскаленных клыков полевого командира и саблезубый тигр бы не постыдился. А от его бешеного рева даже трава пригнулась.

— Если я говорю, что размышляю, значит, для этого есть причины. Молчите и дайте подумать. Самим тоже полезно… А если кому-то мозгов не хватает, то я собственными руками подам ему вареную голову барана, когда вернемся в стойбище.

Насчет вареной головы я не совсем просек, но что это оскорбление, понял из глухого ворчания остальных орков.

— С чего вы взяли, что убийца — Одарк?

— Кинжал… — Угрет ткнул пальцем в сторону трупов. — Это же его кинжал… А мы вчера все видели, как он умеет им владеть.

— И что?

— Одарк победил!.. Вот и решил, что Великий Дух на его стороне. Значит, можно убивать дальше.

— Я не убивал…

— Заткнись! — Гулгадан пнул Одарка в бок. — Но зачем?

— Кто ж поймет сумасшедшего, командир? Посмотрели на него не так или задели чем. А может, понравилось что-то из вещей? Ты разве не заметил, что у обоих с пояса кошельки срезаны?

— Это еще глупее… Но проверить надо. — Гулгадан поскреб затылок. — Одарк!

— Я не убивал.

— Покажи свой кошелек.

— Что?

— Ты оглох, ослиный помет?! Сейчас же вываливай все сюда!

Но бедняга никак не мог понять, что от него требуется. Тупо таращился перед собой и продолжал раскачиваться.

— Помогите ему. — Гулгадан кивнул головой. Пара орков двинулась вперед, но Угрет остановил всех.

— Я сам!

Он ловко срезал кошель Одарка, рассек стягивающую горловину бечевку, огляделся, взял чей-то щит и, как в тарелку, высыпал туда все содержимое.

Гулгадан кончиком копья разворошил образовавшуюся кучку и пожал плечами.

— Смотрите все. Что тут принадлежит Глемиду или

Каргиссу?

Орки придвинулись и столпились над щитом. Какое-то время смотрели, потом один быстро нагнулся и что-то поднял.

— Вот!

Орк показывал остальным раскрытую ладонь. Вернее, то, что на ней лежало. Но из моего укрытия рассмотреть находку удалось бы только в бинокль. Недоработка. Надо было выпросить себе у Фрэвардина орлиное зрение. Впрочем, подробности меня не сильно волнуют. Главное, что сюжет развивается правильно.

— Это же серьга Каргисса! — Кто-то еще опознал находку.

— Точно… — подтвердил третий голос, и вся группа орков, как по команде, развернулась и переместилась к телам.

Еще мгновение в лагере царила напряженная тишина, а потом ее смел вопль ярости, вырвавшийся из семи глоток. Орки схватились за ятаганы и кинулись к Одарку. На этот раз их не смог остановить даже Гулгадан.

Одарк, наверное, и не понял, что умер, с такой иступленной ненавистью набросились на него недавние товарищи. С ревом, гиканьем, проклятиями…

Терпеть ненавижу подобные сцены даже в фильмах. А ведь Одарка линчуют без суда и следствия благодаря моим стараниям.

Ну извини… Ничего личного. Носил волк овец, понесли и волка.

Теперь куда важнее, чтобы на этом и закончилось. А то месть — женщина ненасытная.

Похоже, Гулгадан подумал о том же. Он обошел место неожиданной казни и встал между отрядом и пленниками. А когда головы бойцов, опьяненных кровью, стали поворачиваться в сторону людей, полевой командир стукнул о землю древком копья и поднял над головой что-то, умещающееся у него в ладони.

— Стойте!

— Отойди!

Не знаю, почему именно Угрету надо было больше всех, но именно он и на этот раз ослушался приказа и метнулся вперед, намереваясь сбить с ног своего командира.

И напрасно. Как я уже упоминал, уголовный кодекс орков прост, как бильярдный кий. Никакого суда, присяжных заседателей. Адвокаты, если и были, давно передохли с голоду или переквалифицировались. Да и наказаниями не изобилует.

Что-то сверкнуло, и во лбу Угрета появилось лишнее дымящееся отверстие. Воин сделал еще шаг и свалился под ноги Гулгадану.

— Стоять!

Теперь полевой командир мог и не повышать голос. Во-первых, наглядный пример уже вправил всем мозги, а во-вторых, оставшаяся в живых полудюжина бойцов не полк и не рота — и так услышат. Даже задние…

— Я все понимаю, сам бы с удовольствием свернул головы человекам, но пленники нужны Богморне! И лучше я буду объяснять вождю, почему вернулся без отряда, чем главной шаманке — почему не выполнил ее задание.

Гулгадан немного помолчал, давая своим бойцам осознать смысл сказанного. Посмотрел на свежие трупы, лежащие между ними, и продолжил:

— Я вас не виню. Слишком много странного. Я уже и сам не понимаю, что происходит. Поэтому пришло время призвать сюда Богморну.

Оставшиеся в живых орки опустили головы и спрятали оружие. И как-то сразу у всех нашлись неотложные дела. Один даже могилу рыть начал.

Интересно… Это ж какой реальной властью надо обладать, чтобы одним только именем такой порядок удерживать?

А Гулгадан тем временем поднял руку еще выше и забормотал что-то отдаленно напоминающее «На дворе трава, на траве дрова». В том смысле, что в скороговорке я не разобрал ни одного отдельного слова. Бессмысленный набор рычащих звуков и практически без пауз.

— Зачем звал?

Голос был звучный и доносился из лагеря.

— Смотри сама, Богморна. Я не смогу объяснить… — Гулгадан говорил, глядя на предмет в своей руке, которую по-прежнему держал поднятой над головой. — Мы взяли троих людей. Четвертого задрал медведь. Но с того дня мой отряд каждую ночь теряет бойцов.

— Много?

— Половины уже нет.

— Много. Я посмотрю…

«Лежи и не двигайся! — Голос Эммануила ворвался в мои мысли неожиданно и обеспокоенно. — Это ментальное сканирование. Я прикрою!»

«А теперь твоя помощь не будет считаться вмешательством?»

«Будет. Но иначе кино закончится. А я хочу досмотреть до конца».

«Жалко уплаченных денег?»

«Типа того… Все, чем мог… Дальше действуй сам».

«Скажи хоть, под кого маскировал мою умственную деятельность? Любопытно».

«Под ближайшее по уровню развития животное. — В воображаемом голосе прозвучал смешок. — Шаманка вместо тебя ящерицу увидела».

«Издеваешься?»

«Иронизирую… Не отвлекайся».

— В округе нет никого чужого, Гулгадан… — минуту спустя произнесла шаманка. — Ни человека, ни гнома, ни эльфа. Даже этих вонючих уродцев гоблинов, что смеют называть себя нашими родичами.

— Как далеко ты смотрела, мудрая?

— Достаточно. Два перехода. Чужих нет. Но что-то странное все же ощущается. Ты правильно сделал, что позвал меня. Надо торопится. Мне нужно знать, что людям известно.

— Я могу сам их спросить?

— Ты не сможешь…

— Еще никто не молчал, — насмешливо проворчал полевой командир, — когда его ноги жарились в костре.

— Ты глуп, Гулгадан. Под пытками говорят все, но как отделить правду от вымысла? А мне нужна только правда. Я должна знать, сколько у нас времени! Можем ли мы ждать праздника Равноденствия?

— Прости, мудрая. Приказывай.

— Я выйду вам навстречу. Оставь здесь двоих воинов, пусть похоронят мертвых. А сам бери пленников и веди их с остальными бойцами к Гремящему ручью. В дороге ничего не опасайся — я не чувствую угрозы. Сколько тебе надо времени, чтобы прийти в назначенное место?

— Думаю, суток хватит, мудрая.

— Хорошо. Завтра в полдень я буду ждать вас в том месте, где Гремящий ручей покидает Чашу Покоя.

— Мы будем там, Богморна… Клянусь.

Глава четвертая

Вот когда мне по-настоящему пригодились все эти «полеты во сне и наяву», организованные духами для ознакомления с достопримечательностями этого мира в первый день нашего знакомства. Теперь стоило только напрячь память, и перед глазами возникла подробнейшая карта местности, будто цветная фотография, сделанная с высоты птичьего полета. Без географических названий, но в них и надобности не было. Я прекрасно знал, где начинается и куда течет тот самый ручей. Как и то, почему он — Гремящий, а породившее его озеро орки именуют Чашей Покоя.

Соответственно у меня не было нужды красться за Гулгаданом, чтобы узнать, куда они отправятся. Я мог сам выбирать себе путь, держась подальше от отряда орков. Наконец-то больше не оглядываясь на каждом шагу и не вздрагивая от случайного звука, опасаясь быть обнаруженным.

Так что я даже с места не сдвинулся, когда Гулгадан повел пленников дальше. Знал, что ему надо на юго-восток. Тогда как у меня еще оставались кое-какие незаконченные дела здесь.

Во-первых, надо забрать наши вещи.

Желая успеть к назначенному времени, Гулгадану надо было идти достаточно быстро, а «измученные» голоданием и жаждой пленники едва передвигали ноги. Не помогали ни угрозы, ни усиленный завтрак. Так что пришлось бросить все имеющее хоть какой-то вес. И если на пожитки орков мне чихать с высокой колокольни, то оставлять самоцветные камешки от Дарящего Деревни, которые мы распихали во все возможные швы, в том числе и котомок, я не собирался.

А во-вторых — хотел избавиться от неприятного душка последних подвигов. Почувствовать себя воином, а не мясником. То есть сойтись с орками в нормальном поединке. Когда клинок к клинку и видишь глаза врага. Нет, я не чистоплюй и не ханжа, и не считаю, что воевать можно в белых перчатках, не слезая с коня одноименной масти. Но даже золотарь меняет одежду и моется после работы. Вот и у меня обострилась необходимость отмыться. Для самоуважения. Чтобы никакие угрызения совести и рефлексии не воротили нос.

Заодно проверить свои возможности. Орки — противники куда серьезнее гоблинов и даже гхнолов. Тем более что случай подвернулся как раз то, что надо. Двое — не дюжина. Почему и не скрестить мечи?

Я прислушался к собственным ощущениям. В компьютерных

играх раньше седьмого уровня к оркам и приближаться не стоило. В два удара жизни лишали… А как здесь? Без практического применения не проверить, но в теории моей физической подготовки и умений, переданных покойным тезкой, вроде как должно было хватить.

Но рисковать все-таки не стоило. На кону не только мои амбиции…

Значит, надо подождать, пока Гулгадан с остатками отряда отойдет достаточно далеко, чтобы не услышать шума схватки, а заодно — выбрать момент, когда погребальная команда разлучится хоть ненадолго.

Время меня не сильно поджимало. На том расстоянии, что отделяло стоянку от Чаши Покоя, я мог дать Гулгадану три-четыре часа форы. Но не больше. Учитывая неизбежные на море случайности. Не хотелось бы, играя в догонялки, прибыть на место встречи с шаманкой к шапочному разбору и с вываленным от усталости языком. Поэтому следовало уложиться в отведенные сроки. И — не дать себя ранить…

Задумавшись над такой возможностью, я едва не дал задний ход. Случайное ранение такая штука, которую нельзя исключить даже в сражении с заведомо слабым противником. А сейчас у меня не было ни оправдания, ни права даже на самое невероятное стечение обстоятельств. Потому что тогда всему кирдык.

Но с другой стороны — надо же когда-то и начинать. Для понимания. По ходу с орками еще не один раз придется столкнуться. На том же Гремящем ручье, например… А нет ничего хуже для воина, чем не знать силу врага. Причем одинаково опасно как пренебрежение, так и преувеличение. В первом случае рискуешь оказаться неготовым к бою. Во втором — оружие в потной ладони лежит недостаточно крепко.

Да, куда ни кинь, кругом клин. И все же овчинка стоила выделки. Вот только б побыстрее. Побыстрее…

К сожалению, повлиять на развитие событий я никак не мог. Оставалось только лежать, дремать вполуха и ждать.

Повезло, подходящий случай подвернулся даже раньше, чем я рассчитывал.

— Надоело, — отбросил в сторону щит, которым выгребал взрыхленную ятаганами землю, один из орков.

— А мне нет? — проворчал второй. — И жрать охота.

— Охота, — согласился первый.

— Жрать нечего… — продолжил тему второй, тоже присаживаясь на землю.

— Нечего…

Я уже подумал, что второй орк так и будет изображать эхо

первого, но он подумал и изрек вполне самостоятельную мысль:

— Надо поохотиться.

— Пойдем вместе?

— Нет. Если пойдем вместе, могилу сегодня не выроем.

— Ну и что? Ты спешишь?

— Нет. Но если мертвецов не предать земле, не будет причины выпить.

— Да, — согласился первый орк. — Одному надо остаться. Хочешь остаться?

— Не хочу.

— И я не хочу. Как решим?

— Я старше тебя, значит, я пойду охотиться.

— Да, ты старше. Поэтому тебе лучше оставаться… — возразил первый. — Я моложе, быстрее бегаю и лучше стреляю.

— Хочешь обидеть? — Второй орк ухватился за ятаган.

— Нет, я хочу жрать.

— Я тоже.

— Тогда прикажи мне пойти и поймать мясо. Ты же старший.

— Да, — согласился второй орк, тем самым подтверждая, что ум и возраст не синонимы. — Сейчас же ступай и подстрели сайгу. Это приказ!

— Уже пошел…

Молодой орк вскочил на ноги, подхватил свое оружие и со всех ног умчался прочь. Кстати, как раз вовремя.

— Эй… Это же я хотел поохотиться. Вот сын шелудивого корсака! Обманул! Ну подожди! Вернешься, сам всех зарывать станешь.

Выслушивать до конца его ворчание и проклятия я не стал. Второй орк мог вернуться в любой момент. И до этого времени мне надо было, в лучшем случае, покончить со всем и уйти. В худшем — успеть уложить первого врага.

Мое появление если и удивило воина, то не слишком. Впрочем, откуда мне знать, может, он вообще не умел удивляться?

В общем, орк как-то странно хрюкнул, потом обнажил клыки в ухмылке и похлопал ладонью по брюху.

— Бурхан перехитрил сам себя. Он бегает по степи, а мясо само к нам пришло. Эй, человек. Иди сюда. Я не ел вашего мяса с того самого дня, как закончилась война. А я всегда очень любил человечину. Особенно сладкое тело молодых самок. Они так забавно визжат, пока с них снимают кожу.

— Ты хочешь умереть сидя? — Я не позволил эмоциям вырваться наружу. В конце концов, передо мной был смертельный враг, а не благородных кровей соперник. Так что молоть он мог

все что угодно. Пока не захлебнется кровью.

— Что? — Орк сбился с мысли.

— Если ты воин — встань. А если не хочешь сражаться — становись на колени. Я не люблю мяса орков, оно слишком жилистое, как у столетнего ишака. Но если ты склонишь голову, я убью тебя быстро.

Больше орк не улыбался. Не знаю, насколько он был стар по их меркам, но атаковал как молодой. Стремительно, мощно и… глупо. Честно говоря, зная орков только по воспоминаниям Влада Твердилыча и компьютерным играм, я ожидал чего-то гораздо впечатляющего. А этот кинулся на меня, как со стодолларовой купюрой на бар, еще с места занеся ятаган над головой, как топор. Будто не с воином, а с поленом сражаться собирался. Мне даже никаких дополнительных усилий и коварных приемов применять не пришлось.

В последнюю секунду я выставил меч перед собой, орк на него и нанизался, как жук на булавку. Правда, оказался не менее живучим, чем упомянутый жук. Он уже умирал, а все равно попытался закончить задуманное. А когда я перехватил руку с ятаганом, едва не дотянулся до моего лица клыками. Но и тут я успел увернуться. Правда, для этого пришлось выпустить меч.

Удерживая на клинке вес орка, маневрировать затруднительно, а быстро вытащить лезвие из такой туши задача не из легких. Надо запомнить на будущее. В одиночном поединке несущественный промах, а в бою — такая заминка может стоить жизни. Другие враги ждать не будут…

* * *

О! А они, в смысле враги и здесь ждать не собирались!..

Первая стрела прошелестела над головой как раз в тот момент, когда я уперся сапогом в грудь мертвецу и наклонился, чтоб удобнее ухватиться за рукоять.

«Быстро управился…» — мелькнула мысль, пока выдергивал меч.

Вторая вжикнула, практически чиркнув оперением по носу, когда я позволил инерции от рывка увлечь себя дальше и повалился на спину.

Третья впилась в землю в этом же месте секунду спустя, но я, продолжая движение, уже перекувырнулся назад через голову.

Четвертая стрела тоже ушла в молоко. Поскольку я не стал ее дожидаться, а откатился влево и вскочил на ноги.

Это был самый опасный момент. Какой-то миг я мог

перемещаться только по прямой, и если бы лучнику хватило выдержки и умения, то этот гостинец нашел бы меня наверняка. Вся надежда, что орк лупит не бронебойными, а охотничьими стрелами. И ее лепестковый наконечник не пробьет титановую кольчугу.

Вышло еще лучше. Когда я утвердился на ногах, то увидел, что орк отбросил лук, наверное, закончились стрелы, и бежал ко мне, размахивая над головой ятаганом. Точно как в фильмах показывают яростные атаки конницы Гражданской и Первой мировой. Кисть разминал, что ли? И орал при этом не хуже упомянутого краснознаменного кавалерийского полка.

— Убью!!!

«Вот как? А я думал, это он целоваться торопится».

Увидев, что человек не собирается ни падать в обморок со страху, ни убегать, не добежав пару шагов, орк притормозил. Потом пригнулся, словно для прыжка с места и прорычал, брызжа слюной:

— Ты кто?

— Жнец.

— Какой жнец?.. — От усиленного мыслительного процесса у орка не только брови, но даже надбровные дуги сошлись над переносицей.

— Орков в степи выкашиваю. Готовься, ты пятым будешь.

— Пятым?.. — Молодой воин достаточно быстро сложил в уме цифры. — Это ты всех убивал? Медведь тебя не задрал?

— Я сам — медведь!

Моему первому тренеру и духовному наставнику в этом мире — Владу Твердилычу удавалось очень точно наследовать голос косолапого мишки, и я без раздумий попытался применить это умение. Не знаю, поверил бы моим потугам настоящий медведь, но Бурхана впечатлило. Не иначе, кто из родичей зверя ему в детстве на ухо наступил.

— Ты — шаман…

— Нет… — Время уходило, и надо было заканчивать. — Я — жнец. Ты готов к смерти? Тогда пошли…

— Куда?

— А могилу кто тебе рыть будет? Я? Нет, сам копай. Я подожду…

И чего они такие обидчивые все? Подумаешь. Слово нельзя сказать… Или чем больше ощущаешь свою ущербность, тем шутка больнее жалит?

Молодой орк атаковал не так безрассудно и самоуверенно, как его старший и уже покойный товарищ, зато — совершенно не экономя сил. Вкладывая в каждый удар такую мощь, будто хотел

меня сразу развалить пополам. Хоть сверху вниз, хоть поперек.

Блокировать подобные атаки дело гиблое, только клинок тупить. Пришлось мне повертеться.

Долго…

Более того, уходить от ударов молодого орка оказалось непросто, я едва успевал уклоняться, почти на грани фола. Но ведь природа ни для кого не делает исключений. И запас энергии, каким бы большим он ни был, все-таки ограничен.

Примерно минут через десять орк начал уставать. Я понял это по ставшему чуть басовитее звуку мелькающего ятагана. Он больше не мычал, как готовящаяся к броску змея, а подвывал, будто ветер к каминной трубе.

Дав противнику еще немного времени, чтоб уж наверняка притомился, я поймал его на очередном рубящем ударе, наносимом сверху. Подставил под ятаган меч, так чтобы оружие скользнуло вниз. А когда клинок со всего маху тюкнулся в землю, увлекая за собой и хозяина, — с разворота, резким ударом сапога выбил оружие из руки Бурхана.

Шагнул назад, и когда тот, замешкавшись от неожиданности, вместо того чтобы отпрыгнуть и попытаться как-то иначе повести бой или на худой конец удрать, наклонился еще больше, желая вернуть себе ятаган, — рубанул врага по подставленной под удар шее.

Голова картинно не отвалилась, инерция у одноручного меча не та, но орку хватило. Повалился ничком, дернул пару раз ногами и руками, словно пытался уползти от смерти, и затих.

Ну а я не стал бить себя кулаками в грудь а ля Тарзан или еще каким-нибудь иным способом громогласно объявлять миру о заслуженно обретенной победе над супостатом. Устал, если честно.

Но и удовлетворение получил. Двойное. И на душе полегчало, и оказалось, что не такие уж и страшные эти самые орки, как их молва малюет. Да, поздоровее людей и выносливее, зато — вполне смертные.

Не знаю, смог бы я так же легко управиться сразу с двумя, — но похоже, что скорее да, чем нет…

Ладно, философствовать и играть в «если бы да кабы во рту выросли грибы» можно до бесконечности, особенно пока в крови адреналин бурлит, а время, как известно, не ждет. Часть поставленной задачи выполнена. Осталось собрать шмотки и валить. В смысле догонять и наверстывать упущенное время.

Я по-быстрому собрал оставленные товарищами вещи в одну котомку. Благо стараниями орков в ней, кроме несъедобных и неподходящих по размеру запасных рубах, портов и портянок,

ничего больше не оставалось. Ну и припрятанного сокровища, разумеется… Никто не обнаружил наши тайники, и все до единого камешки уцелели.

Потом окинул взглядом стоянку и задумался…

Шансов на то, что кто-то наткнется на незахороненные останки орков раньше, чем их утилизирует воронье и другие падальщики, не так много, но все-таки имеются.

Взять хотя бы недавний ментальный визит шаманки. Вдруг мудрая Богморна такие штуки и без проводящего амулета умеет отчебучивать? Прибудет на место встречи и захочет посмотреть: долго ли Гулгадану еще топать? А поиск начнет с последней, известной ей координаты. Посмотрит, увидит вот эту картину маслом и все — пишите письма. Сообразить, что оставленные для погребения воины не от несварения желудка ласты склеили, много ума не надо.

А это значит, что при подходе к Гремящему ручью и Чаше Покоя меня будет ждать очень горячий прием. Только в этот раз полевой командир и его команда уже будут знать точно, что не ветра в поле ловят. Больше того, поняв, кто вырезал их товарищей, они землю грызть станут, чтобы меня изловить. Да и не они одни…

Разумеется, этого я точно знать не могу, но почти уверен: главная шаманка племени в одиночку не путешествует. Вот частью ее телохранителей, явно набираемых не из инвалидной роты, и усилят группу Гулгадана.

Такой вот натюр-морд получается…

Я еще раз оглядел стоянку, едва намеченную яму и крепко выругался.

Но как ни изощряйся в словесных перлах, могила от этого глубже не станет. Пришлось засучить рукава и вспомнить армейские навыки по отрыванию окопов и траншей. Вот только ятаган и щит не вполне адекватный заменитель саперной лопатке. Я бы даже сказал: совсем неадекватный.

Кстати, этот момент стоит взять на заметку… и на вооружение.

Будь у меня приличный шанцевый инструмент, я бы управился раза в два быстрее и с меньшими усилиями. А так — пришлось филонить и комбинировать. Яму отрыл даже не на метровую глубину, а только чтоб трупы уместились. Уложил поплотнее, прикрыл тела щитами, а образовавшийся курган еще и ятаганами армировал. Не для того, чтобы воинам после смерти было с чем по Краям Вечной Охоты бегать, а чтоб от могилы зверье отпугнуть.

Фора небольшая, всего пару деньков, пока смрад разложения

не перебьет запах метала. Но, надеюсь, больше и не понадобится. Мне бы только до Главной шаманки добраться да расспросить ее как следует о башне и заветном ключике. А там мы с парнями так со степных просторов пятки смажем, что и лошадьми не догнать будет. Ни секунды дольше необходимого не задержимся.

* * *

И все-таки времени я потерял больше, чем рассчитывал. Крепился как мог, но далеко за полночь понял, что если чуток не отдохну, толку с меня завтра не будет. Хоть часик, хоть самую малость, а вздремнуть надо. И как только выбрал, вернее — наткнулся на подходящее местечко, так и прилег…

Снилась какая-то постапокалиптическая ерунда с погонями и перестрелками. Беготней по развалинам то ли какого-то завода, то ли разбомбленной научно-исследовательской станции. С прыжками через горящие автомобили и прятками в подземных коммуникациях. Лиц врагов я не видел, но тем не менее палил в их сторону с обеих рук бесконечными очередями и почему-то трассирующими пулями. В общем, шутер «Сталкер. Тени Припяти» в лучшем виде. С той лишь разницей, что никто не кричал: «Убей Стрелка!».

Проснулся от влажного прикосновения. Рывком вскочил, с отвращением размазывая ладонью по лицу стылый и мокрый след. Секунду-вторую недоуменно моргал и таращился в уже светлеющее небо, потом провел языком по губам и вздохнул облегченно. Тьфу ты! Это же роса.

Вот тебе и здрасьте. Прикорнул на часок, называется. И продрых аж до предрассветного тумана. А тому все равно на что ложиться — листья и стебли травы или наглую, опухшую ото сна морду.

Зато на умывании время сэкономил. Однако начинает входить в привычку…

По-быстрому завершил еще кое-какие важные и личные дела, не терпящие отлагательства, подхватил вещмешок и со всех ног бросился догонять вчерашний день. Все остальное, включая прием пищи, можно доделать на ходу. Вот уж воистину, из-за дурной головы ноги страдают. Но ведь, с другой стороны, извините — ни будильника, ни петуха у меня в кармане кольчуги не завалялось. А организм не обманешь — потребовалось ему четыре часа для восстановления баланса, значит так надо.

Короче, для угрызений совести отмазку придумал, можно и позавтракать…

Подкрепляя остатками запасов подупавшие силы, внутренним взором сверился с воображаемой картой. Терпимо. Оказалось, что зря я себя шпыняю.

Потому как под воздействием остатков адреналина умудрился отмахать ночью даже больший кусок, чем планировал. Соответственно — часа через полтора, при таком темпе, я смогу увидеть на горизонте Чашу Покоя. Если раньше не услышу Гремящий ручей.

Шутка…

Водопад, грохот которого разносится больше чем на пять километров, и падать должен с соответствующей высоты. Мы же тут по степи бегаем, то есть — равнине, а не горам. Скорее всего, именно поэтому Чаша Покоя и привлекала к себе такое внимание орков, что была дивным исключением на плоском рельефе. Унылом и совершенно одинаковом пейзаже — типичном для этих мест на многие сотни километров вокруг, аж до берега океана.

Озеро образовалось в почти стертом с лица планеты кратере, оставшемся после древнего вулкана, или на месте падения метеорита. Довольно глубокая яма диаметром примерно в сто шагов и ровной окружностью в самом деле очень напоминающая чашу, до краев наполненную прозрачной ключевой водой. Соответственно — очень холодной, а потому тяжелой и почти неподвижной. Откуда и второе слово в названии.

Чаша Покоя поднималась над степью примерно на высоту трехэтажного здания. С плавным, словно заглаженным гигантским мастерком до нулевого уровня, западным берегом и стремительно обрезанным, почти отвесным — восточным. С него же, отражая лучи садящегося солнца, низвергался небольшой водопад, дающий начало тому самому Гремящему ручью.

Впрочем, даже не побывав в тех местах, по одному только названию вполне можно представить себе масштабы. Разве назовут ручьем полноводную реку или что-то вроде Ниагары? Но водопад, пусть и скромный, посреди ровной, как стол, и безводной степи — картина наверняка весьма впечатляющая. Вот и стало озеро для орков священным, или колдовским. В общем, местом, созданным Великим Духом и отцом всех орков для проведения важных обрядов и ритуалов. Особенно тех, что так милы его жестокому и кровожадному сердцу — с жертвоприношениями пленников всех рас.

Ну да… Каждый поклоняется тому, что ценит больше всего и может себе представить. Пахарь — сохе. Воин — мечу.

И вот на один из таких ритуалов главная шаманка племени Чернолапых очень настойчиво ждет моих друзей. Мне, к слову, тоже был заготовлен пригласительный билет, но… человек (в

данном случае самка орка) предполагает, а Бог располагает. Вот и расположил кто-то из всевышних берлогу прямо на моем пути. Буквально бросил под ноги. Я в нее благополучно провалился, и сюжет — изменился. Орки сбросили меня со счетов и не ждут, а я возьму да нарисуюсь — так что фиг сотрете. Зуб даю.

Ага, а вот и первый звонок! Все-таки шум от водопада я услышал раньше, чем узрел на горизонте пятно более плотное, чем низко ползущие тучи. Дождь собирается, что ли? Сомнительно. Обычно дождевые облака приносит с запада, а те, что возникают на юге, притягивает к себе океан.

В неуверенном розоватом свете утренней зари тучи кажутся тяжелыми, переполненными под завязку — даже странно, что они могут еще двигаться… И почему-то до сих пор не выплеснули вниз свою непомерную ношу.

— Проходите, проходите… — пробормотал я негромко. — Дождя не заказывали.

Не смертельно, но и не самое большое удовольствие, когда за шиворот льется холодная вода, а ты, в силу обстоятельств, не то что укрыться от него не можешь, а даже более комфортную позу принять.

> Вот уже идет неделя, дождь стучится к вам в окно,
> Ни ответа, ни привета не дождется все равно.
> Кап-кап-кап стучит дождик, тук-тук-тук стучит дождик.

«Стой! Ложись!»

Я плюхнулся на пузо раньше, чем сообразил, что крикнули мне не в ухо, как показалось сперва, а голос раздался прямо в голове.

«Эммануил! Что за приколы?»

«Тихо. Не шебаршись… Приколы из той же обоймы. Шаманка Богморна опять степь сканирует…»

Сканирует, говоришь? Ну значит, я молодец. Не зря на погребение время потратил.

«Не зря. А вдвойне хорошо, что сам сообразил. Мне меньше вмешиваться и нарушать придется. Все. Подъем…»

«Спасибо. Знал бы какую-то молитву, обязательно произнес бы».

«Не ерничай, Влад. Глупо насмешничать над тем, чего не понимаешь. Боги не только молитвы слышат. Так что лучше не привлекай к себе лишнего внимания. Целее будешь…»

«Намек понял. Виноват. Исправлюсь».

«Это ты Прокурору на Страшном суде расскажешь. Шевелись, а то к встрече опоздаешь. Потом переспрашивать будешь: что да

почему».

«Есть шевелиться. Разрешите бегом?»

Эммануил промолчал. Впрочем, в такой бессмысленной пикировке должен же кто-то быть сильнее, а кто-то — умнее.

Ну бегом так бегом… Не в первый и не в последний раз.

Лишь только бой угас,
Звучит другой приказ,
И почтальон сойдет с ума,
Разыскивая нас…

Поскольку примерный маршрут отряда Гулгадана был известен, я принял еще немного западнее и прибавил шагу. Шутки шутками, а ложка дорога к обеду. Я должен не только оказаться на месте раньше, но еще и успеть укромный уголок подобрать. С которого все видно и слышно, а меня самого как бы и нет. И проделать это в самые кратчайшие сроки.

Глава пятая

Вот когда позавидуешь птицам по-настоящему. Особенно орлу, величаво парящему высоко в небе. Его самого и не видно почти, если не вглядываться, а мы для птицы — как на ладони.

Серебристо посверкивает гладь озера. Пенится и струится неспешно убегающая от него лента ручья. Низвергаясь из Чаши Покоя, вода, ударившись оземь, сперва свободно течет мелким и узким руслом, омывая россыпи небольших валунов, а потом ныряет в заросли вишняка, густой чащей покрывающие берега ручья на полкилометра в длину и расползаясь в обе стороны еще шагов на пятьдесят. Пока корням хватает влаги. Над всей этой сплошной массой из сплетенных ветвей метров на десять поднимается дюжина истрепанных ураганами и ветрами крон деревьев-прародителей, чьи плоды первыми усеяли эти берега. Над вишняком постоянно носится, перелетая с места на место, огромная стая птиц. Выбирая деревья, обильнее покрытые плодами, или улетая прочь от мнимой или реальной опасности.

Чуть в стороне от этих зарослей, на левом берегу ручья пестреет кибитка шаманки Богморны, рядом пасется пара мулов. Тут же, как китайские шабашники на строительстве Великой стены, шуршат пятеро ее телохранителей и слуг. Один рубит сучья и молодые деревца, еще двое что-то копают неподалеку от водопада. Еще двое тащат на перекладине к уже разожженному костру небольшой ведерный казан, судя по прогибающейся палке, довольно тяжелый. Наверное, чтоб два раза не бегать, сразу воды в него набрали.

В этом я просчитался. Ожидал увидеть куда более впечатляющий кортеж. Но либо мудрая настолько уверена в своих силах, что не нуждается в дополнительной защите, либо каждый из ее слуг стоит как минимум троих.

Сама шаманка стоит на передке повозки, выжидательно глядя вдаль, не обращая ни малейшего внимания на суету вокруг. А с той стороны, куда она смотрит, приближается группа людей и орков. Им еще надо преодолеть пару километров. Расстояние пустячное, но все они очень устали и едва передвигаются.

А немного на запад, неподвижно, как изваяние, замер еще один человек. То ли в ожидании чего-то, то ли в раздумье. Сверху очень похожий на меня… Даже кольчуга на нем точь-в-точь.

— Чего?!

Я мотнул головой, и видение исчезло.

Вокруг ровная степь и только впереди уже подросший до размеров постамента под памятник Медному всаднику холм

Чаши Покоя.

— Фига себе? Это что такое было? Я уже могу в птиц переселяться? Или опять кто-то под руку шутит? Я что, бессловесная тварь и сам уже попросить о помощи не могу?

Наверное, устыдил. Поскольку автор подсказки не отозвался.

— Нет, я, конечно, благодарен за рекогносцировку, но кто бы это ни был, душевно прошу — завязывайте без спросу. А то с ерундовой помощью так и лезете, меня расхолаживаете, а на серьезные и важные вопросы отвечать некому. Типа по Уставу не положено.

Выждал минутку, но так как эфир соблюдал тишину, закончил монолог сам:

— Молчание — знак согласия. Будем считать, что договорились.

Очистившись таким образом от угрызений совести, я уселся на землю и опять представил себе подсмотренную на берегу Гремящего ручья картинку из жизни отдыхающих шаманок.

Заросли вишняка для укрытия, конечно, идеальное место, но птицы не те соседи, с которыми можно долго оставаться незамеченным. Да и не факт, что последующие события будут происходить рядом. Особенно если вспомнить хотя бы тех парней, что отправлены Богморной на земляные работы. От них до зеленых насаждений шагов сто будет. Увидеть происходящее реально, но вот удастся ли все правильно истолковать без звукового сопровождения — вопрос. То есть место для наблюдательного пункта не годится.

А какие варианты?

Да никаких. Вся прилегающая территория для рослых орков будет как на ладони. Нечего даже пытаться подползти ближе. Во всяком случае, днем.

Только я что-то сильно сомневаюсь, что шаманка настроена дожидаться темноты. Было бы иначе — не тропила бы Гулгадана, да и с костром ее слуги так не спешили бы. Не ужин же они в том казане собираются готовить, в самом деле.

Кстати, очень нехорошие приготовления, надо заметить. Если это доя моих товарищей… О крутом кипятке думать не будем, вряд ли дойдет до пытки. По крайней мере, сразу. Ведь мудрая Богморна сама запретила Гулгадану жечь пленников. Скорее всего, какая-то колдовская пакость затевается. Значит, крутись-вертись, Влад Твердилыч, а надо держаться поближе.

Сказать легко. А как сделать?

Я открыл глаза и уставился на холм с озером.

Настолько безрассудно, что вполне может сработать. Как я уже успел заметить, орки редко смотрят вверх. Наверное, из-за

слишком толстой и плохо гнущейся шеи. А я, если залягу у края водопада, как раз в эту самую «мертвую» зону и попаду. К тому же за шумом падающей воды они не только шороха, крика не услышат.

Единственный минус — я буду там, как в ловушке. Если кто вздумает подняться наверх, уйти незаметно не удастся. Кроме западного склона все три стороны холма отвесные скалы, а прыгать в ледяную воду на неопределенное время — чистейшее самоубийство.

И все-таки придется остановиться на этом варианте.

Я еще раз прикинул все «за» и «против» и сам себе кивнул.

Раз так, то и рассиживаться нечего. Не так уж далеко оставалось до полудня, то есть того времени, когда Гулгадан с пленниками должен оказаться в лагере. Не знаю, как ему это удастся, может, орки на себе людей понесут, но я был на все сто уверен, что полевой командир не посмеет заставлять главную шаманку племени дожидаться себя. Сказано было: «Буду ждать в полдень», а в ответ произнесено: «Клянусь!» — значит, из кожи вывернись, а клятву сдержи.

Да и наказание может последовать не шутейное. Шаманка не вождь и не старейшина, за невыполнение ее распоряжений смерть не грозит, а вот наделить нерадивого воина непрестанным поносом или мужским бессилием — она вполне сможет. Так что еще вопрос: какое наказание страшнее?

И на этот раз все удалось как нельзя лучше.

Накинув еще чуток кругаля, я вышел к склону так, что озерный холм прикрывал меня от любого постороннего взгляда. Пригибаясь к земле, едва не задевая макушкой травы, я взбежал наверх, а уже там лег плашмя и пополз к обрыву.

Вот и еще один минус, о котором я не знал: берега Чаши Покоя были абсолютно лысыми. На гладком, отполированном дождями и ветрами камне не выросло ни единого стебля. Ни единой травинки. И все пространство просматривалось от края до края. Впрочем, вариант, что отступать будет некуда, я учел. А причиной больше, причиной меньше — не существенно.

Наш ротный любил анекдот рассказывать о разборе учений. Разъяренный командир соединения спрашивает у начальника артдивизиона, почему пушки не стреляли. Тот поднимается и начинает по пунктам докладывать о причинах. Во-первых — то, а во-вторых — это. Но как только дошел до слов: «и еще нам снаряды не завезли», генерал оборвал рапорт. Потому что остальное не имело никакого значения.

Так и у меня. Сколько бы причин ни было «против», я уже здесь и никуда уходить не собираюсь.

Подполз к самому краю водопада и осторожно посмотрел вниз.

Надо отметить, очень вовремя. Группа Гулгадана уже была на расстоянии прямой видимости от лагеря.

* * *

Пока я сюда добирался, то есть с того изумительного по великолепию момента, когда смотрел на мир глазами орла, прошло больше часа. За это время та пара орков, что занималась земляными работами, не только закончила копать ямы, но даже успела установить в них двухметровые столбы. Три штуки ровно. Соответственно, чтобы догадаться, для кого именно их приготовили, особенных умственных усилий не требовалось.

Впрочем, так это или нет, скоро станет понятно и без гаданий. Увидев пеструю кибитку шаманки, которую нельзя было не заметить даже издалека, Гулгадан подогнал свою группу, помогая воинам тычками и ободрительными словами, а пленникам — пинками, размахивая при этом над головой обнаженным ятаганом.

Заметила их приближение и Богморна.

— Эй! Вы… — поманила она к себе тех самых орков, прежде устанавливавших столбы. Как оказалось, шум водопада мне совершенно не мешал. Я слышал каждое произнесенное шаманкой слово так отчетливо, будто стоял рядом. — Вынесите мой сундук.

Телохранители метнулись к повозке, откинули задний полог и выволокли наружу довольно объемный ларь. Но не тяжелый. Судя по тому, что свободной лапой один из орков прихватил еще и небольшой трехногий табурет.

Всю эту мебель они установили там, где указала шаманка. Метрах в десяти от костра. Похоже, мудрая Богморна не очень любила дым, а тыкать ему кукиш каждый раз, когда ветерок изменит направление, ленилась.

— Ты. — Она ткнула пальцем в ближайшего телохранителя. — К костру. Огонь должен гореть ровно, чтобы варево не бурлило.

— Я знаю, мудрая.

— Не перебивай, — проворчала та. — То, что ты знаешь, расскажешь своим женщинам. А я напоминаю, чтобы потом не пришлось наказывать. Понятно?

— Да. Спасибо, мудрая.

— Ступай. А ты, — она перевела взгляд на второго

телохранителя, — пока тут постой.

Подняла голову, прислушиваясь.

— Они подходят или мне чудится рык Гулгадана?

— Идут, мудрая. Я уже вижу их.

— Хорошо. Проводи всех сюда…

Шаманка отпустила телохранителя, а сама уселась на табурет, опираясь ладонями на крышку сундука, как на стол.

Ждать пришлось недолго.

— Здравствуй, мудрая Богморна! — поприветствовал шаманку Гулгадан. Остальные орки тоже прорычали что-то похожее.

— И ты здравствуй, атаман Гулгадан, — ответила та. Демонстративно посмотрела на солнце и кивнула. — Я довольна. Ты умеешь держать слово. Прибыл, как и обещал…

— Разве найдется в степи хоть кто-то, имеющий достаточно глупости, чтобы не сдержать данного тебе слова, мудрая? — пожал плечами орк.

На столь неприкрытую лесть шаманка ответила каркающим смехом.

— Тебе и впрямь быть вождем… — пробормотала, отсмеявшись. Встала, подошла ближе. — Вижу, устали. Привяжите пленников к столбам и можете отдыхать. Понадобитесь — позову.

То ли по-прежнему стараясь угодить, то ли торопясь завалиться на боковую, орки быстро подтащили пленников к указанному месту. Там заставили их встать на колени, после чего завели ноги и руки за столбы и связали. Ни подняться, ни освободиться без сторонней помощи они теперь никак не могли.

— Ступайте. — Шаманка отпустила воинов, а сама встала перед пленниками. Какое-то время пристально вглядывалась в каждого, дольше других задержав взгляд на Тиме Подорожнике.

— Ну и кто же вы будете? — спросила, демонстрируя тоном и зевком, что ей на самом деле все равно, но разговор надо ж с чего-то начинать. — Не хотите рассказать?

— Почему не хотим? — тут же отозвался Тень. — Очень хотим. Но никто ведь не спрашивал.

— Теперь спросили. Рассказывай, человек… Только не лги!

— Да зачем нам лгать, мудрая? Мы сопровождаем купца Влада Твердилыча, — словно только и ждал этого момента, торопливо заговорил следопыт. — Я и мой товарищ, — кивнул на Подорожника, — нанялись к нему проводниками. А парнишка — их слуга.

— А где же сам купец?

— Так это… Мы не знаем, — пожал плечами Тень. — Мы

ужин готовили, а он пошел «до ветра»… А потом все… Очнулись уже связанные. Слыхали, правда, как ваши воины говорили, будто Влада Твердилыча медведь задрал. Но мы сами того не видели и никаких криков не слышали. К нам еще девчонка одна в дороге прибилась, может, ее расспросить? Только она тоже пропала.

— Понятно, — вздохнула шаманка. — Правды, значит, вы говорить не хотите.

— Как же не хотим?.. — забеспокоился целитель Тим. — Еще как хотим. Неужто не понимаем, что пытать будете. Не надо, мудрая. Мы все сами расскажем.

Шаманка приступила еще ближе.

— Воевал?

— А кто ж из моих ровесников не воевал-то, мудрая? — не стал отводить взгляд Подорожник. — Такое время было… Но теперь-то мир?

— Да, и вы его первыми нарушили. Или будете отрицать, что пришли в степь как соглядатаи?

— Мы?! — Удивление Тень изобразил так великолепно, что даже Богморна на мгновение усомнилась в собственных подозрениях.

— Ну допустим, купца медведь задрал. А товар? Где товар, с которым он к нам шел? Тоже в берлогу провалился?

— Этого мы не знаем, мудрая… — опустил голову следопыт. — Нас проводниками нанимали, а не охранниками. Повозок, твоя правда, с нами не было.

— Вот! — Богморна назидательно подняла палец.

— Он с котомкой не расставался… — будто вспомнил Подорожник. — Может, там товар хранил. С ней он и ушел… Так что ты права, мудрая. В медвежьей берлоге товар лежит.

— Это что ж за товар такой, что в заплечный мешок помещается?..

— Камешки… — Привязанный к центральному столбу Щек завертел головой, словно искал поддержки у старших товарищей.

— Какие еще камешки?

— Ну я не знаю… — Хлопец стушевался. — Яркие, блестящие. Я видел, как хозяин пересыпал их… Будто жар на солнце играют. Красиво…

— Самоцветы! — обрадованно воскликнул Тень. — Точно! Как я сам не сообразил? Такому товару повозки не нужны!

— Да. — Богморна задумалась. — Это похоже на правду. Но я должна быть уверена, так что придется проверить ваши слова.

— Значит, все-таки пытки?.. — вздохнул Подорожник.

— Нет, человек. Не бойся. Сам говоришь — мир между нами. Зелье откровенности выпьете, а я послушаю, что вы мне после

этого расскажете. Повторите историю о купце — ступайте на все четыре стороны. Ну а если другая правда покажется, тогда уж не взыщите. Раз воевали, то должны знать, как со шпионами поступают.

— Мы не лжем… — начал Тень, но шаманка оборвала его властным жестом.

— Не трать силы зря. Зелье уже варится. Скоро все будет ясно.

Богморна отвернулась от пленников и пошла к сундуку. Уселась и приказала терпеливо ожидающему рядом охраннику:

— Открывай.

Тот молча поднял тяжелую крышку.

Шаманка до пояса сунулась внутрь, немного покопалась и вынырнула обратно, держа в руке небольшой мешочек.

— Подставляй…

Орк, видимо, проделывал это не впервые, поскольку не нуждался в дополнительных объяснениях. Он плотно сложил вместе обе лапы ладонями вверх. Вот в эту «емкость» Богморна что-то отсыпала из мешочка.

— Неси…

Охранник развернулся и бегом кинулся к костру. Там остановился и посмотрел на Богморну.

— Сыпь.

Орк занес ладони над казаном и стряхнул содержимое в кипящую воду. Второй телохранитель тут же схватил деревянную поварешку и стал старательно перемешивать варево. Первый тем временем вернулся к Богморне и уже по собственной инициативе подставил ладони.

Шаманка вынула из сундука второй ингредиент, и вся история повторилась.

Зато в третий раз случилось непредвиденное ЧП. Неся следующую составляющую «борща правды», орк неловко подвернул ногу и взмахнул лапами, чтоб удержать равновесие. Содержимое ладоней, естественно, разлетелось во все стороны.

— Придурок! — Шаманка вскочила с табурета и завизжала диким голосом. — Сын бешеного ишака! Чтоб ты…

Не меньше пяти минут она визжала, брызгала слюной, сыпала замысловатыми проклятиями, топала ногами и угрожающе размахивала над головой сжатыми кулаками. Не знаю, как насчет неоднократно упомянутого мужского бессилия, но что мучительную икоту на некоторое, весьма продолжительное время нерасторопный слуга заработал, сомневаться не приходилось.

* * *

Чуть погодя и немного остыв, мудрая Богморна сообразила, что воплями беде не помочь, и позвала к себе всех остальных. Включая едва вздремнувших бойцов Гулгадана.

— Слушайте меня внимательно. Из-за этого куска безногого дерьма вам всем предстоит еще кое-что сделать.

Орки угрюмо покосились на виновника, но промолчали.

— Мне нужен цветок бодяка.

Гулгадан недоуменно хмыкнул.

— Так это… Я неподалеку видел целые заросли. Сейчас принесу.

— Не торопись. Если б все было так просто, зачем бы я его с собой таскала? Для того чтобы обычный цветок бурьяна приобрел нужные свойства, надо все сделать правильно.

— Приказывай, мудрая.

— Вы все сейчас пойдете туда, где Гулгадан видел бодяки, и будете ждать того часа, когда месяц окажется у вас над головами. И только после этого сорвете каждый по одному цветку. Не раньше и не позже…

— Я и сам могу… — опять влез Гулгадан.

— Похоже, я слишком рано тебя похвалила, — вздохнула Богморна. — Если бы так можно было, я бы всех не посылала. А теперь — ступайте. И помните: один цветок, и только после того, как месяц зависнет над головой. Иначе вы принесете мне обычную траву.

На этот раз Гулгадан промолчал. Все-таки был небезнадежен.

Орки побрели в степь, а шаманка перенесла свой табурет ближе к костру, уселась к нему лицом и принялась помешивать варево.

Что ж, похоже, пришло время и мне объявиться. Ожидать, что подвернется более удачный момент, по меньшей мере глупо. Я отполз от обрыва, вскочил на ноги и поспешил вниз. Месяцу еще предстоял длительный путь до зенита, ну так и меня поджидала целая куча дел.

Я шел не особенно скрываясь. Шум водопада надежно заглушал шаги, а если бы даже и потревожил случайно мудрую, то оторвав взгляд от пламени костра и повернувшись на звук, шаманка вряд ли хоть что-то смогла бы разглядеть в ночной тьме. Тем более с такого расстояния.

Да что там шаманка, Тень и тот вздрогнул, когда я прикоснулся к его рукам.

— Командир?..

— Я. Сейчас освобожу. Надеюсь, теперь вы уже не будете

отказываться?

— Не будем.

— Вот и славно. Отвяжу — не убегай. Жди сигнала.

— Обижаешь…

— Предупреждаю. Недавно подслушал разговор умных, это… орков. Так они тоже считают, что лучше перебдеть, чем потом сожалеть. Уяснил?

— Как скажешь… — усмехнулся следопыт. — А прятаться все равно не умеешь. Я твою макушку еще на подходе заметил. Хорошо, орки больше под ноги смотрят.

— На то и рассчитывал. Все… Закончил. Сиди тихо…

Я перебрался к целителю Тиму и занялся его путами.

— У тебя появился план?

— Да.

— Поделишься?

— Обязательно. Пока никого нет, схватим шаманку и допросим. Жаль, зелье еще не сварилось. Было бы проще…

— Сварилось, — хмыкнул Подорожник. — Я по запаху примерно видел, что она в варево кидала. Цвет бодяка не обязателен. Это для пущей таинственности кто-то придумал. Все что нужно, чтобы язык развязался, там уже есть. Только остудить и вином разбавить. Один к одному, иначе вытошнит и не подействует.

— Серьезно?

— Нет, шучу… — вроде даже обиделся целитель.

— Ну тогда вообще все один к одному складывается… Тень, ты как? Шаманку возьмешь, так чтоб и не пикнула?

— Да.

— Хорошо. Я буду держаться неподалеку. Подстрахую. А ты, Тим, как только Тень управится, иди со Щеком за мулами. На них у меня большая надежда. Пехом мы от орков точно не убежим, а вот в кибитке… Всем все понятно?

— Может, я пока ее ларь посмотрю, чтоб время не терять. А мулов Щек сам приведет?

— Управишься? — К тому времени я уже освободил и хлопца.

— Скотина как скотина. Что сложного? — пытаясь подражать взрослым, ответил тот степенно.

— Добро… Тень, твой выход… — повернулся к следопыту. Но того уж и след простыл…

Я и восхититься толком его умением не успел, как у костра произошло какое-то молниеносное шевеление, и шаманка тоже пропала с глаз.

— Готово… — донесся шепот следопыта. — Сейчас отволоку ее в тень.

— Тащи сразу к кибитке.

Когда я подошел к повозке, Тень сидел, привалившись к колесу, а мудрая Богморна лежала рядом, мордой вверх. Воняло от шаманки, как от кучи свежего навоза.

— Фу… — не сдержался я.

— Извини, командир. Не ожидал, что у нее такой слабый живот. Может, в ручей окунем?

— Времени нет. Луна вот-вот в зенит зайдет. Тут вся толпа и примчится. Нам их хоть немного опередить надо. Связал надежно?

— Предупреждаешь? — улыбнулся Тень. — И связал, и заткнул. Можно грузить.

— Можно, значит грузим. Тим? У тебя как?

— Ничего интересного. Обычный травяной сбор. Я даже брать не стал. У меня на хуторе и то запасы побогаче будут. Даже странно…

— Ничего странного, — возразил следопыт, забрасывая шаманку в кибитку, как куль. — Орки болеют меньше, чем люди, вот им все твои припарки и ни к чему. Взять, к примеру, хотя бы зубы… Ты хоть раз слышал, чтоб орк жаловался?

— Да, наверное, ты прав.

— Вот… А раз так, иди, помоги Щеку.

Парень и в самом деле уже подводил пару крепких животных. Я не знаток, но где-то читал, что мулы неприхотливее и более выносливые, чем кони.

— Хороши… — оценил Тень. — Прокатимся с ветерком. Ну че, командир? Поехали?

— Пока запрягают, посмотри, что можно выбросить. Чем легче повозка, тем быстрее она покатится.

— Разумно… — Следопыт скрылся внутри, и буквально сразу же наружу посыпалось все, что только под руку попадалось. Видимо, он считал, что, кроме нас, там вообще все лишнее.

А я не возражал. Здраво рассуждая, так оно и было…

Так что я стоял и безучастно наблюдал за разгрузкой, пока из повозки не вылетел какой-то продолговатый тюк. На нем было столько мешковины намотано, что я даже и не сообразил сразу. Но какое-то чутье все же сработало.

Подошел, пнул носком. Потом не поленился, нагнулся и вспорол бечеву кинжалом.

Тряпье распалось, и я увидел перед собой посох. Метра полтора высотой и с замысловатой резьбой, стилизованной под кулак. Тот самый или нет, я знать не мог, но что прячут его не зря, сообразил.

— Готово… — доложил целитель Тим, подходя ко мне. —

Луна уже почти над головой. Едем? Ого! Это то, о чем я подумал? Огненный посох?

— Кто из нас маг? — я пожал плечами. — Бери находку и полезай в кибитку. Кто будет править?

— Щек.

— Ну поехали… — Я вскочил на передок и уселся рядом с парнем. — Кого ждем? Трогай до яма!

Похоже, колеса кибитке не смазывали с того самого дня, как они покинули мастерскую.

Выворачивающий душу скрип раздался в ночной тишине с такой громкостью, что о любой секретности можно было забыть сразу. Оставалась единственная надежда, что орки не посмеют не выполнить полученный приказ шаманки и останутся ждать урочного часа.

— Гони, парень! — Я ткнул Щека кулаком в бок. — Гони. Не жалей скотину. Теперь у нас нет лишнего времени.

— Куда править, Влад Твердилыч?

— Прямо. Пока только прямо. Потом разберемся…

Глава шестая

Похоже, я не ошибся в своих предположениях по поводу дисциплины среди орков. По меньшей мере, в части послушания шаманкам. Вот уже минут пятнадцать, как мы немилосердно скрипели обеими осями на всю округу, а с той стороны, где находились воины, отправленные Богморной на сбор цветков, даже вопросительного крика не раздалось.

Так что мулы успели взять хороший разбег и, несмотря на немузыкальное сопровождение, увеличивали отрыв с каждой минутой.

— Тим, надеюсь, ты прихватил с собой варево шаманки?

— И не только прихватил. — Целитель показал мне свою флягу, сделанную из тыквы. — Но и разбавил. Среди всего ее барахла обнаружился небольшой запас вполне пристойного вина. Я сперва думал так взять, но потом решил, что снадобье важнее.

— Правильно решил. Тень, как наша пленница?

— Очнулась. Зыркает так, что чудом во мне дырку не прожгла.

— Ну если не прожгла до сих пор, то теперь уже не успеет. Помоги мне.

— Как?

Я забрал у Подорожника флягу и перебрался ближе к Богморне.

— Придержи ей голову и по моей команде вытащишь кляп.

— Хорошо…

Я выдернул чоп из горлышка тыквы, перехватил ее удобнее левой рукой, а правой зажал нос шаманке. Посчитал неторопливо до тридцати, а потом кивнул следопыту.

— Давай.

Как только Тень выдернул кляп, мудрая Богморна открыла рот, чтобы вдохнуть, но я успел раньше. И чтоб не захлебнуться, шаманке пришлось торопливо глотать собственное варево.

К моему удивлению, она и не сопротивлялась. Наоборот, пила с жадностью. А когда я отнял флягу, отдышалась и прокаркала насмешливо.

— Ты глупец, человек. Зелье еще не готово. И я ничего тебе не расскажу.

— Да? — Я сделал удивленное лицо. Теперь понятно, почему она не сопротивлялась. Богморна знала, что бодяк в зелье еще не добавлен, поэтому и не опасалась. — Жаль… Ну тогда посиди тихо. Тень…

Следопыту не понадобилось объяснять. Он дернул шаманку

за волосы, запрокидывая ей голову назад, и, сперва продемонстрировав кулак, вернул кляп на прежнее место.

Мы привыкли, или колеса притерлись к осям, но повозка уже скрипела не так громко. Во всяком случае, разъяренный вой орков, обнаруживших, что и шаманка, и пленники исчезли, мы услышали. Бонусное время закончилось. Начиналась погоня…

— Давай, Щек! Погоняй! Нам бы еще чуток оторваться…

— Запалим мулов, Влад Твердилыч.

— Ничего, хлопец. Выдержат…

— Малой прав, командир, — вмешался Тень. — Не стоит гробить животину. Орки устали, быстро бежать не смогут. Чтобы сократить даже то расстояние, что мы уже выиграли, им до утра не управиться. А утром, если не отоспятся хоть до полудня, вообще идти не смогут. Так что можно не торопиться. Тем более что мы, даже если мулы шагом побредут, за это время еще добрый кусок пути проедем. А главное — отдохнем хорошо. И как припустим потом…

— Резонно, — согласился я. — Ну как, целитель Тим? Уже подействовало зелье?

— Судя по тому, что щеки нашей гостьи приобрели оливковый цвет, она созрела для задушевной беседы.

— Тогда, будь добр, передай мне находку.

Увидев у меня в руках посох, Богморна заерзала и что-то замычала.

— Тень…

— Я тут привратником служу, что ли? — деланно возмутился тот, вытаскивая кляп изо рта шаманки.

Как только рот у Богморны оказался свободным, она тотчас завизжала, брызжа слюной.

— Несчастный! Ты хоть знаешь, к чему посмел прикоснуться?!

— Нет… — Я состроил максимально наивное выражение. — И что это такое?

— Это Огненный посох! В нем скрыта огромная мощь! Но даже не это главное…

— Серьезно? А с виду обычная палка. Кое-как оструганная.

— Недоумок! Этот посох — ключ от башни Пяти ветров! — еще громче завизжала Богморна. — Не смей прикасаться к нему своими грязными человеческими руками!

— Вот чего ты все время ругаешься? — Я примирительно положил посох на дно повозки. — Откуда мне знать о ваших реликвиях? Лучше бы рассказала, что это за башня, где стоит. И зачем ей такой странный ключ…

— Эту волшебную башню, — без заминки начала Богморна.

Зелье, похоже, в самом деле действовало, — века тому назад построили гномы и эльфы, чтобы убрать величайшего вождя нашего народа. Они обманом заманили Оркгрима Мудрого в башню Пяти ветров и заперли его там навечно. После этого башня исчезла, и где ее искать, может указать только Огненный посох. Мы давно искали его, но гномы хорошо прятали. И вот — Огненный посох найден. Через три дня состоится праздник Летнего Солнцеворота, и на нем будет избран герой, достойный испытать посох. Потому что ключ явит себя только настоящему воину. Для всех остальных это всего лишь магический посох.

— Понятно. А подробнее?

— Тот, кого признает посох, сможет найти башню и открыть заколдованную эльфами дверь. Что случится дальше — не знает никто. Может, дух заточенного Оркгрима Мудрого снизойдет на него, а может — воину придется войти внутрь, дабы высвободить легендарного вождя из плена. Живого или мертвого…

— Угу. Как обычно… — кивнул я. — То ли предки невнятно объясняли, то ли потомки невнимательно слушали, но велосипед придется изобретать с самого начала.

«Блин! Вот так ляпнешь ради красного словца чего-нибудь, а оно возьмет, да и в масть ляжет. Велосипед, не велосипед, а самокат можно придумать. Раз уж в этом мире такой напряг с лошадьми. Но сперва те дела, что поважнее разгребем…»

— Так, парни, больше вопросов я не имею. Заткните ей рот и уши, а заодно и глаза завяжите. Меньше будет знать, дольше проживет.

— Может… — Тень провел пальцем по горлу. — Для надежности.

— Нет. О мире не забыл? С теми, кто напал, мы разобрались. А она даже пытать вас не стала. Все, пеленайте.

Дождавшись, когда Тень заслонит Богморне обзор, я взял Огненный посох и полез наружу. Не знаю, какой из меня герой, но профессиональным воином могу себя считать с полным на то основанием. Причем в обоих мирах…

Спрыгнув с повозки, первым делом отошел в сторону, чтоб скрип не так бил по ушам. Посох никак себя не проявлял. Во всяком случае, не пытался вырваться из рук, повернуться в каком-то направлении наподобие магнитной стрелки или как-то еще указать путь. Палка как палка.

— Ну и что нам делать? — В раздражении я стукнул посохом о землю. — Отдавать тебя взад оркам, сам понимаешь, мне никакого резона нет. А ты выделываешься!.. Я чего, и в самом деле рылом не вышел? Или проход в башню только на орков рассчитан? Блин, ты хоть огнем полыхни. Или какой иной знак

подай!

Я еще раз ударил посохом и завис… Навершие, то самое, что имело форму кулака, показывало мне кукиш…

— Ничего себе заявочки! — Я даже опешил немного. — Эй, ты что себе позволяешь? Я же парень простой, могу и в костер сунуть. Тогда посмотрим, огненный ты или прикидываешься?

Посох на мой наезд никак не отреагировал. И обратно в кулак сжиматься не спешил. По-прежнему изображал фигуру из трех пальцев, тыча ею чуть левее меня. Скромняга. Типа, не бери в голову, это я не тебя имел в виду. А так, вообще о смысле жизни рассуждаю.

— Ладно, проехали. Не хочешь со мной общаться, сейчас подгоню тебе настоящего воина… Тень! Вылезай сюды.

Следопыт спрыгнул с повозки, даже не спросив, зачем понадобился.

— Ну-ка, подержи изделие эльфийской магии.

Тень взял посох в руку и выжидательно уставился на меня. А я смотрел на навершие, которое опять стало кулаком.

— Похоже, что кто-то здесь идиот. И я догадываюсь, кто…

Я забрал у следопыта капризный посох и с чувством саданул им о землю. Кукиш нарисовался тут же. И опять застенчиво косился чуть в сторону.

— Точно. Нет ума, считай калека.

Я неторопливо повернул посох градусов на девяносто, но большой палец, зажатый между средним и указательным, уперто показывал на юго-юго-восток. Как стрелка уже упомянутого компаса.

— Вот эльфы, гады. Ничего просто так сделать не могут. Обязательно надо какую-то подлянку придумать.

— Да… — согласился следопыт. — Длинноухие считают себя самыми умными, вот и демонстрируют это всюду, где только могут. Но я не понял, о чем ты говоришь?

— Глянь на посох.

— Гляжу.

— А теперь? — Я опять повернул его в руке.

— Кто-то на юге ему не нравится больше, чем мы с тобою… — хохотнул Тень.

— Несущественно, — хмыкнул я. — Главное, что посох знает и показывает нам, где это место.

— Думаешь? — присвистнул тот.

— Ну пока не проверим, утверждать сложно… Но шанс имеется. Зови остальных… Пусть разомнутся.

— Боишься, шаманка подслушает?

— И это тоже.

— Нет, не подслушает. Ты когда уши ей сказал заткнуть, я ничего подходящего не нашел. Повыбрасывал. Так что пришлось пристукнуть слегка. Легонько. Но какое-то время беспокойства от нее точно не будет.

— Ничего, береженого и Создатель оберегает. Зови…

* * *

Вот такая штука, парни… — Я еще раз продемонстрировал «эльфийский» кукиш остальным.

Какое-то время Подорожник со Щеком изумленно пялились на преобразившийся посох, потом неуверенно рассмеялись.

Это он так тебе ответил на вопрос, где расположена башня Пяти ветров? — отсмеявшись, пробормотал целитель. — Да, эльфы нашли самый доступный даже для орков способ общения. Ты невнимательно смотрел, целитель Тим.

Я указал свободной рукой на навершие, при этом чуть повернув посох. Кукиш остался на месте.

Не понял. А ну, еще раз.

— Да хоть дюжину. Он все равно держит только это направление.

— Ну что сказать. — Подорожник потер ладони. — Расчет прост. Долгоживущие лучше всех понимали, что ничто не бывает тайным вечно, все равно придет время, когда ключ от башни окажется у орков. Вот и придумали последнюю, так сказать, преграду. Орки вспыльчивы, как сухой мох. И каждый, кому посох показал бы фигу, тут же шмякнул бы им о землю, даже не пытаясь искать разгадку. Тем более герой. Вы только представьте себе, какое унижение он должен испытать! Избранному на совете всех племен, лучшему из лучших воинов — какая-то деревяшка демонстрирует кукиш. Вот признайся, Влад Твердилыч. Сам-то ты как себя почувствовал? Только честно.

— Тебе правду сказать или вежливо ответить? — ухмыльнулся я.

— Понятно… Но ты молодец, командир, раз совладал с собой и обман понял. И что мы дальше делать будем? — Подорожник закончил хвалебную оду и перешел к существу. — Идем к башне?

— Идем, но не все вместе. Простите, други, но нам придется разделиться.

— Почему?

— Потому, целитель Тим, что теперь у нас появилось сразу два важных и незавершенных дела. Причем одно не терпит отлагательств, но неизвестно чем может закончиться. А второе —

не должно пропасть вместе с нами.

Меня не перебивали, ждали.

— Первое, как вы сами догадались — тайна башни Пяти ветров. Я не верю в случайности. И если судьба сама дала нам ключ к разгадке, мы обязаны разобраться во всем до конца. А чем все закончится — я даже предположить не берусь. Учитывая важность Огненного посоха для орков, отряд которых, если кто забыл, прямо сейчас идет по нашему следу. Поэтому, чтобы выполнить второе дело, нам и следует разделиться.

— Что за дело-то, командир? — уточнил Тень.

— Драгоценные камешки тролля. Слишком многое на них можно приобрести, чтобы позволить такому богатству пропасть.

— Да, — кивнул следопыт. — Это важно. Ну и голова у тебя, командир. А я и забыл уже…

Реплику Тени я оставил без комментариев. Голова, так голова. И спорить не стану. В наличии.

— И кто куда пойдет? — уточнил Подорожник.

— Думаю, что мы с Тенью пойдем башню искать. А тебе, целитель Тим, я вручаю драгоценности и Щека. Идите к нам на Выселки. Расскажите все старосте. Без утайки… Титыч мужик умный, общий язык найдете. А если через две седмицы мы с Тенью не объявимся, сами решайте, что с камешками делать. Мою часть старосте отдашь.

— Может, лучше я с тобой пойду, Влад Твердилыч? — сделал попытку перетащить одеяло на себя целитель. — Башня и ключ магические, а я — хоть и полевой, но все-таки маг.

— Оно так, целитель Тим, — я кивнул. — Только мне кажется, что умения твои там не пригодятся. Почему-то же посох должен находиться в руках у воина, а не шаманки… А вот если со мной недоброе что случится, у следопыта будет больше шансов уцелеть и сквозь заслон орков к людям пробраться.

— Согласен.

— Значит, на том и порешим. Мы на юг, вы — на север. А орки пусть по скрипу за кибиткой идут. Пока догонят, пока поймут, что наши следы раньше искать надо, пока вернутся — глядишь, мы еще немного времени выиграем.

— Это наверняка… — хмыкнул Подорожник. Нагнулся и поднял пару комков земли. Тщательно размял в руке и протянул Тени. — Держи. Будешь следы заметать, притруси. Шагов на сто хватит, а дальше орки, если вдоль колеи пойдут, искать не станут. Так что они нас на добрые сутки потеряют… Если только шаманка сразу не сообразит отсвет магии искать.

— Говорю, прибить ее надо, — проворчал Тень.

— Нет, даже и не думай… — Теперь за Богморну вступился

целитель. — Убить главную шаманку, пусть только одного племени Чернолапых, то же самое, что начать войну. Тем более что оркам даже виновных искать не придется. Все девятеро дадут смертную клятву, что это сделали люди.

Тень пожал плечами, мол, мое дело предложить, а судя по выражению лица, плевать он хотел на такой мир, где всяческая нелюдь живет с налогов на человеческие поселения. И орки считают себя вправе убивать даже крестьян, везущих им же подати, брать в плен мирных путников и вообще…

— Вы все-таки подумайте. Я тело спрячу так, что ни один стервятник не учует…

— Если невмоготу терпеть, перед уходом разрешаю стукнуть ее еще разок, чтобы подольше в себя приходила… — подсластил я пилюлю. — А вообще-то целитель Тим прав. Договоры надо соблюдать, даже если никто не узнает.

— Добрый ты, командир… — Тень слегка хлопнул меня по плечу. — Забудь. Я злой на них, как и любой ветеран, но не безумный. Все сделаю как надо. Целитель Тим, у тебя еще осталось ее пойло?

— Да. Тыква где-то там, у передка валяется. Я не выбрасывал. Хочешь напоить старушку до беспамятства? А что, может получиться. Вино крепкое было, а ей-то в таком возрасте много ли надо…

— Это тоже. Но главнее запах. Если не все в шаманку вливать, а хорошенько расплескать по одежде, орки обязательно учуют. И когда найдут пропажу, не станут удивляться невнятной речи.

Следопыт в три прыжка нагнал неспешно катящуюся повозку и залез внутрь. Послышалась какая-то возня. Короткий вскрик, сменившийся тихим стоном. Еще возня…

— Ловите.

Тень показался, держа в руках наши пожитки. Сбросил их на руки Щеку, оказавшемуся самым расторопным, потом взмахнул кнутом и со всей силы вытянул по крупу одного мула. А следом — и второго. Уже едва переставляющие копыта животные ожили, всхрапнули и перешли на карьер. Оставшаяся без груза и пассажиров кибитка покатилась с утроенной скоростью…

Следопыт ловко спрыгнул с нее на ходу и пошел к нам.

— Все. Можно разбегаться.

— Ты чего с ней сделал? — не сдержал любопытства Подорожник.

— Много пойла и совсем маленький надрез на языке, — ухмыльнулся Тень. — Почти не больно, но распухнет вдвое против прежнего. Так что пообщаться с ней словами удастся не

раньше чем через два дня. Ну или пока ей какой-нибудь сердобольный целитель не подвернется под руку. Сама-то она даже заклинание внятно произнести не сможет.

— Умно.

— А то… — не стал скромничать тот.

В этот миг, словно Богморна только и ждала, пока Тень закончит объяснения, из удаляющейся кибитки донесся громкий крик. Понять, кто кричит и что именно, даже и пытаться не стоило. Разве что визгливый тембр голоса указывал на то, что о помощи взывает женская особь. А может, ругает кого-то…

— Ты что, забыл кляп всунуть? — развернулся к Тени Подорожник.

— Мне казалось, кто-то хотел оставить шаманку живой, — хмыкнул тот.

— Не понял?

— А еще целитель. Если бы я кляп во рту оставил, она могла бы кровью захлебнуться. Оно нам надо?

— Нет, — согласился Тим. — А я и не сообразил…

— Все, парни. — Я придал голосу соответствующую интонацию. Строгости. — Больше терять драгоценное время нет смысла. Орки, хоть и уставшие, бегуны отменные. Давайте прощаться…

Мы сердечно пожали друг другу руки, похлопали по спине, произнесли какие-то обязательные в таких случаях, но совершенно незапоминающиеся фразы и разошлись. Тим Подорожник со Щеком, как и было уговорено — на север, а мы со следопытом — куда указывал кукиш…

* * *

Огненный посох держал курс уверенно, как самый лучший компас. Не позволяя ни на шаг отклониться от нужного направления. Жаль только, расстояние не указывал. И как далеко нам еще шагать, оставалось гадать и прикидывать. Уповая, как обычно, на везение, которое благосклонно к не шибко умным авантюристам.

Несмотря на темное время суток, разделив обязанности (я следил за курсом, а Тень глядел под ноги), за тот час, что еще оставался до рассвета, мы прошли километров шесть, не меньше. И когда уже рассвело достаточно, чтобы различать отдельные стебли травы, я решил, что стоит отдохнуть. Напряжение последних суток, тревожный сон, нерегулярное питание и прочие утомительные занятия не могли не сказаться. А кто сказал, что

дальше будет легче?

Помню еще с занятий спортом, — тренер любил гонять нас вокруг парка и всегда против часовой стрелки. Мы злились, понимая, что он делает это специально. Именно так максимальная часть маршрута получалась под горку. И однажды, когда тренер опоздал на разминку, мы, не сговариваясь, повернули в другую сторону. Тренировка в тот день едва не сорвалась…

Мы наивные думали, что тренер издевается, а на самом деле он нас жалел.

Да, побежав в противоположную сторону, мы действительно большую часть топали с горки, зато в конце пятикилометрового круга нас ждал затяжной крутой подъем, метров в пятьсот. Не рассчитав сил, многие потянули икры, так что ни о каких полноценных занятиях и речи быть не могло.

Примерно так я чувствовал себя и сейчас. И очень не хотел примчаться к башне Пяти ветров быстро, но, мягко говоря, на последнем издыхании.

— Отдохнуть надо… — тронул за плечо следопыта.

— Надо — отдыхай. Вон впереди какое-то деревцо заблудилось. Там и остановимся. Поспи, а я поохочусь.

— А ты не устал?

— Влад, поверь, за то время, что я провалялся связанный, мне еще долго прилечь не захочется… — как бы в шутку проворчал Тень. — До сих пор бока болят.

Он, может, и шутил, а вот я и в самом деле устал не шутейно. Причем не столько физически, как морально. В результате чего ощущалась некоторая заторможенность и отстраненность… К счастью, еще не перешедшая в отупение.

Не знаю, может, это только я так устроен, а другим это по барабану, — но пары часов сна мне хватает только для того, чтобы мышцы отдохнули и могли работать снова с полной нагрузкой. А мозгу для отдыха надо как минимум часов восемь. Так что рассчитывал уснуть мгновенно. Но как сказано поэтом: «И вечный бой, покой нам только снится». Я еще и глаза толком не закрыл, как уже сидел у костра… рядом с жарящим шашлыки прапорщиком Шведиром.

— Привет, вояка. Извини, что долго не объявлялся. Сам понимаешь, новое место службы…

— Какое «давно»? — удивился я. — И трех суток не прошло?

— Серьезно? — Свободной рукой Швед почесал затылок. — Вот, блин. Никак не привыкну к разнице во времени. Ну ничего. Все равно приятно друга повидать. Да и шашлычок должен неплохой получиться. Иллюзия, само собой, но организм

энергетическую подпитку получит как от настоящего. Эту часть новых умений я уже освоил.

— От того, чтоб хорошо поесть и подольше поспать, ты никогда не отлынивал… — рассмеялся я. — Может, у тебя и какая-то еще иллюзия в запасе имеется? Чтоб заодно и в голове просветление наступило?

— Легко… — Швед сунул руку за спину и вытащил ее обратно отяжеленную большой пузатой бутылью. — Настоящий нектар… Олимпийского разлива. Рекомендовано для приманивания строптивого Пегаса…

— А не повредит? Ржать не начнем? — хмыкнул я опасливо.

— Я тебя умоляю… После пары капель того, что нам доводилось употреблять, любую лошадь давно бы на живодерню свезли… — засмеялся Шведир, сделал хороший глоток прямо из горлышка и передал емкость мне.

Пошло. Как брехня по селу. Крепости особой не ощутил, градусов двадцать, не больше. На спотыкач похоже. Но в глазах сразу просветлело, будто резкость навели. При случае надо рецепт списать, все окулисты в очередь бы выстроились.

— Хорошо…

— Еще бы. Боги не дураки, абы чего пить не станут. Жаль, до амброзии не дотянуться. Любопытно попробовать.

— Чтобы прапорщик, да не нашел лазейку? Не верю. Впрочем, какие твои годы. Успеешь еще. Ну а если всерьез, может, хоть ты меня просветишь, что тут на самом деле происходит? А то Эммануил в глухой отказ ушел. Как партизан…

— Конкретизируй?

— Ну да, — кивнул я, принимая шампур изумительно пахнущего мяса. — Правильно сформулированный вопрос содержит в себе большую часть ответа.

— А ты не торопись. Жуй и думай.

Насчет «жуй» мог и не подсказывать. Держать в руке такой шашлык и думать о чем-то еще не смог бы даже самый заядлый вегетарианец. Мясо буквально таяло во рту, исчезая с невероятной стремительностью. Впрочем, что с иллюзии взять, кроме аромата…

— Добавки? — Швед протянул мне вторую шпажку. — Или еще глоток?

— Погоди. Вот тебе первый вопрос… Мне тут усиленно втирают о каком-то рае для гоблинов. А я помимо них уже с третьей расой пересекаюсь. Не считая людей. И все они ни в грош этих самых гоблинов не ставят. Как-то странно, тебе не кажется?

— Это если только в глубь процесса не заглядывать, — облизнулся Швед. — На самом деле ситуация иная. Вот ты сам

сказал: здесь много других рас. И что они делают? Воюют между собой. Не задумывался почему?.. Объясняю: гоблины физически слабее других, да и умом особенным не блещут и тем не менее находятся среди правящих рас. Исключительно благодаря тому, что троллям, оркам, эльфам и гномам не до них. Как и людям. Вот ты всего лишь пару недель здесь, а уже отжал у кланов три деревеньки. Думаешь, не нашлось бы во всей империи еще с десяток-другой не менее удачливых парней?

Прапорщик призадумался…

— Впрочем, беру слова обратно, именно с таким комплектом данных точно не нашлось бы. Но в общей массе они добились бы даже большего. Так нет же — сидят тихонько, платят гоблинам дань и не рыпаются. Потому что знают: как начнется хоть какая-то заварушка, остальные расы тут же объединятся против людей. А чтобы справиться со всеми — у империи банально не хватит силенок.

— Это я уже понял.

— А то, что в мирное время все, кроме гоблинов, продолжают друг другу пакостить и не дают развиваться — тоже понял?

— В смысле?

— Ну ты, брат, даешь… — усмехнулся Швед. — Топаешь через всю степь с Огненным посохом в руке в поисках магической башни, а даже предысторию не выучил. Или мимо ушей пропустил?

— Ничего я не пропускал. В башне Пяти ветров заточен дух Оркгрима Мудрого — самого великого вождя всех времен и народов. И орки хотят освободить его. Я же, напротив, стараюсь этому помешать.

— Вот и ответ. Орки не так сильно как эльфы и по другой причине, но тоже презирают гоблинов и брезгуют ими. Считают уродцами, карлами… И если б завоевали мир, то скорее всего уничтожили бы эту расу. Или низвели к роли рабов, шутов… В результате каждый раз, стоит им хоть чуть-чуть окрепнуть, сразу же находится способ вернуть орков на место. Когда-то это проделали гномы вместе с эльфами, теперь — ключ у тебя.

— Да ну, брось. Хочешь сказать, я на гоблинов работаю?

— Не по своей охоте, но инициативу проявил без принуждения. И кстати, раз уж у нас такой любопытный разговор зашел. Вспомни, для кого мы Мрачную рощу от происков ада зачищали?

— Офигеть.

— А то. Привратник свою миссию исполнил, загнав долгоживущих к черту на кулички. И те же гоблины, которых эльфы из лесов выпирали, опять вернули свои охотничьи угодья.

Нужны еще примеры?

— Умеешь ты убеждать.

— Ничего личного. Всего лишь толика здравого рассудка. Так что ты, Влад, когда Башню найдешь, не торопись действовать, а хорошо подумай, что делать, как быть и кто виноват? С точки зрения диалектики и исторического материализма…

— Обещаю…

Голос следопыта протиснулся в сон, возвращая меня обратно в степь.

— Что говоришь? Я не расслышал.

— Вставать, говорю, пора… — Я потянулся. Швед не обманул, иллюзорный шашлык, запиваемый нектаром и в самом деле наполнил меня энергией под завязку, как после трехсуточного отдыха.

— Тоже верно. Пока не слишком жарко, можем еще пару верст пройти.

— Если только башня не окажется ближе. Глянь на посох. Мне кажется или кукиш начал вверх поглядывать?

Тень присмотрелся и кивнул.

— Похоже. И что это может значить? Башня на облаках?

— Не усложняй… — Я встал, взял посох и установил его вертикально. — Ну точно «нос задирает». Выходит, приближаемся мы…

Глава седьмая

Солнце неторопливо карабкалось в зенит, Огненный посох уверенно показывал «прямо и вверх», а никакая башня так и не замаячила на горизонте. И поскольку день выдался ясным, то это означало только одно — топать нам с Тенью по степи еще никак не меньше шести километров. Я имею в виду до цели. Потому что увидеть ее, может быть, повезет немного раньше при такой отличной видимости.

«Повезет? Я что, именно так подумал? Круто… Нет, что ни говорите, а человек очень странное существо. Казалось бы, небо над головой ясное, солнце греет, а не жжет, за воротник не капает, ветер с ног не сбивает. Друг рядом, а у него какая-то птичка размером с откормленного петуха на поясе висит. Ну чего тебе еще, „старче“, надо? Живи и радуйся, что живой. Ага, счас… Неймется ему, видите ли. Подавай сюда Шамаханскую царицу… Стоп! Не о том думаешь, молодец. Я хотел сказать: подавай сюда башню магическую, и поскорее. Потому как давненько со мной ничего интересного не приключалось. Точно. Часов восемь уже. Скука смертная, блин!»

— Какие имеются соображения, Тень? В плане отобедать?.. — Я кивнул на дичь.

— Можно, — ответил тот мимоходом, пристально разглядывая что-то перед нами. Даже глаза прищурил.

Я проследил за его взглядом, но на километры вокруг была только пустынная степь.

— Ты чего?

— Облака… — непонятно ответил следопыт, пальцем указывая в ту строну, куда нас направлял посох.

— Не понял?

— Неправильные…

Если Тень это утверждает, можно не сомневаться: облака действительно «неправильные». Но хоть пните меня, чем именно и которые из них, я в упор не видел. Следопыт встал рядом, обнял за плечи и повернул мою голову в нужную сторону.

— Гляди туда, командир. Видишь, облака идут справа налево. Облако, что на голову быка похоже, нижним рогом подходит к тому странному месту. Смотри, смотри… Сейчас все поймешь.

И я увидел. Облако продолжало движение, но не по небу, а исчезая, словно втягивалось в щель. Вот исчез самый длинный отросток, вот и второй «рог» повторил его судьбу. А когда и все облако подползло к условной черте, первый рог снова показался на небе. Немного в стороне. Дюйма на три.

— Увидел.

— Да… — кивнул. — Думаешь, это то, что мы ищем?

— Не знаю, командир. Ничего похожего я раньше не встречал. Бывает, в сильную жару воздух над землею дрожит, но чтобы так высоко. Да и жары нет.

Вместо ответа я продолжал вглядываться. Теперь, когда была найдена точка отсчета, картинка проявлялась все четче. Ну как в объемных рисунках с секретом: глядишь в аляповатое скопище красок, а потом, раз — и наступает прозрение. Правда, не у всех…

Внешне на башню аномалия походила мало, но очертания чего-то продолговатого прослеживались. При такой размытой перспективе не получалось определить ни высоту объекта, ни расстояние до него, но во всяком случае — «это» находилось ближе линии горизонта.

Кстати, как оказалось, Огненный посох наши наблюдения одобрял.

Переведя взгляд на навершие, я увидел, что эльфийская магия предусмотрела и такое развитие сюжета. Осточертевший кукиш теперь демонстрировал поднятый вверх большой палец. Молодцы, мол: не прошло и полгода, а вы уже почти пришли на искомое место.

— Спасибо. — Я кивнул посоху как одушевленному предмету.

Тень непонимающе посмотрел на меня, потом на посох.

— А-а… И как теперь насчет обеда?

— Придется подождать. Сперва подойдем поближе. Думаю, двери там не держат настежь. И пока сообразим, с какого боку приступиться, твоя курица успеет испечься.

— Дрофа.

— Что?

— Это дрофа, а не курица.

— Да хоть индюк, побежали…

От появившейся хоть какой-то определенности даже еще сил прибавилось.

Столб дрожащего воздуха приближался, буквально на глазах разрастаясь вширь и спускаясь с небес на земную твердь. В том смысле, что уже не надо было задирать голову. Хватало марева над самой поверхностью.

А когда до места оставалось пройти не более пары сотен шагов, стали заметны и полупрозрачные очертания самой башни. Пока только как лед в воде. За счет разности коэффициента преломления света. Но все же.

Размерами легендарное здание напоминало старинную водонапорную башню, метров десять в диаметре и высотой с четырехэтажный дом. Если искривление не слишком увеличивало

оптический обман. Вот только пряталось оно в своем воздушном коконе надежнее, чем за забором.

Мы с Тенью пару раз обошли вокруг, но ничего хоть немного напоминающего проход так и не увидели. Как в самом мареве, так и в угадывающихся за ним стенах.

— Опять ты прав, командир, — проворчал следопыт. — Думай. А я о костре и пище позабочусь.

— Добро. И еще… Договоримся сразу, мало ли, вдруг я исчезну, даже мяукнуть не успев. Жди меня трое суток, если обстоятельства позволят. Потом уходи… Смогу выбраться — вернусь. Ну а нет…

— Не накликай… — остановил меня Тень. — Ты везучий, Влад. Так что все образуется. Ждать буду дольше. — Следопыт отмахнулся. — Но не всю жизнь… Не думай об этом. Будешь жив — я почувствую. Как в Мрачной роще. Оно еще и не громыхнуло, а я уже знал…

— Спасибо.

— Потом поблагодаришь… Если «курица» не подгорит.

Следопыт ушел, а я, постояв немного и глядя на мираж, как баран на новые ворота, зашел на очередной виток. Чтоб не торчать на одном месте.

Обошел не торопясь дважды и опять встал. С таким же успехом можно протоптать вокруг канаву в полметра глубиной. Значит, надо предпринимать что-то более радикальное.

Надо, факт, но очень не нравился мне сероватобурый ободок, словно запекшейся кровью очертивший окружность башни вместе с туманным слоем. Тонюсенькая такая бороздка, в самом широком месте не превышающая пары дюймов, но навевающая определенные ассоциации не самого приятного толкования. Очень уж напоминало сухую, выжженную дотла землю. Будто лазерным лучом прошлись. Не то чтобы мне в реале приходилось с таким оружием сталкиваться, но я же не вчера из тайги вышел. Кино смотрю. Начиная еще с советского «Гиперболоида инженера Гарина».

Так что ни малейшего желания прикоснуться к этой черте или попытаться перешагнуть через нее у меня не возникало.

Сунутый для проверки стебель травы полыхнул мгновенно, чем только подтвердил мою догадку. Эльфы только на иллюзорность не полагались. Помимо визуальной защиты не поленились установить еще и физическую преграду.

— Блин! — Я повертел посохом, что по-прежнему демонстрировал большой палец, мол, все правильно. — Ты ключ или компас? Что дорогу указал, мерси и земной поклон. Ну и не останавливайся на достигнутом. Давай уже, открывай заветную

дверцу. Или мне еще пароль произнести надо? Типа: «Сезам откройся» или как там: «Я пришел, чтоб дать вам волю!».

Наверно, здесь не росла эта культура, или творцы башни знали ее под другим названием. А свободы не желали, не имея понятия, как ею распорядиться.

— Ну чего завис? Подсказывай. А то я тебя самого туда суну!

Посох не испугался, а я подумал, что мысль дельная. И тут же проверил ее, осторожно прикоснувшись кончиком к барьеру. Увы, термической защите было равнобедренно — что былинка, что древко посоха. Задачка с разбегу не решалась…

* * *

Как и большинство открытий, все произошло неожиданно и само собой.

Мы с Тенью уже закончили трапезничать и, не желая попусту сотрясать воздух, в тишине глядели на такую близкую и совершенно недоступную башню. Как говорится, видит око, да зуб неймет.

Именно в тот момент, когда в одну линию выстроились костер, воткнутый мною в землю посох, башня и садящееся солнце, головоломка сложилась. Сверкнуло, словно при сухой грозе, и в полупрозрачном мареве появилось ярко-красное пятно. Оно, как капелька крови, упавшая в молоко, стало расплываться во все стороны, розовея буквально на глазах, но при этом поглощая туман.

Пара секунд всего-то и прошла. Краснота исчезла, зато оставила после себя в защитном барьере огромную прореху от ожога. Всаднику проехать, не нагибаясь.

— Огненный, говоришь… — пробормотал я, глядя на навершие посоха, которое опять приняло форму кулака. — Теперь понятно.

— Командир! — Следопыт тронул меня за локоть. — Не хочу мешать твоим размышлениям, но прореха начинает затягиваться.

— Вижу… — Странно было бы ожидать, что туман не заполнит пустоту. — Значит, надо лезть…

— Точно надо? Может, ну его? Давай вернемся. Доложим. А там уж пусть советники императора решают.

— Сам уже об этом подумывал. — Я повернулся к следопыту. — Но не складывается, братишка. Нет времени на церемонии. Пока мы в столицу сходим… Пока там решат, кого доверием облачить и послать… Пока взад вернемся. Месяц пройдет, не меньше. А ведь орки тоже ждать не станут. И когда

поймут, что затевается, вряд ли одобрят. Такая каша заварится — всем миром расхлебывать притомимся. Да и все равно кому-то туда шагнуть придется. А ты уверен, что дырка еще раз нарисуется? Да и чем тот парень хуже или лучше нас с тобою будет? Нет уж, дорогой товарищ, назвался грибом — полезай в корзину.

— А если…

— Сам же говорил: не будем о грустном.

— Может, хоть посох оставишь?

— Нет. Думаю, ключом его не просто так назвали. И призрачный кокон не последняя дверь, которую он открывает. Оставлю его здесь, а башня возьмет и не откроется. Как-то не улыбается на улице оставаться… на неопределенное время. Духу великого орка и то комфортнее внутри. В общем, Тень, смотри в оба. Пройду дальше — жди, как и договаривались. Помашу из-за забора, а не выйду — дуй к нашим. И решайте, как на гномов надавить. Чтобы дверь помогли открыть. Или к эльфам сразу… Я у них вроде на хорошем счету остался. Может, подсобят?

— Я понял, командир… — Следопыт в легионерском салюте бросил к плечу сжатый кулак. — Удачи!

Мы с посохом отсалютовали следопыту примерно тем же. Только на испанский мотив.

По-прежнему осторожничая, я сперва просунул в отверстие древко, но в этот раз никаких репрессий не последовало. Барьер вел себя индифферентно.

Подумав, я аккуратно предложил ему оттопыренный мизинец левой руки. А вдруг защита только к неодушевленным вещам благосклонна, а у живого организма запросто чего-нибудь оттяпает. Ну а мизинец — хоть и свой, а потому тоже жалко — кроме как в ухе поковыряться, в хозяйстве практически не используется.

Прокатило. Ни мизинец, ни постепенно засунутая по локоть рука никакого интереса у защитного заклинания не возбудили. Дальше экспериментировать и только тянуть время не имело смысла. Да и проход продолжал сужаться. Сейчас я еще мог пройти в полный рост, а дальше пришлось бы кланяться. Еще и с возможностью задеть края. Лучше не рисковать.

— Пошел я, в общем… Он сказал: «Поехали» и взмахнул рукой…

Я вдохнул воздуха, как перед прыжком в воду, и быстро, не давая себе времени передумать, шагнул внутрь защитного кокона.

Ничего меня не укусило, не ударило и даже не обругало…

Только башня оказалась на пару метров дальше, чем казалось снаружи, и до ее стен мне предстояло пройти дополнительных

десять шагов. Но на общую картину такая мелочь не влияла. Даже наоборот, ведь все большое лучше видится издали. Много ли разглядишь, упираясь лбом в кладку? А так, пусть и не с очень большого расстояния, я мог разглядывать здание во всей красе и с подробностями.

Внешне — шахматная фигура ладья, она же тура. Невысокий фундамент чуть шире основных стен и расширяющаяся коронка зубцов вверху. В диаметре метров семь, не больше. И еще стало понятно, почему она казалась невидимой даже в таком прозрачном коконе. Башня оказалась сложена из больших блоков, издали напоминающих отшлифованные брылы льда. Но на ощупь они оказались теплыми. Как обычные, нагретые за день на солнце булыжники. Кстати, в тени стена была прохладнее, чем с западной стороны.

Но это так, к слову. Я же не термометр. Просто дверь, по закону подлости, оказалась с противоположной стороны здания.

Самая обычная дверь… Массивная, собранная из гладко оструганных и хорошо подогнанных досок. По контуру и углам — фигурный металлический орнамент в виде виноградных лоз с листьями, а посередке позирует пара увесистых гроздей. Красиво, и дереву рассыхаться не дает.

Вот только ни ручки, ни навесного замка, ни замочной скважины на створке не наблюдается. Дверь, будто наглухо вмурованная в стену.

— Стучите и отворят, и дадут вам… — пробормотал я. — Будем надеяться, что не по шее.

Здраво рассуждая, постучать можно кулаком, сапогом или иным твердым предметом. Я не о голове, а о посохе. Почему нет? Тем более раз он сам ключом обозвался. Я перехватил посох поудобнее левой рукой, а ладонь правой, исключительно для моральной поддержки, положил на рукоять меча, после чего легонько ткнул кулакообразным навершием в дверь. Подождал немного и постучал еще раз, трижды и громче…

Заскрипели невидимые петли, блоки или на чем она там крепилась, и дверь уползла в стену. Из проема на меня пахнуло затхлым и чуточку заплесневелым воздухом, характерным для всякого, длительное время непроветриваемого помещения.

Похоже, башня и в самом деле не открывалась с тех пор, как была построена.

— Эй! Хозяин! Гостей ждете?! — крикнул я в проем и на всякий случай шагнул в сторону.

* * *

За дверями обычный для такого типа строений вестибюль, он же сени или прихожая. Где можно снять грязные сапоги, повесить на оленьи рожки пыльный тулуп и шапку. Справа — видны каменные ступени лестницы, ведущей вниз. В темницу или закрома. Слева — лестница вверх. Эта деревянная и с резными перилами. Освещение дневное. То есть вечернее.

Кстати, снаружи здание кажется монолитным и никаких оконных проемов в стенах я не заметил, но вот они — окна. Причем не узкие стрельчатые бойницы, как можно было ожидать, а большие, широкие. Так что никакого дополнительного освещения пока не требуется. Я сделал еще один шаг внутрь, уловил какое-то шевеление в углу, крутнулся и буквально выпрыгнул наружу.

Если великий вождь орков до сих пор жив — то, даже сохранив здравый рассудок, он сейчас должен нестись к выходу со всех ног. Сшибая по пути на свободу любые преграды. В том числе и того, кто отворил темницу.

Ведь совсем не факт, что пришли освободители. Те самые, о которых сказано: «Темницы рухнут — и свобода вас примет радостно у входа, и братья меч вам отдадут». Вполне мог и тюремщик с плановой проверкой заглянуть.

А пока суд да дело, нет у узника другого пути, как «бить в лоб и делать клоуна». Потом можно извиниться, если ошибся.

В лоб я, естественно, получить не хотел и именной меч тоже никому вручать не собирался… Поэтому приготовился если не драться, то хотя бы уклониться от встречи.

Время шло, а из башни никто так и не выбежал.

Я на всякий случай сделал узнику скидку на неподготовленность к такому повороту событий. За столько лет он наверняка уж и ждать перестал… Но и десять минут спустя внутри башни по-прежнему ничего не происходило. Во всяком случае, как я не напрягал слух, даже малейшего шороха не услышал.

— Ладно. Мы не гордые, сами войдем.

Держа в одной руке посох, а в другой — обнаженный меч, я осторожно переступил порог башни имени Пяти ветров.

— Эй! Есть кто живой?! Я пришел к тебе с приветом…

Вдохнул чистого воздуха и нервно рассмеялся. Не знаю, какие у страха глаза, но пот липкий и холодный. А еще слюна горькая, словно полынь жевал. Тьфу…

Спрашивается, с какого перепуга я ломанулся обратно?

Да, почувствовал, что дверь вот-вот закроется. Скажете: ну и что? Я же сам сюда пришел? Никто меня не звал и сладкой конфеткой не заманивал. Чего дергаться-то? Тем более защитный

туман уже заделал брешь. Так что обратного пути не предвидится.

Все верно, да. Но это если успокоиться и умом пораскинуть, а когда нервы напряжены до предела, ни о чем подумать не успеваешь. Спинной мозг к ногам ближе, чем голова.

Я пару раз глубоко вдохнул и снова вошел в башню.

Предчувствие не обмануло. Дверь и в самом деле закрылась, как только я наступил на первую ступеньку лестницы, ведущей на бельэтаж. Причем не просто закрылась, а исчезла. Совсем. Такие вот архитектурные изыски. Свет и вид на степь из окон, которых нет, и отсутствие двери, через которую только что входил. В общем, за что боролись, на то и…

— Эй! Хозяин! — повторил я попытку докричаться, но ответило мне только эхо.

— Ну и ладно… но если что, не обижайтесь. Любые резкие движения буду воспринимать как провокацию и угрозу нападения.

Тишина.

— Ну все, хватит мандражировать. Тоже пуп земли отыскался. Двести лет сидел кто-то в засаде, чтобы только сжить тебя со свету.

Звуки собственного голоса успокаивают. Перестаешь чувствовать себя одиноким, а заодно — понимаешь, что не спишь. Поглядел еще разок туда, где раньше был вход, и пошел дальше.

Ступеньки тихонько поскрипывали, словно делились друг с другом давно забытыми впечатлениями. Блин, — это ж сколько веков по ним не ступала ни нога, ни лапа, ни копыто?..

О копыте не будем. Особенно теперь, когда в аду появился личный воздыхатель.

На втором этаже меня ждал очередной сюрприз. Всего-то ступеней тридцать преодолел, а за окнами уже даже не вечерело. Глубокая ночь. Зато в башне по-прежнему светло как днем.

Да, умение гномов, умноженное на магию эльфов, страшная сила. Так что гоблинам не на орков коситься надо, а следить, чтобы «горняки» с «лесниками» не объединились. Делить им нечего, а опыт совместных действий уже имеется.

Лестница, прежде чем зайти на следующий виток, отпочковалась вполне просторной площадкой. Пара слуг с полными подносами разминутся легко. Даже если на каждом будет по жареному кабанчику или цельному осетру. Правда, такое блюдо вдвоем тащат. Если верить фильмам из царско-боярской жизни. Я даже слюну проглотил.

Ого! А ведь это я не просто так себе фантазирую. На лестничную площадку выходит всего одна дверь, но ароматы,

доносящиеся оттуда, обладают таким богатством и разнообразием, что и Лукулла выманили бы.

— Прикольно…

Я на секунду задумался. Смешно предполагать, что подобные запахи издает пища, которую приготовили больше сотни лет тому назад. Отсюда вывод: стол накрыли в честь моего прибытия. Значит, нам туда…

Дверь распахнулась сама, стоило мне только протянуть руку.

— Как у вас тут все автоматизировано, — проворчал я, отшатнувшись с непривычки. — Надеюсь, аленький цветочек взамен не потребуется? И предупреждаю сразу, чтобы потом без обид: я не из меньшинств. Если сильно припрет, то целоваться буду только с хозяйкой. Но чтоб непременно молодой и красивой… По человеческим меркам.

Ответа не последовало. Видимо, желающих заключить меня в объятия не нашлось. Ну и отлично…

Комната представляла собой небольшую, персон на двадцать, пиршественную залу… Убранную, прямо скажем, несколько странновато. Словно тот, кто декорировал помещение, попытался создать интерьер сразу на все вкусы. И не только человеческие. На стенах вперемешку с традиционными для Средневековья мечами, щитами и прочими украшениями настоящего мужчины были натыканы не только головы зверей, но и вполне людские черепа. По углам застыли разные чучела…

Очуметь! А это что там, в дальнем углу, стоит такое? Ешкин кот! От злости меня даже передернуло. Да… Уверен, всякий, кто хоть раз увидит такое, навсегда позабудет дорогу в краеведческий музей. А таксидермистов запишет в маньяки и садисты.

Впрочем, нашел чему удивляться. Башня по первоначальному замыслу для кого строилась? Ну так не чучелами орков ее украшать… Но, если честно, от гномов я такого свинства не ожидал. Впрочем, нелюдь, она и в Подгорном королевстве нелюдь…

Огляделся, сдернул с ближайшей стены какой-то гобелен и укрыл страшную находку с головой. Даже аппетит улетучился, а в трапезной вместо ароматов яств повеяло тленом склепа. Сволочи! С таким декором вообще впору вегетарианцем заделаться. Во всяком случае, к мясным кушаньям, которые на блюде сразу ломтями и кусками выложены, я даже прикасаться не буду. Надеюсь, девчонка не мучилась…

— Спасибо за угощение… И много у вас тут таких сюрпризов заготовлено?

Хозяева традиционно промолчали.

Задерживаться дольше не хотелось. Я вышел из трапезной и в

самом скверном расположении духа поднялся на следующий этаж.

Здесь тоже оказалась единственная дверь. Логично, в общем-то. Если здание строилось как тюрьма для одного, то к чему лишние апартаменты? Странно только, что великий вождь Оркгрим Мудрый, войдя внутрь, с ходу не распознал ловушку. Ведь при всем великолепии башни снаружи, внутри — ему просто негде было встречать делегацию вассалов. Или дверь захлопнулась за ним так же быстро, как и за мной? Не давая времени на размышления и сопоставление фактов.

Эта дверь вела в опочивальню. И выскочил оттуда я еще быстрее…

— Твою дивизию!.. Не, братцы, так у нас дело не пойдет. Либо наводите порядок согласно человеческим представлениям о культуре быта, либо клянусь, чем хотите: сожгу здесь все дотла. Я не каннибал, чтобы жить в этом кошмаре!

Я воевал, насмотрелся всякого и понимал, что одно чучело девушки моя психика еще потянет. А при длительном заточении, возможно, даже лучше, чем общение с отражением или дрессированными тараканами… Короче, замнем, для ясности. Но украшать этими изделиями все комнаты подряд — перебор.

— Я не шучу, если кто не понял! И меня не волнует, как вы это сделаете, но считаю до десяти. Потом открываю дверь и, если все остается по-прежнему, начинаю искать огонь… Выбор за вами. Предупреждаю на всякий случай еще раз: учтите, это не блеф. Лучше умереть человеком, чем постепенно сойти с ума и сдохнуть, как тварь! Так что если у вас имеются на меня какие-то виды, советую подсуетиться! Время пошло! Раз… два…

Досчитав до десяти, я сжал кулаки и решительно шагнул к дверям спальни. Те, как и положено, сами скользнули в сторону.

Я ничего не почувствовал, пока вел отсчет, и тем не менее опочивальня преобразилась. Не скажу, что представления оформителя о человеческих стандартах уюта и комфорта полностью соответствовали моим вкусам, но во всяком случае никакого извращенного безобразия в комнате больше не наблюдалось. Хотя у меня где-то на периферии мелькнула мысль, что чучела людей банально поменяют на чучела орков. Или что-то вроде этого.

— Другое дело, — похвалил я проявивших чуткость невидимых хозяев. — Надеюсь, мне не нужно дополнительно объяснять, что это требование касается всех помещений, а не только спальни?

Ответа я, как и следовало ожидать, не получил, но топая на четвертый этаж, был уверен, что больше ничего раздражающего

мое эстетическое воспитание не увижу.

Так и есть. Высказанным требованиям вняли с должным уважением. Что, кстати, совсем не радовало. Поскольку, скорее всего, означало только одно — загадочная башня, а проще говоря: универсальная тюрьма готовилась принять нового узника. Причем на пожизненный срок.

Глава восьмая

Эта комната оказалась самой странной. Не размерами или убранством, тут как раз все более или менее соответствовало эпохе и претензиям гостя. Непонятным было ее назначение. Ведь любое помещение служит каким-то определенным целям. Прихожая, столовая, гостиная, спальня, кабинет, библиотека. Или нескольким сразу, как совмещенный санузел в малогабаритных квартирах. В том смысле, что упомянутый санузел — и туалет, и ванная комната, и прачечная, плюс огромный, в объемах всей страны, экономический эффект за счет отсутствия перегородки. А чем хуже один из самых востребованных в прошлой жизни вариантов: кухня-трапезная и кабинет? Или гостиная, которая легким движением руки, раскладывающим поперек комнаты диван-малютку, превращается в спальню?

Так вот, комната на последнем этаже больше всего подходила бы на роль овального кабинета, если бы внутри нее нашлось хоть что-то из мебели, кроме единственного кресла.

Кресло, надо отметить, зачетное. Как будто перемещено сюда прямо с выставки элитной офисной мебели. На расстоянии видно, что это настоящая кожа и натуральная набивка, а проектировщики учли все пожелания и особенности строения власть предержащих задниц. Поэтому любому гражданину, даже самому заядлому оппозиционеру, с одного взгляда сразу становится ясно, что сидеть в таком кресле может только избранный… нет — Избранный! И решения он тут облечен принимать непременно, и только исторические, а также — всемирного значения.

Стоп! А я тут погулять вышел, что ли? Ну-ка, ну-ка… раздайся море, я подплываю.

Ни одна живая, или какая она еще бывает, душа мне не возразила. Кресло, правда, тихонько вздохнуло. Но, вполне вероятно, почудилось. Или избыточный воздух стравился под моим весом.

— Здорово!

Восхитился совершенно искренне. Посидеть в таком шедевре мебельного искусства наверняка не отказался бы даже Сам, будь он из плоти и менее привычный к облакам.

Несколько минут я наслаждался ощущениями, потом спросил гнетущую тишину:

— И нафига такие навороты?.. В смысле, что дальше? Кем или чем отсюда можно руководить?

Скорее всего, просто совпало, но только произнеся эту фразу,

я увидел, что кроме кресла в комнате есть еще пара предметов обстановки. Точнее — пять ростовых портретов. Или как там правильно называются картины, на которых персонажи изображены с ног до головы? Впрочем, какая разница… Гораздо важнее — кто на них нарисован!

Крайним слева оказался портрет девушки или молодой женщины, наверное, с точки зрения художника, невероятно изящной, а как по мне — пребывающей на крайней стадии истощения, граничащей с дистрофией.

Во всем ее облике были только два фрагмента, на чем хотелось остановиться глазу, не опасаясь уколоться об острые углы. Роскошные длинные волосы золотистого цвета и огромные глаза, с трудом умещающиеся на узеньком личике. И если всю ее хотелось немедленно подхватить на руки, пока бедняжка не свалилась с ног, а потом согревать на груди и кормить из ложечки, то дивные волосы обещали тому, кто к ним прикоснется, невероятное чувственное наслаждение. А чуть печальные и мудрые глаза говорили, что незнакомка все прекрасно понимает и ни за что не осуждает. Поскольку я всего лишь человек. То бишь — скотина.

Женщина прислонялась к стволу какого-то дерева, или, что казалось даже более естественным, выходила из него.

«Эльфийка!» — громко щелкнуло в голове, словно какая-то шестеренка с трудом вошла в сцепление с другими зубцами.

Раньше я обязательно брякнул бы что-то вроде: «Так вот ты какой, северный олень!..». Но сейчас подобное поведение самому показалось кощунственным, и я поспешно перевел взгляд на следующую картину.

Орк! Тут и к гадалке ходить не надо.

На этом портрете талантливый художник запечатлел настоящего воина… Мощного — как ходячее пособие для культуристов в тяжелом весе, свирепого — как медведь шатун, неукротимого — как торнадо. Орк скалил клыки, сверкал глазами, и казалось, что никакой холст дольше не удержит его на месте. Еще мгновение — и он разорвет слой краски и выпрыгнет наружу, разнося своей булавой в щепки все, что подвернется под руку.

Опасный тип… Хорошо, что такой воин не встал у меня на пути раньше. Иначе, весьма вероятно, поиски Огненного посоха на этом бы и завершились. Я не трус, но свой предел возможностей примерно представляю. Этот боец и на тролля бросился бы с голыми руками, при этом имея вполне приличный шанс на победу.

Кстати, о троллях…

Им, вернее ему, посвящался центральный портрет. Правда, желающему сохранить пропорции художнику не удалось целиком втиснуть горного великана в рамку, так что с полотна на меня сонно глядела огромная морда, держащаяся на мощной шее и части широченных плеч. Тролль явно был сыт и готовился вздремнуть. Мое появление отвлекло его на секундочку от столь важного и почтенного занятия, но и только. Наверняка, оценив с одного взгляда, что я невкусный или умею слишком быстро бегать, горный великан тут же вернулся к своим первоначальным планам.

Ну и славно. Дарящий Деревни не передавал со мной привет случайным сородичам, а я, по собственной инициативе, с троллями лишний раз ручкаться не намерен. Спи, дорогой. Буэнос ночес…

Четвертым слева, или вторым справа висело изображение гнома. Я хоть и не встречал их еще живьем в этом мире, да и в том тоже, но не так уж трудно догадаться, кем может быть квадратный коротышка, конституцией из тех, кого проще перепрыгнуть, чем обойти. К тому же прячущий наглую морду лица от фейс-контроля за широченной бородой, обрезанной по старинной моде а ля лопата. Да еще и держащий в руке тот самый образец для стрижки.

Гном глядел хмуро. Ему я не нравился больше, чем всем остальным из уже перечисленных персонажей. Настолько не нравился, что коротышка готов был разразиться проклятиями, а потом, со знанием дела, зарыть меня, буквально не отходя от кассы. Чтоб не лез, значит, куда не следует. Причем именно — закопать! Сразу и целиком. Ни о каком отрывании любопытного носа и других стопятисотых китайских предупреждениях и мысли у этого персонажа не имелось. Радикальный подход.

— Да пошел ты… — Не сдержавшись, я продемонстрировал гному «братскую» руку. — Лучше бы строить как следует научились. А то отгрохали башню в несколько этажей, а где сортир, я вас спрашиваю? Куда прикажете узнику, прошу прощения у дам, — я изобразил поклон в сторону эльфийки, — естественные надобности справлять? Молчишь, недомерок? То-то…

Вот, блин. Учили ж, язык — твой враг. Тебе это надо? Всего пару слов брякнул, а у коротышки в глазах настоящая ненависть заполыхала.

Не желая подливать масла в огонь, я, как рекомендует всем зверям матушка-природа, отвел взгляд. А чтобы не показаться трусом, сделал вид, что заинтересовался последней картиной в этой галерее…

Гоблин!

Ну а кто же еще?.. Жизнерадостное, веселое оливково-зеленое человекообразное существо, буквально подпрыгивающее от радости, словно встретило старого друга с бутылочкой горячительного напитка в руке.

Положим, я без бутылки, да и нарисованному персонажу не нальешь, но под разряд добрых знакомцев вполне гожусь. Да, мы не закадычные приятели, но долги уплачены и недомолвок промежду нами не осталось. Каждый получил свою долю пирога.

Гоблин с моим мнением соглашался на все сто. Вот и славно. А то прямо всемирный заговор против людей.

Итак — эльфийка, орк, тролль, гном и гоблин. Все представители рас, населяющих этот мир. Кроме человека. Случайность, или когда здание строилось, нас и в самом деле здесь еще не было? И не с меня ли тут для полноты коллекции натюр-морд изобразить решили? Посмертную, а то и прижизненную мерку снять? Неприятная перспектива, однако.

Впрочем, все это вопросы будущего, а мне бы и в самом деле где-то о прибытии отметиться не помешало. Поджимает…

— Было приятно познакомиться. Прошу прощения, что покидаю. Пойду взгляну на подвальное помещение.

Я понимал, что искать туалет в подвале глупо с точки зрения физики, а в частности — раздела о сообщающихся сосудах, но это ж магическая башня. И то, что здесь подземелье, снаружи запросто гораздо выше уровня моря оказаться может.

Искомый уголок для уединения неожиданно обнаружился в вестибюле. Ума не приложу, как я мог его не заметить при первичном осмотре. В пролете под лестницей четко виднелась дверь более светлая, чем остальные панели. Слепым надо быть, чтобы мимо пройти. Или это очередные происки гостеприимства под заказ? Плевать, главное, чтобы дверь не оказалась нарисованной, как очаг в каморке папы Карло.

Дверь была обычная. Зато дальше дырки в полу воображение местных дизайнеров не продвинулось. Ладно, не до жиру, обойдемся и без гербовой бумаги… но если мне придется тут подзадержаться, мы еще обсудим и ватерклозет, и ванную комнату. Пусть без джакузи, но хотя бы с душем. Нет, для бестелесного создания все эти заморочки, понятное дело, совершенно ни к чему. Но я-то пока еще живой. И в ближайшие годы, если кому-то интересно мое мнение, покидать земную юдоль не собираюсь. Так что будьте любезны…

В общем, как я погляжу, если правильно себя поставить, то жить можно. И даже неплохо жить… Если сравнивать с бытовыми условиями Робинзона Крузо или обстановкой в местах

заключения графа Монте-Кристо.

Учитывая позднее время суток и то, что торопиться мне некуда, исследование подвала я решил оставить на завтра. А сейчас более актуальным показался визит в трапезную. Надо ж взглянуть: учли хозяева мои пожелания и в этом аспекте бытия или проигнорировали?..

* * *

Учли. Как в плане оформления, так и в меню.

В первую очередь из комнаты убрали чучело девушки. Со стен исчезло все лишнее нечеловеческие оружие и неэстетические трофеи…

На столе тоже произошли изменения. Блюда с огромными кусками кое-как порубленного мяса сменили небольшие тарелки и полумиски, наполненные истинно монастырской едой. В смысле: птица, рыба, грибы и яства не животного происхождения. Больше всего меня изумила и порадовала целая гора румяных, исходящих паром блинов.

Загнав подальше проснувшееся было подсознание, чтобы не портило аппетит разглагольствованиями о большой вероятности иллюзии, я занял почетное и единственное кресло за столом.

— Эх, где наша не пропадала? Гулять, так гулять. Режь последний огурец.

Смешно, но, видимо, во всех мирах эту фразу понимают только в одном значении. Потянувшись, как любой нормальный гость, сразу к центральному блюду, на обратном движении я едва не опрокинул, задев локтем, изящную амфору. А между тем, век воли не видать, еще секунду назад ее на столе и в помине не было. До того, как я о гулянке помянул.

— Мерси… — Отломанная гусиная ножка легла на тарелку, а я занялся изучением амфоры.

Красивое изделие, только система закупорки дурацкая. Особенно если в наличии нет штопора, да и умения обращаться с античной тарой. Подумав чуток, я сообразил: зачем амфорам такие длинные горлышки, а заодно — почему этой посуды так мало сохранилось…

Удар кинжалом — и благоухающий аромат выдержанного вина перекрыл даже запахи пищи.

«А если отравлено?» — сделало последнюю попытку достучаться до разума мое второе «Я».

— Не нуди… — отмахнулся я. — Хотели бы убрать, не городили бы такой спектакль. Сто раз можно было испепелить, а

прах смыть в выгребную яму. Дай нормально поужинать.

«Ну смотри… Я предупредил!»

— А я услышал и не снизошел. Все, дискуссия закончена. Объявляется перерыв на обед…

Вино не только на запах, но и на вкус оказалось отменным…

Я не гурман и не знаток даров виноградной лозы, как-то по жизни больше с пивком да водочкой приходилось пересекаться, но тут был тот самый случай, когда нет нужды понимать, достаточно просто глотнуть. А потом быстро повторить, не давая ощущениям уйти…

Восхитительно…

Невероятно!

Божественно!..

В общем, хорошо пошло… И судя по тому, что очнулся на кровати, моему восторгу не было предела, и в процессе дегустации я наглотался этих нектаров и амброзий выше ватерлинии. Как только до спальни доплыл?

Вопрос и в самом деле был не риторический, потому что лежал я строго мордой в потолок и не мог пошевелить, образно говоря, даже бровями. Из любопытства я тут же проверил и понял, что это не метафора — действительно не могу.

Зато я все прекрасно видел и слышал. Ну не в смысле: «все» вообще, а происходящее в опочивальне. Если только это не было сновидением или похмельным бредом. А личности, затеявшие спор возле моего ложа, не местный аналог белочки…

— Ну и кто оказался прав? — приятным, мягким голосом спрашивала молодая женщина, точь-в-точь как эльфийка с портрета, только без дерева. Тут она опиралась на стену. — Первым вход в башню нашел человек. Надо было все-таки поспорить.

— Это нечестно! — не затрудняясь даже понизить голос, громко ворчал гном. Этот тоже оставил шанцевый инструмент в картине и стоял подбоченясь. — Я настаиваю, что без вмешательства магии или каких-то других сил не обошлось. А может, вы сами все подстроили заранее.

— Вот еще, — хмыкнула женщина. — Следующим перлом твоей логики, Гунгримм, будет обвинение в том, что именно эльфы организовали похищение Огненного посоха из ваших подземелий и вручили его оркам.

— Ты это сама сказала, Шиайна. — Судя по тону, гном прекрасно понимал абсурдность подобного, но вовремя осадить не умел ни один представитель Подгорного племени.

— Ну да, — кивнула эльфийка. — Ведь гномы всегда все делают правильно, надежно и на века… А что случится потом, их

не волнует. Впрочем, как и всех остальных. Самому не смешно?

— Да какая разница, почему человек оказался здесь?! — прорычал орк, вставая между спорщиками. В результате чего эльфийка пропала из моего поля зрения, а от гнома в поле видимости попадала только часть плеча на уровне пояса воина степи. — Важно, что он украл посох у моих братьев! А значит, проник в башню Пятерых обманом! Мы должны убить его, а посох вернуть!

— В подземелье! — тут же поддакнул Гунгримм. — А уж мы перепрячем его так надежно, что и сами больше не отыщем.

— Почему это в подземелье? — возмутился орк. — Мои братья похитили Огненный посох без чьей-либо помощи! Значит — он их законный трофей! И ключ от башни Пятерых надо вернуть на то место, откуда его украл человек!

— Браво! — восхищенно захлопала в ладошки невидимая эльфийка. — Я уже больше сотни лет не слышала подобных перлов мудрости. — Браво, Фортран.

— Ты согласна со мной? — недоверчиво повернулся к Шиайне орк.

— Конечно… — рассмеялась эльфийка. — Ведь ты только что вполне убедительно доказал, что кража посоха из тайных подвалов гномов — подвиг. А похищение его же человеком у твоих родичей — коварное злодеяние. Несмотря на то, что ему тоже никто не помогал.

Видимо, сказанное эльфийкой оказалось слишком сложным для мыслительного аппарата орка, но гном суть уловил и тут же бесцеремонно расхохотался. Еще двое присутствующих — сидящий на полу тролль и опирающийся на его плечо гоблин — промолчали. Либо еще не имели собственного устоявшегося мнения по данному вопросу, либо тоже не все в этом споре понимали…

— Так что же нам делать? — уточнил Фортран, осознавая, что в споре самое большее, что он может сделать, это съездить гному по уху. Но эльфийку таким способом не победить.

— Голосовать… — Женский голосок журчал безмятежно. — Для этого мы и собрались. Гунгримм хочет человека убить, Огненный посох вернуть в подземелья гномов, где он хранился все это время. Предложение Фортрана — человека убить, посох вернуть оркам. Еще будут какие-то мнения? Большой Утес? Что ты скажешь?

— Выставить человека из башни и идти спать.

— А посох?

— Мне он не нужен… Хрупкий.

— Эль Присвист?

— Человек пусть уходит… — Показалось или гоблин действительно мне дружески подмигнул? — И посох пусть тоже с собой забирает. Ключ должен находиться снаружи башни. Иначе в нее больше никто не войдет.

— Понятно. Орк и гном за то, чтоб убить человека, тролль и гоблин — предлагают отпустить. С посохом сложнее. У каждого свое мнение, но большинство согласно с тем, что ему не место в башне.

— А твое мнение, Шиайна, какое? — насупился орк. — Поддержишь кого-то или свое решение предложишь?

— Поддержу… — Эльфийка сделала небольшую паузу. — Присвиста… В данном случае гоблин прав. Человек не нарушил ни одного условия, хотя и пришел незваным. Он не один из нас, и мы ничего не можем предложить ему в награду, но и наказывать тоже оснований не имеем. Так что пусть все и дальше идет своим чередом.

Эльфийка отодвинула недовольного орка в сторону и шагнула ко мне.

— Спи, человек. Завтра ты проснешься снаружи, у своего костра и все забудешь. Кроме одного: человечество слишком молодо, и для людей еще нет места в башне. Так что не торопись стать первым…

* * *

— Очнись, командир! Да просыпайся же ты!

Меня кто-то упорно тряс за грудки, но нерешительно. Словно человек сомневался в правильности того, что делал.

— Может, и не стоит… — подтвердил он голосом Тени. — Зачем? Смерть во сне незаметная. Вроде и не умирал. Просто не проснулся — и все…

«Не понял? С какого перепуга я должен умирать, да еще во сне?»

От возмущения я сделал усилие и открыл глаза. Над головой синеет небо, светит солнце. Облачка неторопливо ползут…

— Очнулся?

Обзор закрыло лицо следопыта. Он поглядывал на меня и встревоженно озирался.

— Вставай, Влад. Гости у нас…

— Много? — Я еще ничего не понимал, но вопрос сам с языка соскочил, будто наготове стоял.

— Не считал. Но сотни три, не меньше…

— Сотни три… чего?

— Орков, командир. Три сотни очень недружелюбно настроенных орков.

— И давно они здесь?

— Сразу… Как только ты в тумане исчез, так они и объявились.

— А ты почему не ушел?

— Куда? Сам глянь…

С помощью Тени я сел и осмотрелся. Да, уходить действительно было некуда. По всей окружности, расположившись метрах в пятидесяти от башни, небольшими группками сидели у костров или стояли и глазели на нас сотни орков.

— Ого! И что, они там все время вот так ждут? Ничего не кричали и не приближались?

— Ну почему же. Подходила шаманка с каким-то здоровяком.

— Богморна?

— Кто их разберет… Воняют одинаково, да и замотана она с головой в бурнус, только глазища зыркают. Но, думаю, та самая. Неразговорчивая была. Постояла, посмотрела и ткнула пальцем в башню.

— А ты?

— Я кивнул. Она и ушла…

— Просто ушла?

— Да…

Тень и раньше не отличался особой болтливостью, но сейчас вообще вел себя, как партизан на допросе.

— Что ты как рожаешь? Сам разговаривать не умеешь?

— Умею… — Следопыт помолчал немного, потом хмыкнул: — Да чего рассказывать-то? Сидим, ждем…

— В тишине?

— Нет, — помотал головой следопыт. — Раньше орки много орали. И больше всех разорялся здоровяк. О том, что это он должен был войти в башню. Что это все из-за шаманок, которые настояли на совете племен. А надо было, не дожидаясь праздника Солнцеворота, идти в башню. Или хотя бы Огненный посох оставить на хранение воинам. У них бы его никто не отобрал. Шаманка отвечала тише, так что ее слов я не слышал. Ну а потом вообще все угомонились…

— Угу. А я когда появился? — Поняв, что по предыдущей теме больше ничего не выжму, я перешел ко второму вопросу.

— С рассветом. Аккурат первые лучи отразились в башне. Сверкнуло так, что круги красные перед глазами замелькали. А когда зрение возвернулось — ты уже у костра лежал. Посох рядом.

— Скоро полдень… — Я посмотрел на солнце. — А орки по-прежнему ждут?

— Уже нет… — ответил Тень, да я и сам увидел.

Делегация числом примерно штук десять отделилась от оцепления и направилась к нам. Впереди двое. Шаманка, судя по бурнусу, и огромный воин. Даже по сравнению со своими сородичами гораздо выше и массивнее. Остальные тоже зашевелились. Но ближе подошли всего на несколько шагов. Видимо, какой-то запрет имелся в их преданиях.

Похоже, пора и мне вертикальное положение принимать. Негоже даже непрошеных гостей лежа встречать.

Встал, тихонько кряхтя, мышцы болели, как после хорошей нагрузки. Хотел было не столько для форсу, сколько для удобства опереться на посох, но потом передумал. Орки и без этого не питают ко мне добрых чувств, так зачем нервировать лишний раз?

Шаманка со здоровяком подошли ближе всех, остановившись перед нами буквально в шаге. На выдержку испытывали, что ли? Вдруг дрогнем и попятимся?

Воин выглядел недовольным и глядел угрюмо. Шаманка наоборот — с любопытством.

— Человек, ты был в башне?

Как оказалось, говорить она умела, и голос у орки оказался довольно мелодичным, совсем непохожим на карканье Богморны.

— Меня зовут Влад Твердилыч, — изобразил я легкий кивок. — Хочешь говорить со мной, обращайся по имени и сама назовись.

В переговорах важно сразу себя правильно поставить. А будешь мямлить да заикаться, никто тебя всерьез не воспримет.

Воин угрожающе зарычал, но шаманка ответила вполне миролюбиво:

— Я — Карритса. Он, — кивок в сторону воина, — Батарикс!

— Да, Карритса, я был в башне.

— Не расскажешь, кого ты там встретил?

— Никого.

— Он врет! — прорычал здоровяк.

— Еще раз обвинишь меня во лжи, зубов в пасти недосчитаешься… — Я произнес все это, даже не удостоив орка взглядом.

Здоровяк дернулся вперед, но шаманка сместилась в сторону быстрее, тем самым встав между нами.

— Ты ему веришь?

— Да, Батарикс. Я умею отличить правду.

— Может и так… — остыл воин. — Но это потому, что он не

орк! Я сам войду в башню. Немедля!.. Дай сюда посох.

— Бери. Только осторожно…

— Я не нуждаюсь в разрешении и советах вора!..

Здоровяк переставил шаманку в сторону, шагнул вперед и быстро подхватил с земли посох. Потом воздел его над головой и потряс в воздухе. Остальные орки тут же разразились ликующими воплями.

— Да я не претендую на роль советчика. А в воровстве обвинять не надо. Вы сами на нас напали. Пленили моих людей. Я мирный купец. Пришел в степь торговать. А когда все это произошло, пытался всего лишь друзей освободить. Этот посох мне случайно подвернулся. Потом — каюсь, любопытство одолело. Богморна так интересно рассказывала о ключе, о башне…

— Не надо лишних слов, — остановила меня шаманка. — Ты не вор и не купец. Ты воин. Никому другому Огненный посох не указал бы путь, а башня Пяти ветров не открыла бы дверь.

Мы замолчали, глядя на Батарикса. Здоровяк тем временем подошел ближе к рубежу, сотканному из тумана, и не долго раздумывая врезал по нему посохом.

Сверкнуло, как при коротком замыкании. А когда зайчики в глазах успокоились, я увидел только дымок, который тут же подхватил и растрепал порыв ветра, и — посох, сиротливо лежащий на земле.

Наблюдающие за всем этим орки, похоже, даже дышать забыли. Такая воцарилась тишина.

— Почему-то я не удивлена… — негромко пробормотала Карритса. — Вряд ли Оркгрим Мудрый хотел видеть своим преемником примитивную гору мышц. Но я еще раз спрошу тебя, Влад: ты совсем никого не встретил в башне?

— Живого — точно никого.

— А дух?

— Дух… — Я призадумался, и что-то такое мелькнуло в памяти. — Да. Вроде был один.

— Опиши…

— Ну вообще-то, внушительный тип. Ничуть не слабее бедолаги Батарикса.

— Что-нибудь конкретнее можешь сказать?

— Конкретнее… Извини, мудрая, но все орки для меня на одно лицо.

— Не извиняйся, человек. Большинство орков тоже ваши морды не различает. А из одежды?

— Штаны кожаные… О, вспомнил. Ожерелье странное. Из медвежьих клыков и маленьких черепов… Они нанизанные

вперемешку, через одно.

— Это Оркгрим! — Шаманка воскликнула, не скрывая радости. И оглянулась на своих спутников. — Вы слышали? Это был дух Великого вождя.

— Прости, Карритса, но того орка звали иначе. Фортран, кажется…

— Это родовое имя, которое Мудрый носил до посвящения в воины. Свершилось! Оркгрим Мудрый вернулся.

Но радость шаманки разделяли далеко не все. Несколько голосов из группы сопровождения сперва негромко, а потом и во всеуслышание зароптали:

— Ерунда. Мы не верим. Почему Великий вождь решил объявиться нам в обличье человека?

— Именно потому, что Оркгрим — Мудрый, — повернулась к ним Карритса. — Неужели так трудно сообразить, что в теле человека его никто не узнает! А наш Великий вождь всюду беспрепятственно войдет и узнает все тайные замыслы врагов!..

— Это очень сложно, Карритса. Может, мы тебе и поверим, но каждому же не объяснишь! Знаешь, сколько будет сомневающихся?

Пока они спорили, я как бы невзначай подобрал бесхозный посох, взял Тень за руку и медленно попятился в сторону башни. Ни о каком сражении и речи быть не могло, сотня орков нас попросту затопчет. Оставалось надеяться, что в запретную зону они сразу не кинутся, а за это время мудрая Карритса придумает что-нибудь еще в подтверждение своей правоты. Но, похоже, чаша весов склонялась не в нашу пользу.

— Нет. Если человек сейчас же чем-то не подтвердит свое право, мы тоже не поверим, что дух Оркгрима выбрал себе такое ничтожное тело… — Орки оглянулись, и мой маневр не остался незамеченным.

Все, сколько их было, обошли шаманку и двинулись в нашу с Тенью сторону.

— Ты куда? Верни посох!

— Отдай им посох и ничего не бойся… — Карритса кинулась к остальным оркам, наверное, за подмогой, крича на бегу: — Не смейте причинить ему вред! Пусть решает Совет!

Сверкнуло. Громыхнуло. Полыхнуло… Воздушная волна бросила нас с Тенью на барьер. Но то ли башня уже считала меня своим, то ли еще за какие иные заслуги, а следопыт удачно повалился на меня и с защитным туманом не соприкоснулся. Но полыхнуло еще разок… Сильно полыхнуло.

А когда я открыл глаза, то ни одного орка из числа тех, кто посягал на Огненный посох, рядом не было. И еще на месте

нашего кострища дымилась внушительная воронка.

Офигеть! Вот оно как бывает. Ну спасибо тебе, неведомый недруг из Преисподней. Сегодня ты вовремя.

— Глупцы! Смотрите сами! — Карритса тоже уцелела и выводы сделала правильные. — Какое вам еще надо подтверждение? Слава Оркгриму Мудрому!

И все три, или сколько их там было, сотни орочьих глоток, сперва не слишком уверенно, но потом гораздо дружнее, заревели на всю степь:

— Слава! Слава Оркгриму Мудрому! Слава!..

«Ну что скажешь, Эммануил? Как тебе кино?

Нравится?»

«Вполне».

«А хочешь, скажу, как будет называться продолжение наших приключений?»

«Почему нет?»

«Огненная Рука — вождь орков!»

«Слишком длинно и спагетти-вестерном отдает».

«Тогда просто — „Атаман орков“. При условии, что автобус не подадут раньше».

notes

Примечания

1

Свет рождается во тьме.

2

Термин из бокса, «шаг в сторону».

З

Глечик *(укр.)* — кувшин.

4

Хэйхатиро Того — один из адмиралов Японского флота во время Русско-японской войны 1904–1905 гг.

5

Шашки со слезоточивым газом, на основе хлорпикрина.

Извините *(укр.)*.

7

Лицо *(диал.)*.

8

На войне, как на войне *(фр.)*.